АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ



ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Сборник IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1959

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ
В. И. АВДИЕВ и Н. П. ШАСТИНА

Б. М. ДАНЦИГ

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В РОССИИ (вторая четверть XVIII в.)[1]

Первые шаги на пути к созданию в России научного востоковедения относятся ко второй четверти XVIII в. Они связаны с организацией в Петербурге в 1724 г. Академии наук, публиковавшей периодические издания, в которых помещались информация, оригинальные труды и переводы иностранных работ по Востоку.

Незаменимым источником для изучения Ближнего Востока являлись записки паломников, а также подробные и регулярные (примерно раз в месяц) донесения русских дипломатических представителей (резидентов) в Константинополе. Однако реляции не публиковались (не считая отдельных сообщений в «Санктпетербургских ведомостях») и были малодоступным источником.

Периодические издания. Вскоре после образования Академия наук начала издавать (в 1727 г.) «Санктпетербургские ведомости», являвшиеся как бы продолжением «Ведомостей», выходивших с 1702 по 1727 г.

«Санктпетербургские ведомости» печатались на русском и немецком языках. Они уделяли довольно много внимания странам Востока. В них периодически помещались материалы о внутриполитическом положении и внешних сношениях Османской империи, военных действиях и т. п. Материалы заимствовались из иностранных газет, а также поступали от корреспондентов «Ведомостей», которыми порой были русские дипломатические представители за границей.

Приведем для примера сообщения из «Санктпетербургских ведомостей» об отношениях Турции с Персией:

---

[1] Настоящая статья представляет собой продолжение статей на ту же тему, опубликованных в первых двух сборниках «Очерков по истории русского востоковедения» (1953 и 1956 гг.).

«Из Константинополя от 20 дня июля. Заключенный при окончании прошлаго года между Портой и Султаном Эшрефом мир ныне в совершенство приведен. С Персицкой стороны обещано было, взятое у нашего войска при последней виктории оружие и протчие воинские припасы паки назад отдать, и землю Гувеиц, которая в древние времена Суза называлась, Порте уступить. Первый пункт уже исполнен, а о исполнении второго такожде крепко надеются, хотя Баше Багдатскому, которому по указу Великого Султана оную землю во владение взять повелено было, в первые, как он с некоторым войском приступил, зело противлялись...» [2].

«Из Константинополя от 29 августа. Из Персии присылаются ныне разные нечаянные ведомости. Партия Принца Тамаса принудила войско Ешрева в побег, так, что токмо 4000 от его войска осталось... Сие чинит в здешнем Диване не малое помешательство, понеже Порте в том ради последняго с Эшревом заключенного мира не малой интерес имеется, и при сих неспокойствах Порте весма не вступать, невозможно будет.

Ради полученной от Ахмета Крупула Баши Вавилонского ведомости, что оной Арабскую провинцию Гувеиц по силе учиненных с Эшревом трактатов к совершенному послушанию привел, имелись здесь чрез некоторое время разные увеселения. Полза, которую Порта из того имеет, почитай токмо в том состоит, что оной к городу Базоре (т. е. Басре. — *Б. Д.*) свободный проезд иметь, и караваны без опасения отправлять возможно будет, понеже тамошние жители при их прежней волности оставлены, которые еще непременно при своих арабских обычаях пребывают, и великому султану и повсягодных податей не платят» [3].

О русско-турецких отношениях сообщалось на основании реляции резидента в Константинополе И. И. Неплюева:

«А ныне получено известие из Константинополя от резидента Российского Неплюева, от 8 дня иуля, сего 1728 года. Что он резидент 12 дня иуля призван был к Турецкому Верховному Везирю Ибрагим Паше, который ему объявил. Слышит де он Везирь, что по вышеупомянутой причине отправления их турского войска из Европейских провинций к Кубани [ради усмирения ребелизанта Бахтигирея Делисалтана с его партизантами] некоторые иностранные министры, при Порте резидующие, разглашают, будто между Турецким и Российским империями

---

[2] «Санктпетербургские ведомости», 1728, 28 сентября, стр. 313.
[3] «Санктпетербургские ведомости», 1728, 26 октября, стр. 345, 346.

есть несогласие, для которого яко бы и войско их Турецкое отправлено в поход под претезтом Татарских дел...»[4].

30 декабря 1729 г. была помещена статья о народных волнениях в Египте.

На страницах «Ведомостей» освещались восстание Патрона Халила в Константинополе в сентябре 1730 г. и свержение султана Ахмеда[5]. В 1731 г. сообщалось о раскрытии заговора против султана[6] и об аресте в связи с этим 300 человек («многие из них того же часа задавлены»)[7].

18 мая 1738 г. было опубликовано такое сообщение из Константинополя: «Здесь подлинная ведомость получена, что для разогнания бунтовщиков в Азию отправленной Турецкой корпус, состоящей в 30 000 с потерянием 8000 человек от оных бунтовщиков назад прогнан. Вавилонский Паша никаких указов от Порты Оттоманской не принимает, чем Турецкое Министерство в немалое замешательство приведено. Великий Везирь почти все Турецкое Министерство переменил, а понеже он Кизлар-Аги, и рейз-эфендиа отставить не мог, то они оба всякими образы стараются, как бы самого Великого Везиря низвергнуть, и кажется что они свое намерение получат»[8].

Во время русско-турецкой войны 1735—1739 гг. «Ведомости» помещали сообщения о ходе военных действий — боях под Перекопом, взятии русскими войсками Козлова, Кинбурна и Азова[9].

В 1736, 1737 и 1738 гг. издавались специальные «Известия о воинских действиях против турок и татар», в которых печатались хроника военных действий и выдержки из донесений (например, «Реляция и журнал о щастливых действиях русской армии против Очакова»).

«Ведомости» публиковали иногда и документы международно-правового характера. Так, в феврале 1747 г. был помещен персидско-турецкий трактат, признавший Тахмас Кулы-хана законным государем Персии[10].

Все приведенные отрывки ясно говорят о том, что «Ведомости» могут служить важным источником для историков, изучающих Османскую империю. До 1742 г. к «Ведомостям» перио-

---

4 «Санктпетербургские ведомости», 1728, 7 сентября, стр. 290, 291.

5 «Санктпетербургские ведомости», 1730, 16 ноября, стр. 367; 19 ноября, стр. 372; 26 ноября, стр. 378—379; 21 декабря, стр. 410.

6 «Санктпетербургские ведомости», 1731, 3 июня, стр. 178.

7 «Санктпетербургские ведомости», 1731, 8 ноября, стр. 357.

8 «Санктпетербургские ведомости», 1738, 18 мая, стр. 313, 314.

9 См., например, «Санктпетербургские ведомости», 1736, 3, 5, 28 июля

10 «Санктпетербургские ведомости», 1747, 24 февраля, стр. 121.

дически прилагались «Примечания», в которых помещались научно-популярные статьи исторического и географического характера, объяснения иностранных слов и терминов [11].

Так, в «Примечаниях» к «Ведомостям» от 6 сентября 1729 г. подробно описывался караван, отправлявшийся в Мекку; при этом давалось краткое географическое и политическое описание Аравии, которую «географы щастливой, каменистой и пустой именуют». В 1730 г. был помещен большой обзор царствования султана Ахмеда III [12].

В «Примечаниях» к «Ведомостям» от 7 и 10 июня 1731 г. описывался бунт в Константинополе.

В марте 1739 г. в трех номерах была опубликована статья «О турецкой земле и о турках», составленная по работам римского посла Бозбека, французского консула де Риера, Марсильи и др. Этот исторический очерк хронологически ограничен временем «от праотца Османа и до того как Ахмет III принужден был с престола сойти» [13]. В нем приводятся сведения о мусульманской религии, об устройстве дворца, сераля и др.

* *
*

В Академии наук появляются иностранцы, владеющие восточными языками; наиболее известны из них Байер и Кер.

Готлиб-Зигфрид Байер получил образование в Кенигсбергском университете; там он изучил китайский, древнееврейский и арабский языки. В 1725 г. он переселился в Петербург, где занял кафедру по восточным древностям и языкам в Академии наук [14].

Байер написал ряд работ, имеющих отношение к Ближнему Востоку. Среди них наибольший интерес вызывают «Краткое описание случаев, касающихся Азова, от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу» (издано в Петербурге в 1734 г.) и «История о жизни и делах кн. Константина Кантемира».

Байер, отмечает акад. Крачковский, «в своих исторических

---

[11] Примечания были составлены по ранее опубликованным в Западной Европе материалам.

[12] «Примечания» к «Санктпетербургским ведомостям» от 3 и 7 декабря 1730 г., стр. 393—408.

[13] «Примечания» к «Санктпетербургским ведомостям» от 13 марта 1739 г., стр. 81—104.

[14] Байер известен своей реакционной теорией норманского происхождения древнерусского государства, против которой в свое время восстал М. В. Ломоносов, а в дальнейшем — и другие представители передовой русской общественно-политической мысли.

трудах о первом походе русов на Константинополь, в работах по Кавказу и Ближнему Востоку, впервые у нас выдвигая значение для истории России восточных материалов, ...пользовался иногда арабскими источниками в меру их доступности в ту эпоху... В его работах уже в первых томах академических изданий был применен арабский шрифт...» [15].

Георг-Яков Кер (G. J. Kehr) родился в 1692 г. в Шлезингене. Восточные языки он изучил в Галле; в 1722 г. получил звание магистра в Лейпцигском университете. Еще до приезда в Россию он опубликовал ряд научных работ. По рассказам Миллера, пишет П. Пекарский, Кер в особенности славился знанием арабского языка; он первый доказал, что куфические письмена — не что иное как древние арабские письмена [16].

Кер, ученик араба-дамаскинца Соломона Негри [17], был основательно знаком с ближневосточными языками. Сам он писал, что знает арабский, персидский, сирско-халдейский, самаритано-пунический, эфиопский, а также греческий и латинский языки. «Он первым в Европе на анализе 18-ти монет в 1724 г. дешифрировал арабский куфический шрифт, показав, что это лишь разновидность обычного арабского письма, а не особый шрифт, как думали до того. Им же было установлено происхождение арабских цифр из Индии — факт, значение которого в истории науки было оценено только гораздо позже» [18].

Кер, имевший звание профессора, в 1732 г. был приглашен в Россию графом Остерманом преподавать арабский, персидский и турецкий языки при Коллегии иностранных дел. Он не состоял членом Академии наук, но выполнял ее поручения [19]. Кер иногда присутствовал на академических конференциях. Так, на

---

[15] И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, М.—Л., 1950, стр. 45, 46. — О Байере подробно см.: П. Пекарский, *История Императорской Академии наук в Петербурге*, т. 1, СПб., 1870, стр. 180—196.

[16] О Кере см.: Н. С. Савельев, *Предположения об учреждении Восточной Академии в С.-Петербурге, 1733 и 1810 г.* (ЖМНП, ч. XXXIX, 1856, февраль, стр. 27—36); П. Пекарский, *История...*, т. 1, стр. 313; М. П. Шувалов, *Критико-биографический очерк жизни и деятельности ориенталиста Кера* («Сборник Московского Главного архива Министерства иностранных дел», вып. 5, М., 1893); И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, стр. 45—49.

[17] В своих письмах Кер называет Соломона Негри своим дорогим наставником и учителем (см.: М. П. Шувалов, *Критико-биографический очерк жизни и деятельности ориенталиста Кера*, стр. 96).

[18] И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, стр. 46.

[19] См.: Н. И. Веселовский, *Сведения об официальном преподавании восточных языков в России*, СПб., 1879, стр. 10.

одной из них 25 июля 1739 г.[20] он читал свой перевод с персидского языка на латинский астрономических таблиц Улугбека.

Кером был выполнен «немецкий перевод труда Абул Багадур-хана с поправками в слоге академика Фишера». «Этот перевод, — писал Пекарский, — был сделан непосредственно с татарского оригинала известным ориенталистом Кером очень близко к подлиннику, причем были верно переданы не совсем приличные для европейского уха выражения, за что Кера и винили как чудака»[21].

У Кера в Коллегии иностранных дел обучалось шесть учеников, направленных туда из Московской славяно-греко-латинской школы[22]. Это были Сергей Яковлев, сын подьячего, Петр Воронин, сын церковного сторожа, Василий Братищев, сын церковника, Федор Черницын, сын иконописца, Петр Чекалевский, сын подьячего, и Петр Щукин, сын купца.

В докладной записке на имя Коллегии иностранных дел Кер называл помехи изучению языков: «Шесть студентов... с половины прошлого года до ныне с великим уроном науки своей (от чего мне немалая причиняется скорбь и утрата) от сего учения весьма были удержаны и препятствованы следующими образами:

1) Понеже над оными студентами переводчики некоторую команду взяли и... отяготили перепискою курантов, переведенных на русское...

2) Оные студенты те куранты к господам советникам и секретарям коллегии будто солдаты или публичные почтари всячески смучены приносить и относить принуждены... время всякой вещи дрожайшее, которое к их науке свято определено есть, через ту волокиту и через долгое замедление в ожидании бесплода приходит...

3) Один и другой из тех студентов по сие время не токмо через целые дни и все недели, но и через целые месяцы повседневно от утренней зари даже до ночи делами и комиссиями... обязаны были».

Кер просил коллегию, «да соблаговолит оных учеников ориентальных языков от сих препятствий и инных в предь имеющих случится освободить отчего более мысли и веселости к успеху в науке им придается. Ибо и один Арапский язык целого мужа

---

[20] Т. е. менее чем за год до смерти (5 мая 1740 г.).

[21] П. Пекарский, *История*..., т. 1, стр. 617. Речь идет о переводе с чагатайского «Родословного древа турков» Абу-л-Гази.

[22] Н. И. Веселовский, *Сведения об официальном преподавании восточных языков в России*, стр. 5.

и всех лет его требует». Кер указывал, что студенты должны слушать лекции по 8 часов в день, «чего ради неправдиво есть, чтоб они на других людей труждались, сами будучи отягощены гораздо» [23].

В дальнейшем у Кера осталось лишь четыре ученика, двое из которых. Братищев и Чекалевский, были отправлены в Персию [24]. Остальные, отмечает Шувалов, в 1737 г. подали прошение с просьбой освободить их от изучения восточных языков, на которых они никогда не будут в состоянии изъясняться, так как на то требуется «природная своих стран практика».

Здесь Шувалов допустил неточность. Ему, очевидно, остались неизвестными некоторые материалы, хранящиеся в Архиве внешней политики. Так, в одном из документов Коллегии иностранных дел отмечалось: «При после господине генерале Румянцеве иметь Коллегии Иностранных дел канцеляриста Егора Борисова... а для писма вместо копииста двух учеников ориэнтальных Сергея Яковлева да Петра Воронина, которые здесь с 1732 года у профессора Кера обучались ориэнтальных языков и из товарищев их Василей Братищев да Петр Чекалевской посланы и ныне в Персии, а Петр Щукин в Константинополе при статском советнике Вешнякове... А профессору Керу вместо тех учеников для обучения ориэнтальных языков имеет потребовано быть от святейшего синода из московских школ еще молодых учеников двух или трех человек» [25].

В инструкции на имя Румянцева среди лиц, причисленных к посольству, упоминаются «два студента, которые обучались здесь несколько лет турецкого языка и притом по российски писать умеют...» [26].

---

[23] М. П. Шувалов, *Критико-биографический очерк жизни и деятельности ориенталиста Кера*, стр. 97—98.

[24] Братищев и Чекалевский были отправлены в 1735 г. в Гилян к консулу Арапову с тем, чтобы он нашел им «доброго и искусного учителя для обучения персидского языка» (см.: В. А. Уляницкий, *Русские консульства за границей в XVIII в.*, ч. 2, М., 1899, приложение № 96, стр. CCCXXVIII). В дальнейшем Братищев был резидентом в Реште (Ряше) и Гяндже (1744—1745). Что касается Чекалевского, то в 1752 г. он был назначен консулом в Персию, так как Коллегия иностранных дел, где он в то время служил в качестве секретаря, признала его способнейшим «как в виду его знания в делах, так и для того, что он в Персии сперва для обучения в языке немалое время жил, а потом неоднократно туда посылан и в делах употреблен был и персидский язык и тамошния поведения довольно знает» (там же, ч. I, стр. 590).

[25] АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1740, д. 12, л. 177, 177 об.

[26] АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1740, д. 13, л. 44, 44 об.

Имена Сергея Яковлева и Петра Воронина значатся и в ведомости на получение проездных и жалованья[27] под рубрикой: «ученики ориэнтальных языков».

Таким образом, из шести учеников Кера пять были использованы по специальности (как мы бы сейчас сказали); нам не удалось выяснить лишь судьбу одного ученика — Федора Черницына.

Кер занимался не только педагогической деятельностью. Известны его переводы турецких и персидских трактатов на немецкий язык и с русского (при посредстве немецкого) на восточные языки. Кер подготовил к изданию два тома громадного каталога так называемых куфических монет и монет джучидских. Как указывал акад. И. Ю. Крачковский, это «первый серьезный труд в своей области: в нем было положено начало изучению двух особенно существенных для нас отраслей восточной нумизматики». Кером были составлены географические карты Кавказа и Закавказского края, а также тщательно скопирована карта турецких владений, изданная в 1723 г. в Константинополе. С именем Кера связан написанный на латинском языке в 1733 г. грандиозный проект создания «Академии или общества восточных наук и языков в Империи Российской» («Academia vel Societatis scientiarum atque linguarum Orientalium in imperia Ruthenici emolumentum»). В этом проекте подчеркивалось, что постоянные сношения России с рядом стран (Турция, Крым и др.) требуют знания восточных языков. Вместе с тем, указывал Кер, в Россию прибывают «посланцы из Азии, окруженные свитой своих единоземцев, довольно по своему образованных. Для беседы с ними, равно образованной, вежливой и осторожной, требуются устные переводчики, называемые толмачами».

Кер доказывал, что русские чиновники должны иметь сведения о странах Востока, о их законах и обычаях. Он указывал на необходимость изучения «для пользы государства» исторических документов «Татарских, Турецких, Персидских, Арабских и Ливонских».

Академия должна была также готовить переводчиков, «которые бы все писанное по Арабски, по Персидски и по Татарски могли переводить и изчленять точно, отчетливо, верно и изящно... Письмоводцы и чистописцы, или секретари восточные, которые бы не только умели разбирать всякого рода почерки... но и сами были бы опытны и искусны в составлении писем и переписке их калиграфически... переводчики устные и толма-

[27] АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1740, д. 12, л. 349.

чи, восточные библиотекари, архивариусы, нумизматы, дипломаты, полиглоты и полигисторы, собиратели восточных древностей и истолкователи их»; они будут, так сказать, «живыми инвентарями знаний Востока».

Ратуя за учреждение Восточной Академии, Кер писал, что «не малая произойдет от того польза и слава для империи, тогда образуются и знающие военачальники, правители и чиновники для управления на пределах турецких, татарских, персидских, бухарских и сибирских и которые будут уметь ласковым обращением с пограничными восточными народами мало по-малу смягчать их и привлекать к добровольному подданству... Образуются и русские ученые по разным специальным знаниям Востока и опытные в делах турецких, татарских, персидских и арабских.... которые принесут пользу России».

Этот проект Кера не был осуществлен. Сам документ был потерян и найден только в 1821 г. акад. Френом [28].

Педагогическая деятельность Кера, его научные труды, создание проекта Восточной Академии — все это позволило его биографу Шувалову сделать следующее заключение: «Память о нем, как о первом в России ориенталисте и преподавателе восточных языков при Коллегии иностранных дел, должна быть дорога не только для изучащих у нас восточные языки и литературу, но и для всякого, кто следит за общим ходом развития умственной и политической жизни русского народа».

Высоко оценивает деятельность Кера акад. И. Ю. Крачковский, отмечая, что нельзя не поражаться грандиозности его проекта, этой попытки «синтеза теории и практики в востоковедной работе, которая стала осуществляться планомерно почти через два века» [29].

Переводная литература о Турции. Отражая интерес определенных кругов русского общества к Османской империи, особенно повысившийся в период русско-турецкой войны 1735—1739 гг., Академия наук решила перевести на русский язык изданную в 1732 г. в Гааге на французском и итальянском языках известную книгу графа Марсильи «L' Êtat militaire de l'Empire ottoman, ses progrès et sa décadence». Перевод этой книги был поручен, как об этом сообщает П. Пекарский, Василию Кирилловичу Тредьяковскому, академику по кафедре красноречия [30].

---

[28] И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, стр. 47.

[29] Там же.

[30] П. Пекарский, *История Императорской Академии наук в Петербурге*, т. 2, СПб., 1873, стр. 66, 67.

Тредьяковский весьма быстро справился с заданием, и толстый фолиант уже в 1737 г. вышел в свет[31].

Перевод книги Марсильи снабжен примечаниями (автор которых неизвестен); в них разъясняется ряд восточных терминов: заим, зиамет, тимар, тимариот и др.

В 1738 г. Академией наук был издан перевод с французского языка работы неизвестного автора под названием «Известие о двух возмущениях, случившихся в Константинополе в 1730 и 1731 годах при низложении Ахмеда III и возведении на престол Магомета V», повествующей о восстании Патрона Халила. Перевод был выполнен, очевидно, также Тредьяковским. В 1741 г. была выпущена на русском языке книга польского ученого Рикота «Монархия Турецкая».

Путешествия на Ближний Восток. В изучении Ближнего Востока в России, в ознакомлении русского общества с ближневосточными странами на протяжении нескольких сотен лет, как известно, большую роль играли записки путешественников и паломников.

Одним из последних по времени «хождений» были странствования во второй четверти XVIII в. Василия Григоровича-Барского (1701—1747).

Василий Григорович-Барский (Плака-Альбов), уроженец Киева, монах Антиохийский[32], большую часть своей жизни провел в путешествиях по Востоку, продолжавшихся почти четверть века (1723—1747). Барский обучался в Киевской академии, но не окончил ее. В 1723 г. выехал во Львов с целью лечения и до 1747 г. не возвращался на Родину. В 1724 г. Барский посетил ряд городов Италии, а в марте 1725 г. вступил в пределы Османской империи.

Он побывал в Солуне (Салониках), Афоне, Яффе, Иерусалиме, Синае, на Кипре; обошел почти всю Палестину. Пять лет прожил в Триполи в качестве преподавателя в греческом православном училище. В Антиохии он принял монашество. Во время русско-турецкой войны, в августе 1736 г., Барский выехал на Патмос. Здесь он в 1738 г. познакомился с Константином Политанским, своим земляком, настоятелем церкви при

[31] Русское название: «Военное состояние Оттоманския империи с ея приращением и упадком. Сочинено чрез графа де Марсильли члена Парижския Королевския Академии наук и Монпельерския. Также Лондонскаго королевскаго социэтета и основателя Болонскаго института», ч. I, СПб., 1737.

[32] Путешественник называл себя то Григоровичем, то Барским, по городу Бару, местожительству предков, то Плакой или Альбовым — перевод на греческий и латинский фамилии Беляев (см.: «Словарь исторической о бывших в России писателях духовного чина», СПб., 1818).

русском посольстве в Константинополе[33]. Благодаря этому знакомству о Барском узнали в русском посольстве. В 1743 г. Барский получил письмо от русского резидента в Константинополе А. А. Вешнякова, вызвавшего его к себе. Вешняков писал: «По писмам вашим к бывшему Константину Неаполитанскому, от нинешниго моего капеляна я радостно уведомлен, что ваша честность в острове Патмском по особливому вашему желанию к достойнейшим вашей ползы и славы отечества наукам бытность свою продолжаете, и имеете намерение оттуда нине назад возвратится».

Направляя Григоровичу паспорт и фирман на проезд, Вешняков указывал: «По получении которых имеете сюда в Константинополь безпрепятственно и немедленно, вследствие высочайших Ея Императорского Величества указов, понеже здесь в персоне вашей особливо не без нужды есть, неотложно возвратится, и по приезде своем в имеющимся в Пере Императорском резидующем Российском дворце нам явится»[34]. С Патмоса Барский выехал в сентябре 1743 г. и в декабре прибыл в Константинополь, посетив по пути Эфес и Сакиз, где прожил около 40 дней, «ради приобретения требуемих себе книг и инных ради нужд»[35].

Прожив около полугода в Константинополе без определенных обязанностей, Григорович-Барский имел возможность хорошо ознакомиться с городом. В 1744 г. он вторично отправил-

---

[33] Константин Политанский (Неаполитанский) был священником посольской церкви. В 1735 г. вместе с И. И. Неплюевым он выехал в Россию. По дороге Политанский покинул Неплюева и пустился в странствование по «святым местам», был на Афоне, в Иерусалиме, на Синае. В 1740 г. он вернулся в Константинополь и представил резиденту Вешнякову «преизрядные аттестаты от патриархов и их наместников доброго его жития», и за это ему была «аккордована амнистия, и к церкви святой определен» [из реляции А. И. Румянцева (АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1741, д. 12, л. 460)].

Из донесения Вешнякова от 31 августа 1742 г. известно, что неожиданно для всех Политический 8 августа «потурчился», т. е. отрекся от христианской религии и принял мусульманство (АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1742, д. 5, л. 660). Однако уже 6 октября Вешняков донес: Политанский вскоре заявил туркам, что он свой поступок совершил в состоянии безумия и остается христианином; за это турки, «видя, что он не поколебим и на лжепророка их хулу возлагает, то сего утра пред салтанским двором голову отсекли» (АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1742, д. 6, л. 154 об., 155).

[34] «Странствования Василья Григоровича-Барскаго по святым местам Востока с 1723 по 1747 г. Изданы Православным Палестинским обществом по подлинной рукописи под редакциею Николая Барсукова», ч. II, СПб., 1886, стр. 359—360 (далее — «Странствования»).

[35] Там же, стр. 367.

ся на Афон, где посвятил время изучению монастырей и архивов, и первым познакомил ученый мир с богатством исторических памятников афонских монастырей [36].

О дальнейшей жизни Барского имеются скудные сведения, позволяющие установить лишь, что, прожив более года на Афоне, он вновь побывал на Патмосе, Кипре, в Арте, Афинах и в 1746 г. вернулся в Константинополь. Здесь, вместо умершего Вешнякова, он застал на посту резидента А. И. Неплюева.

Как полагают Рубан и Барсуков, между Неплюевым и Барским произошел конфликт, в результате которого последний произнес какие-то «дерзновенные слова»; Неплюев угрожал под «жестокою стражею» отправить Барского на первом отходящем корабле в Петербург [37].

Покинув Константинополь, Барский направился через Румынию, Болгарию, Молдавию, Валахию и Польшу в Киев. Еще будучи в Бухаресте, где он задержался по болезни, Барский получил приглашение от префекта киево-подольских школ занять место преподавателя греческого языка. 5 сентября 1747 г. Барский приехал в Киев и через месяц после своего возвращения на родину, 7 октября, умер, не успев полностью привести в порядок свои записки.

Об огромном интересе, который в свое время вызывали у читателей записки Барского, свидетельствует тот факт, что они были изданы до 1819 г. шесть раз. Первое издание вышло в 1778 г. [38]. Однако задолго до его выхода записки Барского широко расходились по стране в рукописном виде.

В предисловии к первому изданию, составленному издателем Рубаном, мы читаем: «Тридцать лет уже прошло, как сию книгу, двадцать четыре года пешеходного путешествия содержащую, по кончине сочинителя ее, с превеликою жадностью списывают все те, до коих о ней хотя малейшее дошло сведение. В Малой России и в окружающих оную губерниях нет ни одного знатного места и дома, где бы не было ее списка. Почти во всех Российских семинариях, для епархиальных архивов, по нескольку раз ее переписывали, благочестивые люди из

[36] Ряд биографических данных о Григоровиче-Барском, приведенных в первом издании Рубаном, был ему лично сообщен братом Василия — Иваном Григоровичем-Барским (1713—1785), известным украинским архитектором, творчество которого сыграло значительную роль в развитии украинского барокко второй половины XVIII в.

[37] «Странствования», ч. I, 1885, стр. XXXIV.

[38] «Пешеходца Василия Григоровича-Барскаго-Плаки-Албова, Уроженца Киевскаго, Монаха Антиохийскаго, путешествие к святым местам, в Европе, Азии и Африке...», СПб., 1778.

духовных и мирских состояний, за великие деньги доставали оную».

Записки Барского издавались и в отдельных извлечениях. Например, еще в 1770 г. в петербургском журнале «Парнасский Щепетильник» был напечатан отрывок из них под названием: «Описание города Солуня».

В 1885 г. Палестинское общество выпустило первую часть «Странствований» Барского, а спустя два года вышел четвертый, последний том. Это издание было выполнено по подлинной рукописи Барского под редакцией Н. П. Барсукова, известного русского археографа, библиографа и историка России.

В дореволюционное время книгам Барского была посвящена в России довольно значительная литература [39]. О записках Барского упоминают словарь Новикова «Опыт исторического словаря о российских писателях», изданный в 1772 г., Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона и др. Интересно отметить, что «Странствования» Григоровича-Барского обратили на себя внимание Н. Г. Чернышевского, который в 1855 г. в своей рецензии на книгу А. С. Норова подчеркивал, что из писателей-паломников XVIII в. путевые записки Барского «пользовались нераздельным уважением любознательных и набожных читателей и имели не менее шести изданий».

«Василий Григорович, — пишет Н. Г. Чернышевский, — путешественник наблюдательный и любящий подробно описывать все виденное; потому записки его, особенно первый том (второй почти весь посвящен описанию афонских монастырей, монотонному и довольно утомительному), представляют чтение разнообразное и занимательное... путешествуя по большей части пешком и Христа-ради, он испытывал много приключений, придающих иногда живой драматизм рассказу». Вместе с тем Чернышевский отмечает, что «вся книга по своему характеру принадлежит еще литературе старинной Руси, и даже в прошедшем веке могла быть читаема большинством только по решительному недостатку удовлетворительных сочинений, писанных сообразно развитию вкуса и образованности» [40].

Большие исследования о работе Барского даны А. Гиляревским в статье «Русский паломник Барский» [41] и Н. Барсуковым в его предисловии к седьмому изданию «Странствований», и в книге «Жизнь и труды В. Г. Барского».

---

[39] «Жизнь и труды В. Г. Барскаго. Соч. Николая Барсукова», СПб., 1885, стр. 3, 4.

[40] Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. II, М., 1949, стр. 518—520.

[41] «Русский архив», кн. 1, 1881, стр. 58—136.

В советское время деятельность Барского была отмечена в работах М. С. Боднарского [42] и И. Ю. Крачковского [43].

В путевом дневнике Барский записывал почти ежедневно все виденное; его книга — не воспоминания, а живые зарисовки по свежим следам. Барский приводит много ценных географических, этнографических и экономических сведений о посещенных им странах. Его интересуют вопросы торговли и мореплавания. Он рассказывает о национальности, языке, вере людей, с которыми сталкивается, об их обычаях. Уделяя основное внимание описанию монастырей, он в то же время останавливается и на памятниках искусства и старины. Особое внимание он обращает на неизвестные ему явления природы. Так, проходя через Бескиды и впервые увидев горы, покрытые снегом в летнее время, он приписал это «Божьему смотрению».

Барскому много раз приходилось плавать по морю. Приведем описание им своего первого морского путешествия из Италии в Салоники (1725): «видехомь точию небо и воду морскую, и мнится бити, яко вес свет затопе и несть ничтоже, кроме води и неба. Сице от превеликой широти мнится бити... В утрее же, егда возмутишася волни на море и начаша носити и колебати корабл дозела, яко множицею вода вливашеся в корабл, и бист страх велий...» [44]. На пути из Афона в Царьград Барский записывает: «Пловущи убо от Сакиза, одесную оставихомь град прослутий Смирну, многокораблное пристанище на великой земле Асии, ошую же минухом островь велик, именуемий Митилен, идеже суть два архиерейскии престоли и две крепости градскии, и многие села, и зело земля обфитая, слишится быти, и многоовощная. Таже, паки одесную, минухом в Асии, недалече моря, знаменитий оный град Трое... Таже, паки одесную, минухомь островь немал, именуемий Тенедо, идеже вино рождается зело сладкы, аки мед, нарицаемое Мускатом» [45].

Исключительное внимание уделяет Барский растительному миру; в частности, о Египте и Сирии он пишет:

«Егда же напаятся поля и река (т. е. Нил. — *Б. Д.*) испадеть, тогда сеют пшеницу, риж, боб, сочиво, и прочая... яко всей Аравии от Египта изобиловати, тако-бо много рождается рижа, яко в наших странах жита или пшеници» [46]. Вблизи

---

[42] М. С. Боднарский, *Очерки по истории русского землеведения*, М., 1947, стр. 117, 118.

[43] И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, стр. 56.

[44] «Странствования», ч. I, стр. 176.

[45] «Странствования», ч. II, стр. 367, 368.

[46] «Странствования», ч. I, стр. 418.

Александрии, отмечает Барский, «идеже ничтоже не рождается, токмо финиковь многое множество»[47].

Дамаск поразил Барского обилием садов, разнообразием в них деревьев, пышной растительностью, которая особенно его удивила, так как вокруг города находились «гори камение, нагие, от севера и от полудни, к востоку поля сухие и безводние и пустиня далече протяжеся...»

Привлекло его внимание водоснабжение и орошение на Востоке. Он подробно описывает устройство водоснабжения в Дамаске, фонтаны, бассейны, где «всяк в своемь дому почерпает воду, и вода здрава и хладна к питию ест»[48].

Барский много рассказывает о торговле, рынках, торговых помещениях. Салоники славятся не своей красотой, пишет он, а тем, что город посещают корабли, привозящие товары из Царьграда, Венеции, Франции, Англии; его также посещают купцы, приходящие из Германии, Болгарии, Сербии, Далмации, Молдавии и Украины, ведущие торговлю разными товарами и особенно пшеницей.

Барский подробно перечисляет номенклатуру товаров, которыми торгует Египет с Индией.

«Египет [т. е. Каир] есть славен множеством купцевь, различними и драгими товары, понеже ест пристанищемь торговцев, от Индии возвращающихся. Египет великие користи имат от Нила реки и от Чермнаго моря, начало убо его совокупляется с окияномь, конец же отстоит от Египта три дни хождения землею, идеже ест пристанище, рекомое Сувез. Възращающеся убо купцы кораблями от Индии чрез окиян, проходят чрез Чермное море и приносят в Сувез, Ливан, Смирну, перец, кинамонь и прочая аромата и корении благоуханная, такожде сосуди драгии фарфорнии и иннии многоценнии вещи: приносят же кафе, иже рождается в Емени, над Чермним морем, яже страна не в власти Турецкой ест, но особно. Та убо вся вещи приносятся чрез море Чермное, даже в Сувез, а оттуда по земле в Египет; от Египта же на Чермное море посилается риж, пшеница, фава, сочиво и вся ядомие вещи, яже тамо оскудни суть»[49].

О Дамаске Барский пишет: «Торжище тамо великое и прекрасное, многи стогни и чини имущое, с врати железними комори от камени здании, и товари различни обретаются всегда, понеже от далекихь и многих стран приходят купци, принося-

[47] Там же, стр. 407.
[48] «Странствования», ч. II, стр. 92, 93.
[49] «Странствования», ч. I, стр. 417, 418.

ще и относящи товари, найпаче же Греки от Филиполя, Цариграда, Трапезунта и прочих градов Анатолии»[50].

Описание Барским посещенных им городов говорит о его большой наблюдательности и любознательности. Приведем несколько выдержек подробного описания Каира, который Барский называет «великий град Египет». «Египет есть град зело ветхий, не зданиемь, но лети, еще бо прежде Рождества Христова и прежде ветхаго закона Моисеомь данного, бист... Ведати же подобает, яко Египеть разделяеться на два именования: Египет именуеться вся страна Египетская и Египет именуеться град... Египет стоит на равном, веселом и добром месте, над рекою славною Нилом, яже великие користи творит в стране той, токмо крепост, то ест замок, на височайшем от града месте... Тамо доми иние от родимаго камене, инние же от плинф сут зданние строением високим и лепотним, много чардаковь и окон имущие, ради прохлаждения, понеже зело тепел и неудоб стерпимь край ест... Улици тамо мало обретаются широки, но все узкие, и домовь строение тесное зело, яко к многим домом вход точию един, идеже обитают пят или шест господаровь вкупе, с женами и детми, едини низу, а другие горе; се же множества ради народа, населшагося тамо, таковая ест теснота... не токмо же вь дни, но и в нощи много людей обретается, понеже тамо вси в единь час никогда же ни усипают, но инии в дни труждаются, инний в нощи, найпаче вещи к ядению и питию в нощи делают. По стогнахь же кандилы зажженни чрез всю нощ горят, да не преткновенну имуг стезю, ходящии в нощи; тому же и злый человек абие познан и уловлен бивает. Обичай бо есть тамо нощию проходити дозорцем стогни градскии, злочинцов ради, иже егда некоего уловит, аще и малейшее знамение имущаго к злу, абие на стогне, кроме всякого суда в главу усекается; сего ради тамо весь народ с великим страхом и опаством нощию ходять». Барский останавливается на торговом значении Каира и переходит к описанию Нила. «Не малое добро и Нил река творит, яже разливается на всякь год и наполняет, и тогда копают людие рови и напаяют вся поля Египетские от сладости реки, тол бо сладку и здраву воду имат, яко на островахь реки тростие раждается, соку сладок имущое, от него же делают цукор. Кораблецовь и ладий, яже на реце Ниле путешествують, сут многое множество. Египет, аще и под державою ест султана Турецкого, обаче не весма ему покаряется, токмо дан дает ему, и паша, иже обладает Египтом, наставляется от Цариграда. Обаче паша тамо не дол-

[50] «Странствования», ч. II, стр. 96, 97.

го господствует, единь бо другаго низлагает... Хлеб, елей, сир, масло, кафе и вся вещи, яже к пище, на малой цене продаются, вино же и горелка скупо, понеже от Белаго моря приходит, а не тамо делается»[51].

Во время пребывания в Египте в 1727 и 1730 гг. Барский посетил также Розетту и Александрию. В Александрии его внимание привлекла «игла Клеопатры», обелиск, воздвигнутый в Гелиополе в XV в. до н. э. и вывезенный в Александрию во время римского владычества. Барский с исключительной точностью срисовал с этого обелиска большую иероглифическую надпись.

«Рисунок Барского, являющийся одним из первых воспроизведений александрийского обелиска, поражает тщательностью, с какой русский путешественник, художник-самоучка выполнил свою задачу. Не пропущен почти ни один иероглиф: контуры многих знаков переданы настолько точно, что для египтолога не представляет никакого труда прочитать их. Для начала XVIII в., когда в Европе не только не умели читать египетские письмена, но даже не было достаточных воспроизведений египетских иероглифических надписей, рисунок В. Г. Барского представляет собой исключительное явление», — пишет И. Г. Лифщиц, автор комментариев к книге «О египетском иероглифическом алфавите»[52].

Барский так же подробно описывает и другие города: Сайду, Триполи, Бейрут, Хаму, Хомс, Александретту, Алеппо, а также развалины Баальбека.

Внимание Барского привлекают и бытовые стороны жизни: одежда, пища; он делает довольно меткие замечания о разных этнографических подробностях. Так, рассказывая об арабах, живущих между Яффой и Иерусалимом, он пишет: «Ни в градехь, ни в весехь не имут своих домовь, но на поли, при пути и окрест мест, в шатрахь обитают, инии же в пещерахь, помежду горами, аки зверие, но недалече от градовь. Ходят же токмо в едних кошулях (рубахах. — *Б. Д.*) жени и дети их, и сандалия на ногах носят, понеже тамо жестоко ест по каменехь ходити, и мужие такожде едини токмо хитони носят, даже за колена; ножной же одежди не носять, и всякь имат нож при поясе велик. Вси же поверху кошуль носят ризи одинакие, пестрие, от килима простаго сошвенние, от них обикоша купци мехи шити на товари. Ни сеют же, ни орут, ни инний кий труд

---

[51] «Странствования», ч. I, стр. 412—418, 420.

[52] Ж. Шампольон, *О египетском иероглифическом алфавите*, М., 1950, стр. 225—227.

творят, но от монастирей християнских пищу испрошают и многу имь обиду творят. Пища ихь повседневная — хлебь и елей, вина же, ни иннаго пития не вкушают, а елей сице любят, яко хлеб омочающе в него ядят; аще же им где случится доволно обрести, то ложицами ядят и пиют аки воду»[53].

Барский отметил, что на пути в Иерусалим и Яффу виноградных лоз мало, «понеже Арапи природне вина не обикоша пити и ни иннаго хмельнаго пития, тако богатии, якоже и убогии, токмо воду едину». Из этого Барский сделал неожиданный вывод: «того ради и лицем неблагообразни сут, но черни, сухи, зверовидни»[54]. К вопросу о том, что арабы не пьют вина, Барский возвращается не раз. Он явно негодует на арабов за это. Говоря о причинах слабого развития виноградарства вблизи Рамле, он пишет: «...лозие же не обретается, ни вино. понеже Ефиопи зело ленивь и развращень народь, и сам не пиет вина и пити хотящим не плодородить»[55].

Почти всегда Барский отмечает национальный и религиозный состав населения посещенных им мест: «В Египте (т. е. Каире. — *Б. Д.)* обретаются людие различнаго рода, различной вери и различнаго языка, яко то: Турки и Арави, аще и единоя вери сут, такожде Греки и Арави православнии христиане... обретаются еще в Египте Римляне... Обретаютжеся в Египте Енглези и консул их. Сут паки Армен множество... Обретаются еще некие християне еретики, именуеми Копти... и тихь суть множество в Египте... Обретаютжеся тамо и Жидовь много... Многое же множество Турков странних от Константинополя, Анатолии и от иннихь великих градовь и острововь морских обретаются тамо; но Аравовь без числа суть, тамо бо ихь род и отечество ест»[56].

Барскому было чуждо отрицательное отношение к людям иных национальностей, но он часто проявлял религиозную нетерпимость, особенно в отношении мусульман.

В 1743 г., как указывалось выше, Барский был вызван в Константинополь русским резидентом Вешняковым. Он прибыл туда в конце декабря того же года, в свите резидента побывал на приеме у великого везира и подробно описал эту красочную церемонию[57].

Подводя итог, можно сказать, что записки Василия Григоровича-Барского являлись источником многочисленных правди-

---

[53] «Странствования», ч. I, стр. 299.
[54] Там же, стр. 281.
[55] Там же, стр. 288.
[56] Там же, стр. 415—417.
[57] «Странствования», ч. II, стр. 371—373.

вых и разнообразных сведений для его современников. Они свидетельствуют о большом интересе, который проявлялся к Ближнему Востоку в России в первой половине XVIII в. Сам Барский вырисовывается перед нами как наблюдательный человек, интересующийся жизнью восточных стран.

Ко второй четверти XVIII в. относится путешествие в Палестину инока Матронинского монастыря Киевской губернии Серапиона. Путь его пролегал через Борисполь, Золотоношу, Чигирин до Сечи Запорожской, «куда много караблей с вином приходят». Оттуда на корабле Серапион направился в Очаков и Константинополь.

После высадки на берег Серапион и его спутники были арестованы турецкими властями, но через три дня освобождены по требованию А. И. Неплюева. Посетив достопримечательности и «святые места» Константинополя, Серапион направился на Афон и оттуда в Смирну.

«И град Смирна, — писал Серапион, — превосходит красотою и величиною многие города и мало не сравнится к самому преславному Царюграду, бо такого города, сколько я ходил, кроме Царяграда не видел; еще мне он показался и от самого Царяграда краснейший, только что мало меньший. Туда всегда премного кораблей великих купеческих приходит отовсюду; в сем городе фиг, родзинок и вина предоброго довольство. Оттуда и в Царьград и в протчие города и нации отходят кораблями».

Посетив Хиос, Серапион отмечает, что «он и протягивается наипаче садами, лимониями, португалами, померанцами и протчими древьями, меж коих древьев, як посмотришь, превелике всюду проделаны каменные и высокие палати...» [58]

Описания путешествий русских людей в XVIII в. на Ближний Восток — ценный вклад в историю его изучения.

Дипломатические документы — реляции русских резидентов в Константинополе — как источник изучения Ближнего Востока. Как уже указывалось, важнейшим источником для изучения внутриполитической истории и внешней политики стран Ближнего Востока являются дипломатические документы, донесения русских дипломатов.

Эти реляции и многочисленные приложения к ним обычно представляли собой секретные зашифрованные документы (ци-

[58] См.: «Путник или путешествие во Святую Землю Матронинского монастыря инока Серапиона, 1749 года» («Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских», кн. 3, 1873, отд. «Смесь»), стр. 78 и далее.

фирь). Они предназначались для крайне ограниченного круга лиц: императора (или императрицы), канцлера, вице-канцлера и небольшого числа высших чиновников. Понятно, что не только широкая публика, но даже и Академия наук не имела к ним доступа; лишь немногие реляции попадали в «Санктпетербургские ведомости». Тем не менее нам кажется несомненным, что донесения резидентов уже в то время были ценным источником при изучении Османской империи.

Русские резиденты в Османской империи были хорошо осведомленными людьми. Их осведомленность основывалась и на личном общении с турецкими деятелями (великим везиром, министром иностранных дел, главным переводчиком Порты, крупными чиновниками, иностранными послами), и на информации из других стран. Между Константинополем и Петербургом поддерживалась регулярная курьерская связь. Почта поступала обычно раз в месяц.

В рассматриваемый период русскими представителями при Оттоманской Порте были И. И. Неплюев, А. А. Вешняков и А. И. Неплюев.

Иван Иванович Неплюев был резидентом в Турции с 1721 по 1735 г. Он принадлежал к числу «младших птенцов гнезда Петрова». Как и многие молодые дворяне, он был послан за границу для обучения морскому делу и на стороне Венеции принимал участие в войне с Турцией (1717—1718). По возвращении в 1720 г. в Петербург Неплюев был назначен «главным командиром над всеми морскими судами», строившимися в столице.

Назначение Неплюева резидентом в Константинополь объясняется в значительной степени тем, что он свободно владел итальянским языком, одним из официальных языков Оттоманской Порты [59]. С именем Неплюева связано заключение русско-турецкого договора 1724 г. о размежевании земель на Кавказе.

В 1729 г. в Константинополь был направлен Алексей Андреевич Вешняков, бывший с 1725 г. консулом в Кадиксе, чтобы в случае необходимости заменить больного Неплюева. К концу 1734 г. после тяжелого приступа болезни Неплюев передал Вешнякову исполнение своих обязанностей. Неплюев писал: «в 1734 году нашелся я столь отягчен болезнью и от того пришел в такую слабость, что медики отказались от пользования, и по сей причине принужден был я от правления дел отказаться и на свое место именем ее величества аккредитовать надворного со-

---

[59] См.: П. Пекарский, *Наука и литература в России при Петре Великом*, т. I, СПб., 1862, стр. 187.

ветника Алексея Вешнякова, что учинено 30 декабря того же года»[60]. До отъезда Неплюева в сентябре 1735 г. (он пробыл в Турции 13 лет) Вешняков пользовался его советами: иногда они совместно писали реляции в Петербург.

Вешняков пробыл на посту резидента до конца жизни (1745). Лишь во время русско-турецкой войны, осенью 1736 г., ему было разрешено выехать в Россию. 10 декабря 1739 г., после подписания Белградского договора, он вернулся в Стамбул[61].

Как мы уже отмечали, в нашу задачу не входит освещение дипломатической деятельности русских резидентов. Нас интересует лишь та информация, которая поступала от них в Петербург. В связи с этим интересно выяснить, кем были авторы донесений, из кого состоял аппарат русского резидента в Турции.

Из письма Неплюева на имя Г. И. Головкина от 6 июля 1731 г. мы знаем, что в составе русской миссии были переводчики Маринин, Сенюков, Бакунин, Похвиснев (с братом), а кроме того, подьячий, ученики (они были присланы в 1742 г., отданы во французскую школу и спустя два года переведены в резидентский двор), доктор и священник.

Неплюев писал о Петербурге: «Стола моего было десять человек, включая доктора, а с прибывшими Похвисневыми — двенадцать, да моих собственных мужеска и женска пола служителей двадцать два человека, да семь лошадей, да служителей господина Вешнякова, да переводческих и ученических девять человек, а всего, кроме лошадей, 44 человека»[62].

Несколько позднее в списке лиц, принесших в ноябре 1740 г. присягу наследнику престола Иоанну Антоновичу, мы находим трех переводчиков Коллегии иностранных дел Пиния, Дандоло и Барута, пять учеников переводческих дел — Щукина, Буйдия, Дандрия, Микрини и Саная и четырех малолетних учеников — Миронова, Федорова, Яковлева и Степанова[63].

В списке присягнувших Елизавете Петровне в декабре 1741 г. встречаются имена переводчиков Александра Пиния, Георгия Дандоло и Антония Барута, учеников Николая Буйдия, Вилима Дандрия, Сергея Яковлева, Петра Щукина, Ивана Маринина, Франциска Марини и толмачей Ивана Янковского, Ивана Манукина, Сафрона Харламова и Михаила Врубеля[64].

---

[60] «Записки И. И. Неплюева, 1693—1773, новое полное издание с примечаниями», СПб., 1893.

[61] АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1740, д. 12, л. 147.

[62] АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1731, д. 7, л. 295.

[63] АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1740, д. 19, л. 830, 831.

[64] АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1741, д. 5, л. 633, 634.

Русские дипломатические представители в Константинополе уделяли большое внимание подготовке переводчиков.

Из денежных отчетов видно, что русское посольство в Константинополе систематически выплачивало жалованье учителям турецкого и греческого языков.

Вешняков сообщал в Коллегию иностранных дел 15 июня 1740 г., что он отобрал из возвращенных русских пленных пять «малых ребят» для подготовки переводчиков: «Необходимо нужно нам обзаводиться своими и чтоб установить какое основание, как есть у французов школа в Париже, и здесь учат человек по тридцати: и так ныне везде своих имеют, также и нам надобно набрать сколько можно и из таких, которые годиться будут и еще в России учить... По слабейшему нашему мнению выбрать из Спасской Латинской школы в Москве умеющих по латыне молодых острых дворянских детей и велеть учить в особливой школе по турецки и гречески, также и по итальянски...

При нем [Вешнякове], бывший несколько лет и в делах с пользою употребляемый природной грек из Янины, зовомый Николай Иванов сын Буйдий, определен в учение переводческих дел... Сверх его природного простого, отчасти и литературного греческого языка и итальянского, довольно разумеет и пишет по-русски, он же и по-турецки говорит и читать всякую нужду научился...»

О Николае Буйдии[65], авторе «Краткого объявления о тогдашнем состоянии Оттоманской Порты», составленного в 1752 г., известно из реляции Вешнякова от 25 февраля 1740 г., в которой он писал: «Один бедной греченин уже девятый год находится при миссии, годится для перевода с греческого и итальянского на русский и с русского языков, состояния зело тихого, в верности уже испытанного и, кажется, могу за него ответствовать, ибо и ныне здесь мне немалой пользы: зовется Николай Буйдий, уроженец из Арты, в Албании, от добрых и лучших тамо родителей»[66]. В 1735 г. Буйдий, ограбленный турками, пришел в Константинополь и отдался под покровительство Вешнякова, в 1736 г. ездил с ним в Петербург, а в 1739 г. был принят на службу учеником переводческих дел и отправлен в Константинополь.

«Александр Пиний, пасынок Андрея Марини, с 1739 г. при-

---

[65] АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1752, д. 7. Выдержки из этой работы впервые опубликованы А. С. Тверитиновой в статье «К вопросу русско-турецких отношений в елизаветинское время» («Советское востоковедение», № 6, М.—Л., 1949, стр. 312—326).

[66] АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1740, д. 8, л. 297.

нят в ученики переводческих дел и по нужде тогда же немедленно для посылки в Порте употреблен, за заслуги в переводчики переведен. Говорит по-гречески, по-итальянски и по-турецки яко природной». Он учится «прилежно и с плодом» [67].

«Франциско Барут, родом алепинец, мастер знанием арапского, персидского, турецкого и других многих восточных языков, также и христианских — латинского и итальянского, и французского, человек разума недальнего, что других светских дел и обхождения касается, токмо в языках и паче восточных зело искусен и по такому его искусству для изучения языков и переводчиков зело нужен. Ала Ходжа турок в нашей службе — для учения многих учеников и переводчиков, также и письма» [68].

В секретном сообщении, приложенном к реляции от 22 июля 1743 г., Вешняков дает характеристику некоторым членам посольства; в частности, говоря об А. Пинии, он пишет, что последний по-турецки говорит совершенно, «однако читать и писать всего сам не в состоянии, хотя и учится зело прилежно, и по времени доволно, и более многих старых переводчиков умеет, яко турецкая грамота, будучи неисправная, зело трудна читать. Понеже пишут без гласных букв, и те гласные разно провозглашаются, от чего происходит, что ежели кто с мастером какого-то слова не читал, иногда прочесть не может: сверх того здешние придворные и канцелярские слагания совершенно разны от говорения и простого языка; и кто хочет таким же образом слагать, тому нужно необходимо уметь поарабски, и по-персидски, у них же есть разные буквы...» [69].

Из учеников можно упомянуть Семена Дементьева, освобожденного из турецкого плена, который «по-турецки говорит, как природный, пишет рукой дивной, читает свободно». Всего при Вешнякове находилось 13 человек, получавших жалованье: «Из сих видны некоторые, что уже действительно годны и достойны. Другие в надежде и уповании к тому содержатся» [70], — пишет Вешняков.

Кроме донесений резидентов, информация в Петербург поступала также от А. И. Румянцева. Заключение Белградского мирного договора (7/18 сентября 1739 г.) вызвало посылку в Константинополь великого посольства. Во главе его в качестве чрезвычайного посла был поставлен Румянцев. Это была его третья поездка в Турцию. Румянцев выехал из Петербурга

[67] АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1741, д. 12, л. 467, 468.
[68] Там же, л. 468.
[69] АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1743, д. 5, л. 307.
[70] Там же, л. 309.

19 мая 1740 г. с большой свитой и огромным караваном с конвоем (свыше 500 человек). Путешествие продолжалось долго; это объясняется тем, что между Румянцевым и турецкими властями возникла большая переписка о месте встречи с турецким посольством, направлявшимся в Петербург, и о церемониале.

17 марта 1741 г. Румянцев торжественно въехал в Константинополь. В составе посольства были переводчики Яковлев, Воронин и Константин Руллу, а также «ориентальных языков» секретарь Федор Сенюков, ранее находившийся при фельдмаршале Минихе, и толмач Федор Семенов [71]. В качестве секретаря посольства был Андриан Иванович Неплюев, сын И. И. Неплюева [72].

В многочисленных и подробных реляциях Румянцева мы находим любопытные наблюдения не только политического, но и бытового характера — о церемониях, празднествах, приемах и т. п.

* *
*

Донесения русских резидентов характеризуют внутриполитическое положение Турции во второй четверти XVIII в.: феодальную раздробленность, коррупцию, взяточничество, рост народного недовольства, ярким проявлением которого явилось восстание народных масс Константинополя в 1730 г. под руководством Патрона Халила. Так, в одном из своих донесений И. И. Неплюев сообщает о причинах восстания: «Сентября 17 дня учинился внутри Константинополя бунт, который толико усилился, что Салтан принужден был везиря, и муфтия, и капитан-пашу, и везирского кегаю умертвить, но и тем бунтовщики не удовольствовались и самого султана с престола свергли. А на место его возвели племянника его Магмута сына Мустафа салтана». Неплюев характеризует 27-летнее царствование султана Ахмеда: «Сначала своего государствования и до окончания (султан Ахмед. — *Б. Д.*) был побужден ненасытимою страстию сребролюбия; в удовольство тому министры его, оставя правду и суд, всякими мерами и нападками с подданных деньги похищали и несыть Салтанову исполняли и

---

[71] О миссии Румянцева см.: С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. XXI, кн. 5, СПб., [Б. г.], стр. 83—84; «Русский биографический словарь» (том Романов—Рясовский), 1918, стр. 471—473; АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1740, д. 12, 13, 16, 18, 24; 1741, д. 12, 13.

[72] После смерти Вешнякова Неплюев был назначен на пост резидента в Константинополе, где и скончался в 1750 г.

за то народ турецкий и всякого рода подданные, от излишних вновь налагаемых пошлин и напрасных нападений, в немалом озлоблении находились и ропты в лихоимстве Салтанском и министерском умножались» [73].

Одной из причин народного недовольства была деятельность великого везира Ибрагима. Неплюев писал, что Ибрагим, «пробывший на своем посту 12 лет, на все государственные должности назначал близких ему лиц, но между духовных в том не успел... Салтан во всем ему отдался и по его воле следовал, что везир уже правление внутренних государственных дел оставил все на своего кегаю Агамета, которой был человек гордой и бесчеловечной варвар и сребролюбием подобен государю салтану Ахмету и равномерно в народе ненавидим был» [74].

Непосредственным поводом восстания 1730 г. явилось поражение турок в войне с персами. Потеря Хамадана, Керманшаха и особенно Табриза вызвали возмущение среди янычар, а также торгового люда.

Как объясняет Неплюев, при взятии Табриза турками «домы и лавки и торговые ряды отписаны были на салтана и потом проданы из казны воинским и прочим партикулярным людям, которые похотели в Табризе основательно жить. А ныне Порта добровольно оной город персианам уступила и потому справедливость требует, дабы обывателям тавризским те деньги заплатили, которые у них за дворы, лавки и гостинные дворы взяты в казну и за пожитки, которые они ныне при потере того рода утратили» [75].

Волнение началось в Стамбуле 17 сентября. Один янычар, родом албанец, Патрон Халил, писал Неплюев, поднял знамя восстания, призывая «кто сущей магометанин, тот в соединение с ними придет против несправедливого министерства». Бунтовщики заявили, что они против султана недовольства не имеют, а восстали против несправедливого министерства, тре-

---

[73] АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1730, д. 8, л. 26 об. — Насколько нам известно, это донесение И. И. Неплюева в русской дореволюционной и советской литературе напечатано не было. А. Е. Мочанов в диссертации о восстании Патрона Халила широко использовал этот документ. Мочанов ссылается на описание бунта, присланное из Константинополя резидентом И. И. Неплюевым. Мочанов отмечает, что один экземпляр этого донесения находится в Московском государственном архиве феодально-крепостнической эпохи, а другой, переписанный в 80-х годах XVIII в. Д. Н. Бантыш-Каменским, — в архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ф. Воронцова, д. 301/699) (см. А. Е. Мочанов, *Восстание Патрона Халила в Стамбуле в 1730 г.*, канд. диссертация, стр. 30).

[74] АВПР, ф. «Сношения Россиии с Турцией» 1730, д. 8, л. 35, 35 об.

[75] Там же, л. 40.

буя выдачи везира, муфтия, капитан-паши, везирского кегаи и реис-эффенди, «понеже они многими налогами государство отяготили, и привилегии их нарушили и откупы многие... и большую часть кегая везирской себе забрал, так и государство извне не защищали и персиан к отобранию многих городов допустили с немалым разорением и кровопролитием магометанского народу, а особливо яко предатели Тавриз отдали» [76].

Неплюев дает описание не только хода восстания, но сообщает и некоторые его детали. Так, он пишет: «Бунтовщики велели запереть торговым людям все лавки, дабы при замешании напрасных обид безвинные граждане не понесли, объявляя бирючем, что они никому никакой обиды делать не будут, яко восстание их токмо против министерства. Еще грекам, армянам и жидам приказали, чтобы для безопасности своей в город не выходили... [бунтовщики] оружие себе забрали в лавках безденежно, где только найтить могли, а другого ничего из лавок не брали» [77].

В реляциях Неплюева мы находим и социальную характеристику восставшим: «Оное собрание было из простого народа, понеже ни одного из их офицеров янычарских к ним не пристало, ниже из граждан знатных» [78].

Неплюев подчеркивает, что восставшие не только не грабили, но сурово расправлялись с теми «бездельниками», которые под видом бунтовщиков пытались заниматься мародерством. «Бунтовщики все тюрьмы отворили и с каторг турок распустили, а пойманных бездельников, которые под их именем разорение и грабеж чинили, в мелкие части изрубили» [79].

В целях успокоения бунта султан велел удавить великого везира, муфтия, везирского кегаю и капитан-пашу. «Но и при такой погибели, — отмечает Неплюев, — корень сребролюбия в султане не угас, ибо у мертвых велел перстни алмазные и жемчужные собрать и к себе прислать» [80]. Казнь ненавистных народу сановников не спасла султана: Ахмед III был свергнут с престола. На престол был возведен Махмуд I, который до этого содержался во дворце под арестом в течение 27 лет (ему в то время было 33 года).

Новый султан, как сообщает Неплюев, объявил всем участникам восстания амнистию и сделал им подарки, «почему все

[76] Там же, л. 43—45.
[77] Там же, л. 46, 46 об., 47.
[78] Там же, л. 47.
[79] Там же, л. 52. Были разграблены лишь дома капитан-паши, кегаи везирского, реис-эффенди и галатского воеводы.
[80] Там же, л. 50.

замешание кончилось»[81]. «Бунтовщики» без султанского указа стали записываться в янычары.

Останавливаясь на дальнейших мероприятиях Махмуда I по ликвидации бунта, Неплюев пишет, что правительство предложило участникам восстания, чтобы они, «на разные партии разделясь, шли в пограничные европейские города, но они, видя опыт, что их на дороге. ловят и в разделении скорее искоренить могут, того ради отозвались, что они в рознь разделяться не будут, ежели все вместе воодно место посланы не будут»[82]. Из донесения Неплюева мы узнаем, что Патрон Халил, приглашенный на обед к султану, был убит вместе с сопровождавшими его лицами 14 ноября 1730 г. [83].

О событиях, связанных с восстанием Патрона Халила, информирует русское правительство и Вешняков.

В начале января 1731 г. Вешняков, характеризуя внутриполитическую обстановку в Турции, писал: «После многолетнего правления бывшего везиря Ибрагима, который показал путь к веселью, вкусили покойного и сладкого жития и через то потеряли охоту воевать, как то и видимо, что никто на войну иттить не хочет. Больше не хотят оставить своих великих домов и всяких веселий устроенных... малые почти всякой воспринял состояние, имеет свое рукоделие и живет в покое, не хочет искать всех тех бед и нужд, которые суть плоды военные... от персидской войны простой народ видит, что прибыли мало, а нужды много»[84].

В реляции от 23 марта 1731 г. И. И. Неплюев сообщает о новом бунте, непосредственной причиной которого явилось стремление султана Махмуда I избавиться от участников восстания Патрона Халила, записавших себя в янычары. Им было объявлено, чтобы они не надеялись на получение янычарского жалованья, «ибо султан излишняго числа людей содержать не будет; того ради велено всем новозаписным во время бунту разойтись каждому ко своему промыслу откуда пришли». «Новозаписные» (их было около 50 тыс. человек), лишенные в феврале 1731 г. жалованья, подняли 13 марта бунт. Султан нашел поддержку «в знатных людях, морских солдатах, левендах и пушкарях и, самое главное, народные массы Стамбула на

---

[81] По сообщению Неплюева, в доме убитого кегаи везирского нашли 10 млн. левок, а у султана Ахмеда — 15 млн., в то время как государственная казна была пуста (АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1730, д. 6, л. 58).

[82] АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1730, д. 8, л. 187.

[83] Там же, л. 194.

[84] АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1731, д. 6, л. 24, 24 об.

этот раз не поддержали восставших и принимали участие в борьбе против них»[85]. Янычары, находившиеся в Стамбуле, «под Салтаново знамя в защищение не шли, недвижимы в своих квартирах остались, усматривая куда генерално народ уклонится и ежелиб народ салтановой стороны не принял, то они з бунтовщиками соединились, но увидя народ при салтановой стороне... недвижимы содержались»[86].

В реляциях Неплюева и Вешнякова описывается и продовольственное положение страны, связанное в значительной мере с событиями 1730—1731 гг. 5 июня 1731 г. они доносили: «В хлебе не токмо дороговизна, но и скудость является, и повелено ячменную муку с пшеничной мешать и в хлебах продавать... а причины сей скудости о того первая, что за случившимися бунтами в прошлом и нынешнем годех, из дальних мест обыватели ехать сюда опасались, вторая, что из европейских провинций при Черном море и при Дунае лежащих много хлеба вывезено в Трапезунт для отсылки в Генжу и в Ириван»[87].

В реляции от 16 января 1735 г. Вешняков, сообщая о затруднениях с набором в войска, касается и внутреннего положения Турции: «...там такой голод и толь великое воровство по дорогам, что проезжим питаться нечем почти ни за какие деньги, и не собравшись множеством ездить невозможно, для того никто не едет, как там недавно здесь знак был, когда в минувшем инваре месяце, набранных за немалые деньги... главных артиллерийских служителей и других и посылали в Азию для набора войск приведены были к Порте и которые не хотели идти при везире... и громогласно кричали, что посылаются на погибель и в могилу к товарищам и другие подобные матерные речи, которых немало и во всем городе, а паче между янычарами, которым и предложить о походе туда Порта не смеет, того ради наконец принято намерение из Европейских войск послать от десяти до пятнадцати тысяч, о чем недавно приказ послан в Боснию и Албанию»[88].

Вешняков сообщает также о раздорах между великим везиром и кизляр-агой, которые «всеми удобовозможными образы друг на другом погибели ищут», о том, что «государственная казна в полном истощении»[89], что все «своих токмо партикулярных интересов смотрят, собирая всякими неистинными образы». «Внутреннее правление здесь, — писал Вешняков

[85] Там же, л. 334—339.
[86] Там же, л. 339 об., 340.
[87] АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1731, д. 7, л. 213 об.
[88] АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1735, д. 5, л. 71, 71 об.
[89] Там же, л. 322.

22 марта 1735 г., — не без опасности от народного волнения, яко же между многими есть не без роптания и не без речей о ближнем замешании... потому везирь приемлет всякие возможные предосторожности и может быть предварить ежель нечаянно откуда не ожидается... Однако совсем слепотою одержаны и вместо поправления горшее чинят во всем и всяком своим и чужестранным, ни суда, ни расправы, но беспрестанное наглое и бесстыдное обманство, налоги и обиды делают и неизреченное сребролюбие явилось. Одним словом, нынешнее правление во всем последует максимам бывшего правления везиря Ибраима паши и везиря кегаи Магид паши, который и до погибели довел... а кегая без денег ничего не делает»[90].

Донесения Вешнякова дают представление о положении в Турции после окончания войны 1735—1739 гг. В реляции от 25 января 1740 г. он пишет: «Внутренне и поныне еще неспокойны, ибо беспрестанно давят и в ссылку посылают... и многое слышно народное здешнее недовольство сколько от возбуждения от противников происходит, а более дороговизны и недостатка многого к пропитанию, министерство всеми удобовозможными образы старается лишних военных людей отсюда высылать и для того во всех янычарских каморах объявлено, чтоб всякий шел куда хочет и ремеслом своим промышлял, однако, где б, кто б ни был, жалованье свое получать будет, а безприютных людей ловят и силой высылают; по всему сему состоянию и сверх того по недостатку в разоренных пограничных провинциях к нашей стране как Крым, Молдавия, Валахия и Булгария хлеба и всякого провианта рассудительные турки никак о противной к В. И. В. стороне помыслить не могут»[91].

«Война была для сего правления погибель, яко весь народ войной ожесточился... в провинциях во всем был недостаток. В Константинополе ели хлеб почти невейной, мясо уже по полулевку покупали, денег в казне не было, наконец, в самое крайнее бедство приходили, к будущему году приготовиться провиантом никак было невозможно в своих границах, разве б из Польши получили... всеми силами Турки хвалят Бога получа толь авантажный мир — ни их храбростью, ни их силами, ни их достоинством, но единым токмо Божьим промыслом»[92].

Вешняков делает вывод, что положение Турции было тако-

---

[90] АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1735, д. 5, л. 409 об., 410.

[91] Там же, л. 84 об., 85, 85 об.

[92] АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1740, д. 8, л. 165, 165 об., 166.

во, что Россия могла добиться лучших условий Белградского договора.

Особый интерес представляют реляции резидентов, отражающие торговые взаимоотношения России с Турцией.

В инструкции, данной А. И. Румянцеву в 1740 г., указывалось: «Получить подлинные ведомости какие товары, особливо российские, в турецком государстве ходят и тама надобны, и взаимно какие из турецких областей в Россию товары потребны и дешевле оттуда нежели из других мест получены быть могут, чтоб под рукой искусно старался из тамошних хороших купцов турков или турецких подданных искать, через которых оное купечество установить возможно было, к чему тогда особо пристойные способы быть могут и сие ему генералу наиприлежнейше рекомендуется, токмо потребно в том поступать с такой осторожностью, чтобы французской, и морских, и других держав таможные купцы о том прежде времени сведать и следовательно у турков или инако тому препятствовать не могли и какие он генерал, к произведению оной коммерции способы изыщет, о том доносить ему сюды обстоятельно с присовокуплением мнения своего» [93].

Аналогичные инструкции давались и Вешнякову. Он писал 27 июня 1742 г.: «Как в инструкции моей при отправлении сюда, так и по последующим Высочайшим к тому указах, мне накрепко наказывано было бденно собирать всякия нужныя известия, служащие к установлению здешнего торгу» [94].

Торговые операции между Россией и Турцией в основном проводились купцами с Украины (главным образом из Нежина) и греками. Из реляций мы узнаем и о способе совершения денежных переводов. Так, 29 апреля 1742 г. Вешняков сообщал в Петербург: «Представился мне один грек, отъезжающий отсюда жить в Нежин, и просил, чтобы у него принять три мешка, или тысячю седьмсот пятьдесят левков в казну Вашего Императорского Величества — и за оную ему цену заплатить в Нежине. Потому я такие деньги у него принял, дал ему вексель на киевского генерал-губернатора М. И. Леонтьева, прося по оному ему заплатить. По причине беспокойства во французской коммерции от Барбаресков многие ныне требуют векселей, ежели бы в Голландии были б деньги, то уповаю с прибылью бы переводить можно было...» [95]. У нас нет сведений, получили ли развитие операции по переводу денег в Голландию.

[93] АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1740, д. 13, л. 39 об., 40.
[94] АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1742, д. 5, л. 176.
[95] Там же, л. 2, 2 об.

О торговле России с Турцией некоторое представление дает письмо 1740 г. от русских купцов, проживавших в Константинополе, на имя некоего Якова Матвеевича Евреинова в Москве, в котором они сообщают, что «российский торг в здешних местах зело знатный». В письме перечисляются товары, которыми лучше всего торговать; «самые лютчие меха, драгоценные цветные каменья, ревень и бельзуары (? — *Б. Д.*); сии 4 пункта подлинно самые знатные во всем том, что наилютчего и драгоценнейшего из России получить можно и понеже сии товары весьма мало места занимают, то и провоз весьма способен и во время мира и тишины их здесь зело прибыльно продать можно... соболи, лапы собольи, хребты красной лисицы, черной лисицы, рубины, лалы, красные яхонты, лазоревые яхонты, изумруды... икра черная, самая зернистая. В обмен можно получить золотые червонцы, российские курьеры оные с собой всегда взять могут... получая за провоз по одному проценту, корольки малой величины, которые купцы-греки почти по вся дни на Украине с рук сбывают... Из единого города Константинополя на всякой год в Россию оные по нескольку сот оков вывозят, которые обыкновенно на мяхкую рухлядь променивают, пряжа красной хлопчатобумажной бумаги также к российской коммерции служит... есть некоторой руки шелковые кушаки... ими знатная продажа в Москве чинится. Пряжа гарусная ангорская... в Россию через Черное море послана быть может... смирна, ладан... бальзам, мастика и другие мази». В письме сообщаются «ходячие цены на русские и турецкие товары с 25 марта по 4 апреля 1740 г.» [96].

Вместе с реляцией от 27 июня 1742 г. Вешняков препроводил меморандум французского купца Леруа [97], ранее ведшего крупные операции в Леванте, в дальнейшем обанкротившегося и предлагавшего сделать его асессором государственной коммерц-коллеги. Записка Леруа вызывает большой интерес, так как в ней рисуется состояние торговли различных стран Леванта в сороковых годах XVIII в. и предложены планы развития русской торговли при его, Леруа, содействии. По сведениям этого купца, русская торговля мехами в одном только Константинополе имеет оборот до миллиона пиастров, в Леванте же она может еще увеличиться. По мнению Леруа, торговля эта может быть весьма расширена и в Константинополе и в других местах.

Из реляций Вешнякова выясняется, что само русское посольство занималось торговлей. Так, в своем донесении от 20 июня

---

[96] АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1740, д. 14, л. 61—64.
[97] АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1742, д. 5, л. 176.

1742 г. Вешняков сообщает, что он не может продать ревень, 900 пудов которого было привезено Румянцевым, что он ожидает еще 350 пудов с греческим караваном и просит указать, по какой цене он может продать ревень, поскольку за него не дают даже по 16 левок за пуд. Одновременно он просит о присылке мягкой рухляди, «ибо она здесь свыше денег, чая и камки»[98].

Из росписи о присяге, принесенной 31 декабря 1742 г. по случаю объявления великого князя Петра Федоровича наследником престола, видно, что в этот день в Константинополе находилось шесть купцов из Воронежа, три — из Белгорода, один — из Астрахани, тринадцать — с Украины[99].

В царствование Елизаветы Петровны, в 1745 г., вновь встал вопрос о торговом судоходстве на Черном море и об установлении торговых отношений как с Турцией, так и с другими средиземноморскими странами. Президент коммерцколлегии князь Юсупов 30 марта 1745 г. подал докладную записку, в которой указывал, что в отличие от других морей, омывающих берега России, Черное море, которое по договору 1739 г. свободно для торговли, русскими купцами не используется. Предварительно, по мнению князя Юсупова, необходимо получить от резидента в Константинополе различные сведения о промышленности и торговле, положении островов и провинций, «лежащих при Средиземном море», об их естественных богатствах, о получаемых и отправляемых товарах из Индии, Персии, Африки и европейских государств, о товарах, поступающих из России, о путях сообщения и т. д.

Копия записки князя Юсупова была направлена резиденту Вешнякову. Предложения Юсупова по сути дела представляли собой программу экономического обследования Османской империи и вследствие этого заслуживают особого внимания.

Резиденту, указывалось в директиве, «надлежит подлинные обстоятельства той коммерции следующими пунктами иностранной коллегии сообщить:

1. В которых провинциях и островах Средиземного моря, что родится показать именно и, что из оного на внутренние фабрики употребляется.

2. В которых провинциях и городах фабрики имеются и какие вещи из оных делаются.

---

[98] Там же, л. 232, 232 об.

[99] АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1742, д. 6, л. 478, 478 об.

3. В которых же провинциях рудокопные заводы имеются, и какие именно и без привоза из других государств, яко медью, солью, железом, оловом, свинцом своим пробавиться могут ли.

4. Какие товары из внутри родившихся турецкая область повсягодно караванами в Азиатские места, яко в Персию и через Персию в Индию, также и в Африку, в пограничные области, отпущает и какие обратно из тех мест получает.

5. Из которых городов и через которые места оные караваны путь свой имеют и в которые города других областей приходят».

Далее запрашивалось о характере прибывавших товаров из европейских и азиатских стран, о существовавших пошлинах, торговых договорах, о том, какие русские товары привозились европейскими купцами и т. д. Юсупов интересовался возможностью установления прямого торгового судоходства через Босфор [100].

Ответ на все вопросы Юсупова был дан преемником Вешнякова А. И. Неплюевым. Он представляет собой, вместе с приложенным к нему описанием главных портов, первое, хотя и далеко не полное экономгеографическое описание Турции в русской литературе [101].

В вводной части указывается на трудности составления подобного описания, «ибо от турков оных известий достать вовсе нельзя, да и между ими нет таких о коммерции установлений и порядков, каковы в европейских государствах для всенародного известия в печать изданы. От иностранных здесь, в Константинополе, резидующих министров еще меньше, каждый авантаж и пользу своего государя наблюдая, якоже довольно ведомо, какая о здешней Леванской коммерции между Францией, Англией и Голландией зависть и крайное от каждой стороны старательство торг другой уменьшить и в свое государство обратить, как тому явным примером Франция, которая почти одна оным овладела. И, наконец, от Английских и Голландских купцов также подобные известия с трудностью получить лзя».

Далее следуют ответы на вопросы, поставленные Юсуповым. Остановимся на важнейших из них:

«1. В островах Средиземного моря родится шелк, хлопчатая бумага, множество вина, масла деревянного, фруктов, как то подробно в следующем известии о каждой провинции значит.

2. Фабрики шелковые имеются в Константинополе, в островах Сио и Кипра, где наибольше шелковых на здешнюю руку

[100] См.: В. А. Уляницкий, *Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке*, М., 1883, стр. 71, 72 и Приложение XIII, стр. XXI—XXVI.

[101] Там же, Приложение XV, стр. XXVIII и след.

делается, но оных на весь расход не достает и гораздо больше из христианских областей привозится. В Салонике делаются половинчатые ковры и белые спанешные для простого народа и на платье полости сукна, а в Смирне ценные из сученого гаруса ковры делают.

3. Железа в Турции довольно в Македонской и Боснийской провинциях. Но битое железо в досках для замков привозится из Германии и Венеции. Медные заводы также имеются довольные около Эрзерума и медь привозится из Трапезонда в Константинополь Черным морем, а хотя в той же стороне сказывают есть и серебряная и свинцовая руды, но в малом числе, яко свинец, олово и сталь привозятся наибольше в Турцию голландцами, которые оный монополь имеют...

4. Какие из товаров во внутри Турецкой империи родившиеся в Персию и через оную в Индию караванами отпускаются, о том известия достать было иного не можно, кроме, что в ту сторону из Турции немного идет кофия, балсаму, иностранных сукон и галантерей, а из Персии и Индии получается кисеа... которой расход весьма велик по генеральному всего турецкого народа на чалмах употреблению, шелк, всякие парчи, ситцы, выбойки, духи, драгоценные и невыделанные каменья, корал; а со смежными около Бассоры провинциями не малый верблюжий торг производится.

5. Караваны в Персию ходят отсюда через Эрзерум и Ангору из Смирны в Алеп, а оттуда далее, из Александретты также в Алеп, Вавилон и Бассору на Синюсе персидском; а иностранные купцы товары свои в Персию отпускают из Смирны и Александретты Сирийской, откуда сухим путем довозятся до Алепа и далее».

В следующих пунктах (6, 7, 8, 9) освещаются вопросы о торговых договорах, таможенных тарифах, роли отдельных государств в торговле («Франция одна более торгу в Турции имеет, нежели все прочие державы»).

Параграф 13 касается вопроса о мероприятиях по организации и по улучшению торговли между Россией и Турцией, о товарах, ввозимых и вывозимых.

А. И. Неплюев сообщает: «Мягкой рухляди в Турции торг бесспоримо один из наизнатнейших, понеже ни один турок и других подданных без шубы зимой и летом не ходит, да и здесь в Константинополе, цех шубников первой и почестный», но, добавляет Неплюев, «столь прибыльный для Всероссийской империи торг от нескольких лет умаляться начал, во-первых — по дороговизне в России рухляди, а во-вторых — по великому оной привозу из Америки, а особливо из Канады — скорняки ту

американскую рухлядь со всероссийскою мешая, в том числе и соболя»[102]. Далее Неплюев отмечает, что из России, кроме мягкой рухляди и овчин, привозится в Константинополь всякое полотно и хрящ, воск, масло коровье и сало, икра паюсная, щетина и гривы лошадиные, изредка шелк гилянский, атласы китайские. Торговлю ведут греки, но упоминается и русский купец Клочков из Воронежа.

К донесению Неплюева приложено «описание главных турецкой империи и Барабарии портов и в оных иностранной коммерции», составленное в 1744 г. В этом описании отмечается: «Порты в Турецкой империи могут быть разделены на два класса. Первого суть Смирна, Константинополь, Салоника, Алеп (который хотя и не порт, но для знатного в оном иностранного поселения между оными считается) и Каир. Второго класса Ангора, Сайда, Триполи Сирийская, Акр, Морея, острова Кипер, Кандия и весь Архипелаг». «Смирна может справедливо названа быть Азиатским магазейном в рассуждении не точию того, что многия Оттоманския и Персидския провинции европейскими товарами от оной довольствуются, но что из оных знатные караваны туда приходят. В Смирне имеются поселения Французское, Английское, Венецианское и вновь заведшееся Неаполитанское. Французский в Смирне торг, а особливо в мирное время, весьма велик... В прошедшие времена Английский в Смирне торг был весьма не мал, но ныне столь велик. И это в Лондоне имеется особливая Леванская компания, кроме которой никто в Турции торговать не может, тако все находящиеся в Леванте Английские домы суть только факторы оной компании...» Далее дается характеристика торговли отдельных стран — Франции, Англии, Голландии, Венеции; приводится перечень ввозимых и вывозимых товаров.

О Константинополе Неплюев сообщает: «В оной столице равномерный торг производится, как и в Смирне, с той разностью, что в сей последний порт гораздо более иностранных кораблей приходит, а Английских в Константинополе вовсе не бывает, из Голландских разве один или два в год придут, обыкновенно товары свои огруживая в Смирне, откуда волыками (фелюками), сорт здешних судов, сюда перевозятся... Токмо в Константинополе французский торг других весьма превосходит».

Давая характеристику другим городам, Неплюев пишет: «Ангора город славный козлиным гарусом, для которого тамо имеются Французские, Английские и Голландские домы. Алеп,

[102] Там же, стр. XXXVI.

хотя и не на море лежит, но знатный торг имеет способностью Александретты Сирийской, или же инако называемой Скандароны. Что касается Каира, то в оной Египетской столице знатный торг французы и венециане имеют с немалыми поселения и недавно и англичане тамо учредили, а голландцы в Египте ничего не делают...

Алжир, Тунис и Триполи: в сих Барбаресских трех городах, те державы, кои в Леванте комерсуют, содержат консулов и с оными имеют особливые договоры, потому что хотя оные вассалами турецкими почитаются, но по отделению мало послушны»[103].

* *
*

Переводная литература, записки путешественников, сообщения газет и, наконец, реляции русских дипломатов представляют собой тот богатый материал, который не только свидетельствует о большом интересе, проявленном в России к Ближнему Востоку во второй четверти XVIII в., но и показывает разносторонность сведений о нем, постепенно накапливающихся в определенных кругах русского общества.

[103] Там же, стр. XLIII.

К. К. КУРДОЕВ

ТРУДЫ П. И. ЛЕРХА ПО КУРДОВЕДЕНИЮ

(к вопросу об изучении истории курдов в России)

В середине XIX в. Российская Академия наук уделяла большое внимание изучению истории, этнографии, языка и литературы курдского народа. Ей принадлежит заслуга в издании очень ценных монографических работ: исследования П. И. Лерха о курдах в трех томах [1], история курдов Шараф-намэ, с переводом и солидными комментариями на французском языке [2], сборник заметок и рассказов А. Жаба [3], курдско-французский словарь [4], курдская грамматика Ф. Юсти [5] и др.

Подъем русского курдоведения в значительной степени был связан с научной деятельностью П. И. Лерха, одного из крупнейших русских ученых начала второй половины XIX в. В небольшой статье трудно всесторонне осветить его многогранную научную деятельность; поэтому мы ограничимся лишь областью изучения им истории курдов и их языка.

Петр Иванович Лерх родился в 1828 г.; образование он получил в Петербургском университете, по окончании которого (1851) ему была присвоена степень кандидата по разряду восточной словесности [6]. Работал Лерх в Комитете правления Императорской Академии наук в качестве протоколиста-переводчика, а также помощника библиотекаря Восточной библиотеки Пе-

---

[1] П. Лерх, *Исследования об иранских курдах и их предках северных халдеях*, СПб., кн. I, 1856; кн. II, 1857; кн. III, 1858.

[2] Scheref-Nameh ou histoire des kourdes», t. I, II, SPb., 1860, 1862 (текст); «Schèref-Nâmeh ou Fastes de la nation kourde», vol. I—IV, SPb., 1868—1875.

[3] «Recueil de notices et recits kourdes», SPb., 1860.

[4] «Dictionnaire kourde-français», par August Jaba, publiée par F. Justi, SPb., 1879.

[5] F. Justi, *Kurdische Grammatik*, SPb., 1880.

[6] ГИАЛО, ф. Петербургского университета, формулярный список о службе Лерха.

тербургского университета [7]. В начале 50-х годов Лерх начал заниматься курдским вопросом, интерес к которому в России возник в связи с русско-турецкой войной 1850—1853 гг.

В 1858—1860 гг. Лерх находился на действительной службе в Академии наук и принимал участие в экспедиции Н. П. Игнатьева, посланной в Бухару, Хиву и Оренбург с целью изучения истории, географии и языка посещенных районов, а также для собирания предметов материальной культуры и восточных рукописей. В 1867—1868 гг. Лерх был снова командирован в Среднюю Азию для археологического исследования развалин города при устье Сыр-Дарьи [8]. В 1869 и 1874 гг. он принимал участие на международных съездах археологов в Швеции и Дании [9].

За успешное выполнение служебных обязанностей и государственных поручений, а также за усердие, трудолюбие и достигнутые результаты в области курдоведения, изучения истории, археологии, географии, этнографии, языка и литературы народов Средней Азии ему было присвоено сначала звание титулярного советника, а затем звание статского советника [10].

В 1876 г. Лерх ушел по болезни в отставку и уехал лечиться в Германию, где и умер от туберкулеза в 1884 г. [11].

Монографические работы Лерха по истории, этнографии, культуре и языку курдского народа являются большим научным вкладом в русское курдоведение XIX в. Научной ценности они не утратили и для современных специалистов.

Первый том монографии Лерха «Исследования об иранских курдах и их предках северных халдеях» был результатом трехлетней работы над изучением курдоведческих материалов западных путешественников. В этом томе автор стремился дать «обзор источников для истории курдов и заниматься разыскиванием о племенном праве курдов и об истории северных халдеев» [12]. Но, как видно из его исследований, он занялся только изучением первых двух вопросов. Вопрос об истории северных халдеев, в которых он видел предков нынешних курдов, фактически не был рассмотрен.

---

[7] В докладной записке библиотекаря Петербургского университета Пахта от 17 марта 1866 г., адресованной ректору университета, Лерх характеризовался как «сведущий в разных восточных языках» (Архив Института востоковедения АН СССР, ф. 36).

[8] В архивном фонде Лерха, хранящемся в Институте востоковедения АН СССР, имеется инвентарный список предметов, привезенных им.

[9] ЦГИАЛ, ф. 733. оп. 143, № 338; оп. 13, № 233.

[10] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 13, № 233; оп. 142, № 338.

[11] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 143, № 338.

[12] П. Лерх, *Исследования...*, кн. I, стр. VI.

Во введении к своей работе Лерх обосновывает необходимость ознакомления с историей и этнографией курдов, перечисляет вышедшие книги и статьи, освещающие быт, религию курдских племен, сообщает данные об истории изучения курдского языка и, наконец, останавливается на краткой характеристике курдской словесности. Лерх пришел к выводу, что труды изучавших до него курдский вопрос не дают полного представления о курдах. Он писал: «Ни один из путешественников, посещавших курдов, не изучал нынешнего их быта в целости, и поэтому, при всей многочисленности сочинений, повествующих о них, не имеем мы ни одного, которое бы нам могло дать полное понятие об этом народе» [13]. «Я, — продолжает он, — знал, как много противоречий или недоразумений внесено в науку о курдах некоторыми из многочисленных путешественников, знакомившихся с этим народом при неблагоприятных для них обстоятельствах или не обладавших надлежащими предуготовительными сведениями» [14]. Лерх справедливо писал, что его «обозрение курдских племен облегчит критическое издание курдской летописи (Шараф-намэ. — *К. К.*) и послужит будущему путешественнику желанным пособием при собирании положительных этнографических сведений о курдах» [15]. Вместе с этим он признавал, что его подробное описание курдских племен не является полным и окончательным.

В 1856 г. Российская Академия наук командировала Лерха для изучения курдского языка в Рославль, где находились военнопленные курды [16]. Там Лерх провел три месяца среди

---

[13] Там же, стр. 33.

[14] П. Лерх, *Исследования...*, кн. II, стр. 6, 7.

[15] П. Лерх, *Исследования...*, кн. I, стр. 62.

[16] 23 декабря 1856 г. в газете «Северная пчела» была напечатана статья К. Микешина, *Курды в Смоленской губернии*, о военнопленных курдах в Рославле. В письме, адресованном непременному секретарю Академии наук, востоковеды Дорн, Бётлингк, Броссе, Куник и Кеппень, предлагая командировать Лерха в Рославль к военнопленным курдам для изучения курдского языка, характеризовали его как ученого, всесторонне знающего курдов. Они писали: «Изучению курдского народа в лингвистическом отношении доныне сделаны только первые сочинения: но нет сомнения, что язык курдский может служить значительным источником для весьма разнообразной, еще не раскрытой истории иранских языков. Доныне из многих путешественников, посещавших страны, обитаемые курдами, ни один не был достаточно приготовлен к разысканиям сего рода. Господин Лерх, на которого пал наш выбор, есть первый европеец, предварительно ознакомившийся с курдами в отношениях географическом, этнографическом, лингвистическом и историческом. Для этого он пользовался значительным числом старых и новых описаний путешествий на языках английском, французском, немецком и русском, изучил все доныне обнародованные исследования о курдских наречиях и ознакомился в особенно-

курдов, выходцев из Мардина, Джезире, Дерсима, Муша, Диярбакыра, Урфи, Береджика, Харпута, Бегесне, Малатии, Мадена, Арабкира и Эрзурума (большинство из них говорило на наречии курманджи, а незначительная часть — на наречии заза). Лерх научился достаточно хорошо говорить по-курдски, что помогло ему записать образцы курдских текстов на названных наречиях и собрать ряд этнографических данных о курдах. Лингвистические и этнографические материалы, добытые Лерхом у военнопленных курдов, а также дополнительные сведения, почерпнутые им из работ русских и зарубежных путешественников, были изданы в последующих двух томах его монографии.

Второй том «Исследований» состоит из предисловия, отчета Лерха о его поездке в Рославль, курдских текстов на наречиях курманджи и заза.

В отчете Лерх дает обстоятельный обзор истории изучения курдского языка, формулирует научное определение языка курдов и свое отношение к его изучению. Подводя итог рассмотренных им работ по курдскому языку, он пишет: «Путешественники, жившие между курдами, обращали мало внимания на их язык и бо́льшей частию совсем не старались изучать его, а те, которые знакомились с ним, изучали только одно или другое наречие, и то, не будучи знакомы с требованием лингвистической науки» [17]. К числу таких путешественников он относит Гарцони, автора первой грамматики курдского языка; Клапрота, записавшего в Тифлисе 300 слов мушского курда; Рича, собравшего 200 слов четырех курдских наречий; Хёрнла, составившего краткий обзор наречий курдского языка; Эвлия Челеби, выделившего 15 курдских наречий; Березина, издавшего материалы по двум курдским наречиям. «...Страницы, — пишет Лерх, — посвященныя упомянутыми лицами объяснению грамматических форм курдского языка, не были достаточны, чтобы с помощью их приобрести некоторый навык в разговоре. Кроме того, как известно, не была объяснена фонетика курдского языка. Многия формы этого языка оставались неизвестными, другия же неясными» [18].

На основании изучения работ по курдоведению, а также в результате собственных исследований Лерх выделил в курдском языке пять наречий: курманджи, лури, калхори, гурани и заза. Из них он имел возможность, как сказано выше, непосредствен-

---

сти как с содержанием курдской летописи, сочиненной курдским князем на персидском языке, так и с другими источниками» (Архив Академии наук СССР, ф. 2, оп. 14).

[17] П. Лерх, *Исследования..*, кн. I, стр. 34.

[18] П. Лерх, *Исследования..*, кн. II, стр. 19.

но изучать только курманджи и заза. Занимаясь преимущественно курманджи, Лерх пишет, что оно «распространено по всему западному Курдистану, от Мосула до Малой Азии и Сулеймании»[19]. Он обнаруживает различие в словах, в выговоре слов и в употреблении грамматических форм между племенами на севере и на юге Верхнего Тигра. «Однако, — продолжает Лерх, — различие это не было так велико, чтобы представители отдельных племен не могли понять друг друга»[20]. В отношении наречия заза он указывает, что «в сравнении с курманджийским оно представляет так много особенностей со стороны звуков и форм, что может быть оно заслуживает название самостоятельного иранского идиома: наречие заза почти не понятно для курда курманджи», но «обыкновенно урожденный заза знает и курманджийское наречие»[21].

Лерх придерживался мнения Потта о том, что курдский язык — самостоятельный язык иранской группы. «По имеющимся у меня данным, — писал он, — я не имею никакой причины уклоняться от мнения, высказанного неоднократно и доказанного г. профессором Поттом, что курдский язык занимает самостоятельное место в группе языков иранских»[22]. «Язык их (курдов. — *К. К.*) сохранил в центре Курдистана свою самостоятельность, и формы его развивались независимо от персидского, с которым он находится в ближайшем родстве»; «инородные слова, проникшие в курдский язык, не имели и не имеют существенного влияния на внутреннее устройство»[23]; «причины отличия курдского языка от персидского заключаются, без сомнения, в раннем отделении курдов от иранского племени»[24].

Лерх был твердо убежден в том, что об исторических связях иранских языков можно будет судить лишь тогда, когда наука достигнет хороших результатов в деле изучения грамматического строя и словарного запаса каждого иранского языка в отдельности. Он писал: «По моему мнению, об исторических отношениях иранских наречий нельзя судить иначе, как только изучивши, вместе с грамматическими особенностями и запасом слов каждого, также и фонетику всех»[25].

Критикуя Березина за то, что он курдские наречия без основательных доводов считал персидскими и при изучении курд-

---

[19] Там же, стр. 22.
[20] Там же.
[21] Там же.
[22] Там же.
[23] Там же, стр. 33.
[24] Там же, стр. 22, 23.
[25] Там же, стр. X.

ского языка исходил из норм персидского языка, Лерх указывал, что до тех пор пока курдский язык и его наречия всесторонне и научно не будут изучены, нельзя его сравнивать с другими языками. Он утверждал, что «грамматическое и лексикографическое сравнение курдского (языка. — *К. К.*) с прочими иранскими языками ныне в бо́льшем размере еще не возможно»[26]. «Основательное изучение отдельных наречий курдского языка и тщательное наблюдение над тонкими их оттенками суть требования, которыя до сего времени еще не исполнены. К тому должно еще присоединиться добросовестное обрабатывание многочисленных источников для истории этого народа. Только по исполнении этих требований этнографическая наука достигнет до положительных результатов относительно курдов»[27].

В приложении помещены курдские тексты из Эрзурума и Табриза, представляющие собою переводы с турецкого и персидского языков[28]. Сначала Лерх хотел издать курдские тексты осетинско-русским алфавитом акад. Шёгрена. Лерх писал: «Я старался их (звуки курдского языка. — *К. К.*) верно передать на письме. Для этой цели выбрал я алфавит, составленный покойным академиком Шёгреном, на основании русского алфавита, для осетинского языка»[29], и далее: «Я выбрал Шёгренов осетинско-русский алфавит, потому что употребляемыя образованными курдами арабско-персидския письмена недостаточны для точного выражения отдельных звуков, встреченных мною в языке курдов»[30].

Однако ученый совет историко-филологического отделения не согласился с этим мнением Лерха и вынес следующее решение: «не увеличивать уже существующей в филологии путаницы еще новым алфавитом, но принять для курдского языка так называемый лингвистический алфавит (Standart Alphabet), установленный берлинским акад. Лепсиусом К. К. при содействии английских и немецких лингвистов»[31].

В соответствии с решением ученого совета Лерх издал курдские тексты с лингвистическим алфавитом, разработанным Лепсиусом. Известно, что Лепсиус определял число гласных и согласных звуков, свойственных западноевропейским языкам, а

---

[26] П. Лерх, *Исследования...*, кн. I, стр. 42.

[27] Там же, стр. 33.

[28] Тексты сопровождены русским переводом; к ним приложен хорошо разработанный раздел о фонетическом составе курдского языка.

[29] П. Лерх, *Исследования...*, кн. II, стр. 20.

[30] Там же.

[31] «Bulletin de la classe des sciences historiques de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersburg», t. XIV, № 15.

не восточным. В алфавите гласные звуки графически изображались следующим образом: краткие гласные — a, e̱, e ı, ı, o, o, u, u; долгие гласные — ā, ē, ē, ī, ō, ū, согласные звуки — taucales (фарингальные) два (h, ḫ); gutturales (среднеязычные) — семь (q, k, k̇, g, ǵ, ṅ, γ); palatales (палатальные) — три (t, d̂, n); dentales (зубные) восемь — (d, d', n, s, ṡ, d', z, ž); сюда же включены звуки r, ḷ; в группу labiales (губных) включены звуки m, f, v, w.

Конечно эта схема практически не укладывалась в систему звукового состава курдского языка, уже не говоря о том, что принятый в ней принцип классификации звуков не был научным. Прежде всего известно, что долгота и краткость гласных в курдском языке — явление не фонематическое, а музыкальное. Кроме того, только гласные a, e, i, o, u могут быть как краткими, так и долгими. В группе согласных у Лерха мы не встречаем графемы, обозначающей краткий у, как и особых знаков для обозначения придыхательных звуков p, t. Знаки ṅ, ğ, d', имеющиеся в группе согласных, являются лишними, так как в курдском языке отсутствуют соответствующие звуки, для обозначения которых они употребляются.

Русский кавказовед Л. Загурский, написавший грамматические замечания к курдским текстам С. Егиазарова [32] по поводу стандартного алфавита Лепсиуса, писал: «Мы относимся с полным уважением к так называемой антропофонике (физиологии звуков). Но неужели она в состоянии определить a priori все звуки? В данном случае составители алфавита — немцы и англичане — определили главным образом точнее звуки, свойственные немецкому и английскому языкам. Это-то более всего ввело в заблуждение г. Лерха, который, отыскав в курдском языке много немецких и английских гласных звуков, не заметил в нем, однако, собственных курдских» [33].

Акад. Дорн в своем отзыве о записанных Лерхом текстах у военнопленных курдов писал: «Рассмотрев внимательно эти курдские тексты, я убедился, что добросовестная и тщательная обработка их доставит г. Лерху возможность представить нам очерк курдской грамматики и краткую хрестоматию со словарем, которые послужат основанием и облегчением для дальнейших подобных исследований по этому предмету» [34].

---

[32] С. Егиазаров, *Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии*, Тифлис, 1884.

[33] [Л. Загурский], *Кавказские алфавиты* («Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества», т. IX, вып. 2, 1888, Приложение, стр. 15).

[34] См.: П. Лерх, *Исследования...*, кн. II, стр. 2.

Третий том «Исследований» состоит из предисловия, историко-литературного введения, словаря курдского наречия курманджи и словаря курдского наречия заза. Эти словарики составлены Лерхом преимущественно на основании текстов, изданных во второй книге, а также слов, записанных им в Рославле. В них сделана попытка дать этимологию курдских слов, которые сравниваются со словами других иранских языков.

Характеризуя состояние изучения курдского языка до своей поездки к военнопленным курдам, Лерх писал в своих «Исследованиях»: «Источники, которые до самой поездки я мог иметь под руками, по большей части состояли из собраний курдских слов, переданных однако, за многими исключениями, не точным, даже не верным образом, так, что ученый, даже хорошо знакомый с историей иранских языков, мог иметь относительно малую пользу от этих собраний», и далее: «для приобретения хоть несколько верного взгляда на грамматические особенности курдского языка не доставало источников, не имелись связанные тексты, необходимые для изучения языка» [35].

Однако, по мнению Лерха, собранные им материалы «не были столь богаты, что могли бы дать возможность к вполне удовлетворительному разъяснению исторического отношения курдского языка к другим иранским наречиям, как со стороны грамматики, так и со стороны лексикологии» [36]. Он указывал, что «для достижения этой цели нужно больше верных материалов» [37].

Почти одновременно с выходом в свет на русском языке трех томов «Исследований об иранских курдах и их предках северных халдеях» были изданы с дополнениями два тома на немецком языке под названием «Forschungen über die Kurden und die iranischen Nordchaldeen» [38].

Перу Лерха принадлежат статьи, характеризующие курдскую литературу: «Отзыв о заметке А. Жаба о курдской литературе и курдских племенах», «Отзыв о резюме произведения курдского поэта Ахмеда Хани, написанном А. Жаба» и др. [39].

---

[35] Там же, стр. 1—4.

[36] Там же, стр. III, IV.

[37] Там же, стр. IV.

[38] Любопытно отметить, что в немецком переводе Лерх не назвал свою работу «Forschungen über die Kurden und ihre Vorfahren Nordchaldeen». Различие в заглавиях русского и немецкого изданий, очевидно, вызвано тем, что Лерх окончательно отказался видеть в курдах потомков северных халдеев. Так, вероятно, объясняется и то, что на немецком языке не была издана его первая книга «Исследования...», где содержатся рассуждения о генетических связях курдов и северных халдеев.

[39] P. Lerch, *Bericht über «Notices sur la litérature et les kourdes, fait par Jaba»* («Mél. asiat., t. III, 1858); P. Lerch, *Bericht über «Resumé*

По просьбе историко-филологического отделения Академии наук и Публичной библиотеки Лерх дал отзыв на курдско-французский и французско-русско-курдский словари и на коллекцию курдских рукописей Жаба. Отметим попутно, что, желая помочь изучению истории курдов и их языка, Лерх рекомендовал Академии наук издать словари Жаба алфавитом Лепсиуса, а Публичной библиотеке приобрести курдскую коллекцию Жаба, «как ценные письменные источники, свидетельствующие о наличии у курдов богатой литературной традиции».

Не без содействия Лерха Академией наук были изданы сборник заметок и курдских рассказов Жаба, а также его курдско-французский словарь.

Большой научный интерес представляет последняя работа Лерха о курдском языке. Речь идет о его незаконченном исследовании грамматики курдского языка, гранки которой (на немецком языке) имеются в библиотеке Института востоковедения Академии наук и в Восточной библиотеке Ленинградского университета [40]. Эта работа была задумана им как большое исследование по фонетике и грамматике языка курдов, о чем свидетельствует его письмо, адресованное историко-филологическому отделению Российской Академии наук, в котором Лерх писал: «Так как начатое в 1866 г. печатание моей курдской грамматики Forschungen über die Kurden, Abt. III до сих пор мною не закончено... Я прошу ученый совет Отделения о благосклонном разрешении мне приступить в феврале текущего года к продолжению печатания моего труда. В течение долгого времени, прошедшего после остановки в его печатании, я постоянно исправлял и дополнял мой труд» [41]. Эта работа Лерха состоит из небольшого введения и обзора последних исследований языковых данных. В ней Лерх высказывает свое мнение о курдской балладе, записанной Жаба, грамматическом очерке курдского языка А. Ходзко, курдской транскрипции, напечатанной в «Journal Asiatique», грамматических особенностях диалекта сулеймание и способах изложения грамматических фактов.

Здесь же помещены песни, записанные Лерхом у военнопленных курдов и не вошедшие в его исследования на русском

de l'ouvrage kourde d'Ahmed Efendi Khan, fait et traduit par A. Jaba» (ibid.).—В этих статьях Лерх отмечает, что коллекция курдских рукописей, приобретенных А. Жаба, показывает, что у курдского народа большая литературная традиция, что изучение курдских литературных памятников имеет важное значение при выяснении истории культуры курдов, в частности истории их литературного языка.

[40] P. Lerch, *Forschungen über die Kourden,* Abt. III (Архив Института востоковедения АН СССР, ф. 36).

[41] Там же.

языке, и даются филологические примечания к ним. Затем излагается система гласных и согласных звуков курдского языка на основе стандартного алфавита Лепсиуса, описываются звуковые соответствия курдских диалектов и говоров (курманджи, заза, сулеймани, амади и хердуси) и их соотношения с данными иранских языков, рассматриваются явления комбинаторских изменений звуков в курдском языке. Работа Лерха завершается изложением «соотношения звуков в корнях слов».

Очевидно, продолжением этого труда Лерха должно было быть описание грамматического строя курдского языка. Желая учесть результаты достижения сравнительного изучения иранских языков и накопленный наукой фактический материал языка курдов, Лерх в течение долгого времени работал над составлением и подготовкой к изданию своего грамматического очерка курдского языка.

Об этой работе он писал: «Так как задачи моей грамматики с самого начала были и практическая и научная, то я в своем сочинении не мог не иметь в виду сведений исторического развития форм языка и не мог не учитывать также сравнительные материалы афганского и мазандаранского языков, в которых повторяются категории явления курдских наречий»[42]. Затем он указал, что имел случай в течение последних лет расширить свои познания в курдском языке благодаря материалам, собранным в словарях Жаба.

И. И. Цукерман в своей статье об этой рукописи Лерха писал: «Среди рукописей П. Лерха имеется несколько черновых записей курдских текстов, написанных на немецком языке, черновые наброски некоторых разделов курдской грамматики и листки с подобранными для грамматики иллюстрациями. Одна из рукописей тщательно переписана и, по-видимому, представляла собою подготовленный для набора краткий очерк курдской грамматики. Впоследствии, однако, П. Лерх, очевидно, решил дополнить и исправить свой очерк, о чем свидетельствуют сделанные позже многочисленные замечания на полях, приписки, вклеенные вставки и т. п. Рукопись представляет собою большого формата тетрадь в 42 листа. На обложке написано карандашом: Lerch, Kurdische Grammatik. Стр. 1—19 посвящены фонетике (Lautlehre); стр. 20—24—словообразованию (Wortbildung); стр. 25—26—склонению имен существительных (Biegung); стр. 27 — заметка об образовании сравнительной степени (Comparativ); далее — вставка на русском языке к изложению, озаглавленному «Имя числительное»; стр. 30—32 — местоиме-

[42] Там же.

ния (Pronomina); стр. 33—39—глагол (Verbum); стр. 40—42—частицы (Partikeln), с подразделениями: I наречия (Adverbia), II предлоги (Praepositionen), союзы (Conjunctionen) и междометия (Interjectionen)»[43].

При написании очерка языка курдов Лерх был очень требователен к себе, не торопился с выводами, старался исправлять и дополнять свою работу новыми материалами. Так, в письме, адресованном историко-филологическому отделению Академии наук, прося отделение предоставить ему возможность завершить начатую им грамматику курдского языка, Лерх отмечал, что «в течение долгого времени... я постоянно исправлял и дополнял ее, следил за новыми явлениями в области иранской филологии»[44]. Кроме того, он писал, что его «взгляд на грамматические данные в курдском языке не мог не подвергнуться изменению в том или ином отношении, в особенности относительно словообразования». «Многие факты грамматики древнеиранских языков дали иранской филологии более прочные основания, чем она имела, когда я приступил к печатанию моего труда»[45].

Ставя вопрос о зачислении Лерха вновь (после небольшого перерыва) на действительную службу в Академии наук, граф Блудов писал: «В справедливом внимании к трудам и усердию господина Лерха и к той пользе, которую принесет науке издание журнала его путешествия и особенно курдской грамматики, составляющей капитальный его труд, которому он посвятил уже несколько лет, Академия ходатайствует о дозволении оставить его при ней на один год и вместе с тем о зачислении ему в действительную службу всего времени, в котором, состоя при академии, занимался курдским языком»[46].

Лерх был оставлен на службе в Академии наук, где он продолжал свои исследования по курдскому языку. Однако в скором времени на основании решения историко-филологического отделения Академии наук Лерх был вторично отправлен в командировку «в Оренбургскую губернию для извлечения из дел пограничной комиссии и канцелярии Оренбургского и Самарского военного генерал-губернатора, равно и для изучения киргизского и башкирского языков»[47].

В Оренбурге Лерх ознакомился с архивом пограничной комиссии и собрал интересный материал о состоянии Малой Кир-

[43] И. И. Цукерман, *Очерки грамматики курдского языка* («Труды Института языкознания», т. VI, М., 1956), стр. 5.
[44] Архив Института востоковедения АН СССР, ф. 36.
[45] Там же.
[46] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 13, № 232.
[47] Архив Института востоковедения АН СССР, ф. 36, л. 1.

4 Заказ 1441

гиз-Кайсацкой Орды и о событиях последних лет в Хиве и Бухаре. Во время своего пребывания в этих городах Лерх вел, по поручению Академии наук, свой дневник, внося в него собранные им сведения по тем предметам, которые были целью его путешествия. «В каждой из обеих ханских резиденций он жил немного более месяца и, несмотря на краткость времени, успел проверить исследования и известия об этих странах прежних путешественников, собрав много новых сведений, узнал различие употребляемых там наречий, вошел в сношения с людьми, знающими восточную литературу, и посредством их приобрел для музеев Академии до 50 рукописных сочинений, частью весьма редких, по истории, географии, языкознанию и литературе на персидском языке и джагатайском наречии, также собрание золотых, серебряных и медных монет хивинских, бухарских, куфических и бактрийских»[48].

После возвращения из Средней Азии Лерх продолжал свои исследования по курдскому языку. Однако ему не удалось закончить и издать его грамматический очерк, так как в 1884 г., как мы уже отмечали, Лерх умер.

На основании краткого обзора и характеристики трудов Лерха о курдах и их языке можно сказать следующее.

В начале второй половины XIX в. Российская Академия наук была организующим центром в изучении истории, этнографии, языка и литературы курдского народа. Она содействовала изданию монографических работ крупных иранистов-курдоведов Ф. Шармуа, А. Вельяминова-Зернова, А. Жаба, Ф. Юсти, П. Лерха, А. Социна, создавших славу отечественной науке в области изучения истории и культуры курдов.

Среди трудов названных ученых особое место занимают своей многогранностью, широтой охвата материала работы Лерха. В них подробно освещена история курдов и их языка, дана оценка исследовательских курдоведческих работ, изданных за рубежом и в России. Благодаря трудам названных ученых, в особенности благодаря трудам Лерха, курдоведение, как одна из отраслей иранистики, в XIX в. становится на самостоятельный путь развития.

Лерх старался увязать изучение курдского языка, историю его возникновения и развития с историей происхождения и формирования самих курдов, с их социальным и политическим положением. Лерх считал, что курды имеют богатое историческое и культурное прошлое. Он утверждал, что литературные памятники курдского народа имеют значение для изучения истории

---

[48] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 13, № 232; оп. 140, № 338.

культуры курдов и их языка. Он содействовал собиранию, приобретению и изданию курдских литературных и исторических рукописей. Лерх выступал против одностороннего изучения курдского языка. Он считал его самостоятельным языком иранской семьи языков, имеющим свой словарный фонд, грамматический строй «со своим внутренним устройством». Лерх также считал необходимым собирать и изучать большое количество исторических, этнографических, лингвистических, литературных и других сведений. «Только по исполнении этих требований, — писал Лерх, — этнографическая наука достигнет до положительных результатов относительно курдов»[49]. Лерх утверждал, что научный интерес к курдам должен возрасти. Он писал: «Курды во многих отношениях заслуживают внимания историка, этнографа», но интерес к ним «должен еще возвыситься в наше время, где дело идет о возрождении способных к новой и высшей жизни племен Востока»[50].

[49] П. Лерх, *Исследования...*, кн. I, стр. 33.
[50] Там же, стр. 2.

И. М. СМИЛЯНСКАЯ

К. М. БАЗИЛИ — РОССИЙСКИЙ ДИПЛОМАТ И ИСТОРИК СИРИИ

Константин Михайлович Базили, известный дипломат, популярный в литературных кругах России первой половины XIX в. писатель, был разносторонне образованным человеком. Он опубликовал свыше двадцати пяти печатных работ, среди них книги о Турции, Греции, восточном вопросе. Но подлинным вкладом в изучение Востока стало его сочинение «Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях» [1].

Несмотря на то что эта книга была первым в мировой литературе трудом о новой Сирии, написанным с позиций буржуазной историографии, она до сих пор не привлекала внимания исследователей. Имя автора «Сирии и Палестины» упоминалось лишь в общих очерках по истории русской арабистики с краткой, хотя и высокой оценкой его труда [2]. Дипломатическая дея-

[1] К. М. Базили, *Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях*, ч. 1 и 2, Одесса, 1862. — Первый понял значение этого сочинения Базили и высоко его оценил Н. В. Гоголь. Ознакомившись с рукописью книги во время своего пребывания в феврале 1848 г. в Сирии, Гоголь писал В. А. Жуковскому: «Базили написал преудивительную вещь, которая покажет Европе Восток в его настоящем виде, под заглавием: „Сирия и Палестина", знаний бездна, интерес силен. Я не знаю никакой книги, которая бы так давала знать читателю существо края» (Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. XIV, Изд. АН СССР, 1952, стр. 163).

[2] См.: И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, М.—Л., 1950; А. И. Першиц, *Из истории русских этнографических наблюдений в арабских странах Азии* («Труды Института этнографии АН СССР», новая серия т. XXX, М., 1956, стр. 255—356). — В статье содержится оценка этнографических материалов в сочинениях Базили. Биография Базили достаточно полно изложена в книгах «Лицей князя Безбородко» (СПб., 1859) и «Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко» (изд. 2, СПб., 1881). Дополнительные сведения биографического характера содержатся в литературе о Гоголе. Материалы, характеризующие дипломатическую деятельность Базили, хранятся в Архиве внешней политики России

тельность Базили также не нашла отражения в исторической литературе.

Настоящая статья, не претендуя на полное освещение затронутых вопросов, имеет целью рассмотреть идейное и научное развитие Базили, его консульскую деятельность, наложившую отпечаток на политическое направление его сочинения о Сирии, и, наконец, дать анализ исторических взглядов Базили.

* *
*

Вторая половина 20-х годов и 30-е годы XIX столетия, когда формировались общественно-политические взгляды Базили, характеризовались в России не только правительственной реакцией, но и ростом недовольства самодержавно-крепостническим строем в русских передовых общественных кругах, разбуженных восстанием декабристов. Прогрессивные течения в общественной мысли России не миновали Базили; они наложили отпечаток на его мировоззрение и отразились на его работах, в которых отчетливо звучат антикрепостнические мотивы. Вместе с тем немалое влияние на идейное развитие Базили оказали среда, в которой он провел детство, и политические события, забросившие его семью в Россию.

К. М. Базили родился 3 февраля 1809 г. в Константинополе, в зажиточной греческой семье, связанной с национально-освободительным движением Греции. Дед Базили, владелец крупных имений в Македонии, за участие в борьбе против турецкой власти в Албании был заочно приговорен к смертной казни и лишен всего имущества. Отец, Михаил Васильевич, женатый на дочери богатого греческого банкира, за связи с греческими националистами также был приговорен в 1821 г. к смертной казни, но успел бежать за пределы Османской империи благодаря помощи русского посла в Константинополе Строганова. Семья Базили, пережив ужасы греческих погромов в столице империи, позже тайно переправилась в Одессу [3].

Эти биографические подробности объясняют сохранившийся у Базили на всю жизнь интерес к истории Турции и глубокое сочувствие национально-освободительной борьбе народов Османской империи.

Образование Базили получил в нежинской Гимназии высших

[3] Впоследствии, когда Базили учился в нежинской гимназии, он поражал своих сверстников, среди которых был Гоголь, рассказами о событиях последних лет своего пребывания в Турции. Исследователи творчества Гоголя полагают, что рассказы Базили нашли отражение в юношеской поэме Гоголя «Ганц Кюхельгартен».

наук графа Безбородко, в пансион которой он был принят в 1822 г.[4].

Интересно остановиться несколько подробнее на пребывании Базили в Гимназии высших наук. Именно здесь начали формироваться его мировоззрение и определяться его научные интересы. В гимназии Базили безукоризненно овладел русским языком (он приехал в Россию, не зная ни слова по-русски) и приобрел обширные по тому времени познания в истории. Здесь он познакомился с передовой русской культурой и общественной мыслью. Вероятно, тогда же возникло у него решение навсегда остаться в России и считать ее своей родиной[5].

Нежинская Гимназия высших наук, основанная в 1820 г., была привилегированным учебным заведением, предназначавшимся для «образования детей бедных и неимущих дворян Малороссийского края и приуготовления юношества на службу государства». Она отличалась от губернских гимназий «высшей степенью преподаваемых в ней предметов и особенными ей дарованными правами и преимуществами», которые, в частности, заключались в том, что в гимназии, как и в Царскосельском лицее, разрешалось изучать политико-юридические науки (например, естественное право). Учебный курс в гимназии приближался к университетскому, образование давалось всестороннее. В 1820-х годах преобладало преподавание гуманитарных наук[6].

---

[4] К этому времени семья Базили разорилась. Д. Иофанов в книге о Гоголе сообщает об обстоятельствах поступления Базили в гимназию: «Из неопубликованного архивного дела о воспитанниках, принятых в пансион нежинской Гимназии высших наук в 1822 г., хранящегося в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки УССР, видно, что почетный попечитель нежинской гимназии А. Кушелев-Безбородко отношением от 7 июля 1822 г. уведомил, что он предполагает направить в гимназию (на свой счет. — *И. С.*) «нескольких детей греческих семейств, ныне по смутным обстоятельствам находящихся в Одессе». В августе 1822 г. шесть греческих мальчиков прибыло в Нежин. Среди них был «Константин, сын Михайлы Базиля, имеющий от роду 12 лет», как было указано в его свидетельстве. В письме от 1 августа 1822 г. новороссийский генерал-губернатор граф Ланжерон уведомлял директора нежинской гимназии И. С. Орлая, что «по причине крайней бедности родителей и родственников сих детей Одесская вспомогательная греческая комиссия снабдила их на путевые издержки необходимой денежной суммой» (Д. Иофанов, *Н. В. Гоголь*, Киев, 1951, стр. 194).

[5] В конце 50-х годов, выходя в отставку после более чем 20-летней дипломатической службы, Базили говорил: «Судьбы Востока и личная моя судьба дали мне новое отечество — Россию».

[6] В уставе гимназии указывалось: «Предметы учения в гимназии суть: 1-е закон божий, 2-е языки и словесности российская, латинская, греческая, немецкая и французская, 3-е география и история, 4-е науки физико-

В первое десятилетие существования гимназии ведущую роль в ней играли образованные педагоги, отличавшиеся прогрессивностью взглядов [7]. Среди первых выпускников гимназии были известные впоследствии писатели, художники и ученые: Гоголь [8], Кукольник, поэт Прокопович, украинский поэт Гребенка, поэт-переводчик Любич-Романович, художник Мокрицкий, профессор права Редкин.

В гимназии учащиеся читали Руссо, Монтескье, Вольтера, Канта, хранили запрещенные цензурой сочинения Пушкина (ода «Вольность») и Рылеева («Исповедь Наливайки», «Войнаровский»). Здесь у Базили пробудился интерес к театру и ли-

---

математические, 5-е политические, 6-е военные и сверх того танцы, рисование, черчение» (Д. Иофанов, *Н. В. Гоголь*, стр. 135).

[7] До 1826 г. директором гимназии был Орлай, широкообразованный человек прогрессивных убеждений. Орлай покровительствовал Базили. Между 1826 и 1829 гг., когда Орлай был директором Ришельевского лицея, Базили жил в его семье в Одессе. Орлая сменил К. В. Шаполинский, старший профессор математики, состоявший в 1818 г. членом киевской масонской ложи Соединенных славян. Шаполинский также хорошо относился к Базили. Профессор французского языка и словесности И. Я. Ландражен знакомил учеников с сочинениями Вольтера, Гельвеция, Монтескье. Естественное право в гимназии читал Н. Г. Белоусов, который в 1827 г. был обвинен в том, что своими лекциями сеял среди учеников вольнодумство. Это обвинение послужило началом «дела о вольнодумстве» в нежинской гимназии, которым непосредственно занимался Бенкендорф. Все три названных преподавателя, обвиненные в распространении вольнодумства, были уволены и сосланы по месту жительства. «Дело о вольнодумстве» подробно освещено в литературе. Среди последних работ по этому вопросу см.: С. И. Машинский, *Гоголь в нежинской гимназии* (сб. статей «Гоголь в школе», М., 1954); Д. Иофанов, *Н. В. Гоголь;* А. С. Стогнут и И. К. Кононенко, *Новые страницы к «делу о вольнодумстве» в нежинской гимназии высших наук* («Ученые записки Нежинского государственного педагогического института имени Н. В. Гоголя», т. IV—V, Киев, 1954). Донесли на Белоусова реакционные преподаватели, не отличавшиеся знаниями и не пользовавшиеся симпатиями той части учеников, к которой принадлежали Гоголь, Прокопович и Базили. Об отношении Базили к «делу о вольнодумстве» можно судить по следующему его замечанию в письме к Гербелю от 30 ноября 1857 г.: «...Я во-время вышел из гимназии, чтобы сохранить одни хорошие воспоминания. Шесть месяцев спустя пошли сплетни да следствие, в котором невинно пострадали добрые наши наставники Шаполинский. Белоусов, Ландоажен, а все по проискам ненавистных мужей Билевича да Андрюшенки» (Рукописный отдел Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, шифр: Архив Гербеля).

[8] Между Гоголем и Базили возникли дружеские отношения, сохранившиеся на протяжении всей жизни великого писателя. Опубликованы письма Гоголя к Базили (Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. XIV), а также письма Базили и его жены к Гоголю (см.: В. И. Шенрок, *Материалы для биографии Гоголя*, т. IV, М., 1897). Известны воспоминания Базили о Гоголе; они изданы в I и IV томах Шенроком. На связи Базили с Гоголем обратил внимание автора настоящей статьи Б. М. Данциг.

тературе, проявились и литературные наклонности. Вместе с Гоголем Базили участвовал в гимназических спектаклях, вдвоем они выпускали рукописный журнал «Северная заря» [9].

В гимназии Базили начал серьезно заниматься историей [10]. Впоследствии свои познания в этой области он значительно пополнил.

В конце 1827 г. Базили уехал в Одессу и поступил в Ришельевский лицей, который окончил в 1830 г. В том же году он отправился в Турцию, а затем в Грецию. Отклонив предложение президента греческой республики Каподистрии [11] остаться в Греции, Базили поступил на русскую государственную службу в качестве драгомана при адмирале Рикорде, командовавшем отрядом русского флота в греческих водах. В 1833 г. вместе с Рикордом Базили посетил Константинополь. В декабре того же года он был «определен в действительную службу в Азиатский департамент Министерства иностранных

[9] Из воспоминаний Базили о Гоголе: «Сверхклассные занятия наши не ограничивались театром. В 1825, 26, 27 годах наш литературный кружок стал издавать свои журналы и альманахи, разумеется, рукописные. Вдвоем с Гоголем, лучшим моим приятелем, хотя и не обходилось дело без ссор и без драки, потому что оба были запальчивы, издавали мы ежемесячный журнал страниц на пятьдесят-шестьдесят в желтой обертке с виньетками нашего изделия, со всеми притязаниями литературного обозрения. В нем были отделы беллетристики, разборы современных лучших произведений русской литературы... По воскресеньям собирался кружок человек в 15—20 старшего возраста, и читались наши труды, и шли толки и споры...» (В. И. Шенрок, *Материалы для биографии Гоголя*, т. I, М., 1892, стр. 240—241).

[10] Н. Кукольник в воспоминаниях о гимназии писал об увлечении воспитанников историей: «У нас многие гнушались проходить историю по Кайданову. Проходят крестовые походы — все читают Мишо и отвечают иногда даже к видимому смущению учености профессора, проходят историю Тридцатилетней войны — все читают собственный перевод Шиллера...» («Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко». стр. 198). Соученик Базили Халчинский (1810—1856), служивший в 40-х годах XIX в. секретарем, а затем советником русского посольства в Константинополе, сообщает о гимназических занятиях Базили по истории: «В то же время (в 1825—1826 гг. — *И. С.*) составилось историческое общество под председательством старших из воспитанников гимназии Редкина и Любич-Романовича. Со всею смелостию детского возраста принялись пять или шесть воспитанников составлять полную всемирную историю в огромном размере. На долю Базили достались египтяне, ассирияне, персы и греки и он года в полтора написал тысячу или 1500 страниц сверх уроков по классам...» (там же, стр. 329).

[11] По сведениям биографов Базили, он отправился в Турцию с целью найти сохранившееся имущество отца. Позже на средства от продажи имущества Базили приобрел землю на юге России. По сообщениям Халчинского, президент Каподистрия, находившийся в дружеских связях с семьей Базили, хорошо принял Константина Михайловича и представил его адмиралу Рикорду.

дел с чином актуариуса»[12] и вскоре переехал в Петербург. Там он встретился с друзьями по гимназии и стал участником литературного кружка Гоголя[13].

По-видимому, не без влияния Гоголя Базили начал заниматься литературной деятельностью. В эти годы он написал свои первые книги — «Архипелаг и Греция», «Очерки Константинополя», «Босфор и новые очерки Константинополя», а также серию статей («Коринф», «Босфор», «Стамбульские оригиналы», «Стамбульские библиотеки»)[14]. В них Базили описывает свое путешествие по Греции и архипелагу, посещение Смирны и Константинополя; много внимания он уделяет истории, культуре, быту населения Греции и Османской империи.

Книги Базили отличались от многочисленных других сочинений о Турции в первую очередь богатством фактического материала. То, что он провел детство в Константинополе, позволило ему остро подметить особенности быта и политической жизни страны, скрытые от европейца-путешественника. Базили удалось с большим мастерством, образно и ярко, воспроизвести жизнь османской столицы. Его описание одежды, жилища, пищи, быта, обычаев и поверий турок не потеряло значения и для современной этнографии.

Помимо собственных наблюдений, Базили пользовался сведениями из востоковедной литературы, в частности из сочинений Мураджи д'Оссона[15].

Ранним работам Базили были присущи и существенные не-

---

[12] АВПР, ф. «Личные дела МИД», 1838, оп. 4641, ед. хр. 27, формулярный список о службе Базили.

[13] Кружок в основном состоял из бывших воспитанников нежинской гимназии (Прокоповича, Данилевского, Кукольника, Гребенки, Мокрицкого и т. д.); см.: А. В. Никитенко, *Записки и дневник*, т. I, СПб., 1904, стр. 222; В. И. Шенрок, *Ученические годы Гоголя. Биографические заметки*, М., 1887, стр. 109; Т. Г. Пащенко, *Черты из жизни Гоголя* («Гоголь в воспоминаниях современников», М., 1952, стр. 45).

[14] Халчинский полагал, что решение Базили издать эти книги возникло «под влиянием успехов» Гоголя и Кукольника... Среда, в которую окунулся Базили по приезде в Петербург, подтолкнула его к литературным занятиям. Известно, что Гоголь интересовался литературной деятельностью Базили. Так, в письме к Н. Я. Прокоповичу из Парижа от 25 января 1837 г. он спрашивает: «Что ты ничего не пишешь обстоятельно о тех литературных новостях, которые, хоть и не так сильно выглядывают (имеется в виду сравнение с Пушкиным. — *И. С.*), но дороги нам потому, что творцы их или кумовья, или другие близкие нам родственники, например Кукольник, Базили. Ты очень легко упомянул о „Художественной газете". Можно бы даже привести отрывочек. Это было бы приятно. Также и о „Босфоре". Нет ли там еще какого-нибудь реверанса?» (Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. XI).

[15] Нельзя не отметить большую эрудицию Базили. Он был хорошо знаком не только с востоковедной, но и с классической литературой.

достатки. В них отсутствовал материал об экономическом строе Турции. В погоне за занимательностью Базили подчас впадал в легковесность, уделял немало места анекдотам, увлекался описанием разного рода экзотики. Наконец, далеко не все сведения оригинальны, многое почерпнуто из общеизвестной литературы. Однако нельзя не признать, что отдельные страницы написаны с подлинным литературным блеском.

В 30-х годах Базили успешно сотрудничал в периодических изданиях, писал статьи для «Энциклопедического словаря» Плюшара и «Военной Энциклопедии». Однако с конца 30-х годов в литературной деятельности Базили наступил длительный перерыв, вероятно, объяснявшийся его служебным положением. В 1837 г. он был направлен Министерством иностранных дел на Кавказ, в Комиссию для устройства Закавказского края [16].

На Кавказе Базили имел серьезное столкновение с местными административными лицами, вызванное тем, что он «по долгу службы собрал нужные сведения о злоупотреблениях здешней полиции и об отнятии сенокосов у жителей» [17]. Этот факт косвенно свидетельствует, что работа в комиссии потребовала от Базили знания хозяйства Кавказа, познакомила его и с жизнью народных масс [18].

В 1838 г. Базили был отозван с Кавказа и 24 декабря того же года определен на «открывшуюся по случаю смерти консула Мостроса вакансию российского консула в Яффе» [19].

В августе 1839 г. Базили, находясь в Константинополе, получил инструкции от русского посла А. П. Бутенева и направился в Александрию для представления генеральному консулу графу Медему, которому в то время подчинялись российские консулы и консульские агенты в Сирии, Ливане и Палестине.

Во время пребывания Базили в Александрии было решено перенести русский консульский пост из Яффы в Бейрут, куда он и прибыл 20 ноября 1839 г. Здесь, зимой в Бейруте, летом

---

[16] «На основании высочайше утвержденного 18 мая 1834 г. журнала Комитета об устройстве Закавказского края назначен Базили помощником правителя дел комиссии, высочайше учрежденной для составления положения об управлении тем краем, и секретарем при председателе комиссии, бароне Гане» (АВПР, ф. «Личные дела МИД», оп. 4641, ед. хр. 27).

[17] АВПР, ф. «Департамент личного состава и хозяйственных дел», оп. 7491, ед. хр. 1404а, л. 23.

[18] По-видимому, на Кавказе он изучал общую экономическую литературу, потому что позднее, находясь в Сирии и изучая сирийскую экономику, Базили показал немалые экономические познания и проводил в некоторых донесениях параллели между соответствующими отраслями хозяйства Сирии и Кавказа.

[19] АВПР, ф. «Департамент личного состава и хозяйственных дел», оп. 7491, ед. хр. 1404а, л. 23.

в ливанских горах, в монастыре Мар-Ильяс в Шуэйре, где позже останавливались Гиргас и Крымский, а еще позже жил Крачковский, провел Базили пятнадцать лет [20].

Годы пребывания в Сирии прошли для Базили в изучении страны, ее истории, экономики, этнографии и языка [21]. Он собирал арабские рукописи, которые пересылал в Россию, внимательно наблюдал за деятельностью ранних сирийских просветителей, интересовался сирийской церковной живописью. С полным основанием можно утверждать, что из поля зрения Базили не ускользнуло ни одно событие политической и культурной жизни Сирии тех лет. Дом Базили в Бейруте превратился в русский культурный центр в Сирии. Здесь останавливались во время своего путешествия в Палестину Гоголь [22], поэт Вяземский [23], подолгу жил начальник первой русской духовной миссии в Иерусалиме, известный ученый Порфирий Успенский [24]. Консульские донесения Базили представляют немалый

[20] За это время Базили многократно совершал поездки по стране.

[21] Базили владел в совершенстве греческим, французским и турецким языками; трудно сказать, в какой степени он знал арабский язык, но, несомненно, изучал его. Из письма Базили к Гоголю (в июле 1850 г.) можно заключить, что в семье Базили говорили и по-арабски. Базили пишет о своем старшем сыне, которому было тогда около пяти лет: «Бьюсь без толку и пользы, чтобы мой Александр научился хоть сколько-нибудь по-русски — нет средства; кроме молитвы, ни слова не знает. Гувернантка француженка. Болтает и мой мальчик по-французски, точно парижанин, господи, прости! Даже по-гречески и по-арабски говорить перестал» (В. И. Шенрок, *Материалы для биографии Гоголя*, т. IV, стр. 830).

[22] Гоголь приехал в Сирию в начале февраля 1848 г., вместе с Базили ездил в Иерусалим и с его семьей вернулся в Россию (см. В. И. Шенрок, *Материалы для биографии Гоголя*, т. IV, стр. 696).

[23] П. А. Вяземский совершил в 1850 г. путешествие на Восток, описанное в «Старых записных книжках» («Полное собрание сочинений кн. П. А. Вяземского», т. IX, СПб., 1884).

[24] Между Базили и Порфирием Успенским происходил обмен рукописями и научными сведениями. Небезынтересно для истории приобретения в России арабских рукописей привести несколько выдержек из переписки Успенского и Базили, хранящейся в архиве Академии наук в Ленинграде. В письме от 30 января 1851 г. Базили сообщает: «Вместо плохой рукописи ливанской хроники, одной из двух, погибших в море за два года перед сим (во время пересылки их Успенскому. — *И. С.*), для Вас готовится прелюбопытная рукопись, а именно: история крестовых походов, писанная некиим маронитским владыкою того времени. А ведь та ливанская рукопись, что у Вас есть, несравненно любопытнее и полнее другой, да сверх того она вовсе неизвестна, тогда как другая (потерянная) весьма известна и давно посланная мною в Петербург...» (Архив АН СССР, ф. 118, оп. I, № 50, л. 94). В «Книге бытия моего» (т. III, СПб., 1896, стр. 615) Успенский рисует портрет Базили тех лет: «Сам консул смугленький, худенький, вдовец, с проседью, остроумен, образован, честолюбив, раздражителен, нежен к своим детям и холоден ко всем прочим; говорит много, быстро, складно, умно, занимательно».

научный интерес. Многие материалы из них вошли в его книгу «Сирия и Палестина». В 1841 г. Базили направил в российское посольство в Константинополе «Записку о внешней торговле Сирии», которая была в сущности очень интересным исследованием экономических процессов, совершавшихся тогда в Сирии, Ливане и Палестине. Записка была опубликована в «Московских ведомостях» [25], но осталась незамеченной востоковедами.

В 1841 г. он написал в первом варианте работу, вошедшую позже в качестве приложения в книгу «Сирия и Палестина» под названием «Статистические заметки о племенах сирийских и о духовном их управлении». Эта работа имела этнографический характер и содержала материалы о положении религиозных организаций в Сирии.

В 1847 г. Базили закончил монографию «Сирия и Палестина под турецким правительством». Находясь в 1848 г. в отпуске в России, он сделал попытку издать ее [26], но цензура помешала этому.

В 1848 г., когда Европу потрясли революционные взрывы, издать в России книгу, в которой автор выражает сочувствие народной борьбе против ливанских и турецких феодалов, было невозможно. Не случайно книга увидела свет только в 1862 г., после земельной реформы в России [27].

Напряженная научная работа сочеталась у Базили с активной дипломатической деятельностью.

В 1853 г. Базили выехал в Европу, а затем вернулся в Россию. В годы Крымской войны он анонимно опубликовал в Париже и Брюсселе несколько брошюр о восточном вопросе и причинах войны, которые имели целью оправдать русскую политику в восточном вопросе [28].

Между 1855 и 1858 гг. Базили занимал ряд дипломатических постов: состоял при русском посланнике в Вене в 1855 г.; при представителе России на Парижском конгрессе в 1856 г.,

---

[25] «Московские ведомости», 1841, № 93—96.

[26] 14 июня 1848 г. жена Базили, Маргарита Александровна, писала Гоголю: «Муж мой все еще в Петербурге, занимается своею книгою, заставляет переписывать и проч.» (В. И. Шенрок, *Материалы для биографии Гоголя*, т. IV, стр. 770).

[27] Книга была разрешена цензором к печати через два месяца после подписания Александром II «Положения 19 февраля».

[28] «Lettre sur l'état de la Turquie et la crise actuelle» Paris, 1853 (в 1854 г. эта работа вышла в России под названием «Письмо в Париж о нынешнем состоянии Турции); «La guerre d'Orient, ses causes et ses conséquences. Par un habitant de l'Europe continèntale», Bruxelles, 1854; «L'Autriche et l'Allemagne dans la question d'Orient», Bruxelles, 1856 etc.

затем был назначен русским комиссаром в Международную комиссию, организованную в Константинополе для составления новых положений о Молдавии и Валахии. К 1860 г. Базили оставил государственную службу и поселился в Одессе.

В 1862 г. Базили, наконец, смог издать книгу «Сирия и Палестина» в том виде, в каком она была закончена в 1847 г., а в 1875 г. переиздать ее.

Все следующие годы своей жизни Базили занимался сельскохозяйственным предпринимательством (он имел земли в трех уездах Херсонской губернии) и общественной деятельностью помещичье-либерального характера. Он был активным земским деятелем, вице-президентом «Общества сельского хозяйства Южной России», принимал участие в составлении устава земского банка Херсонской губернии. Его политические взгляды в это время сильно поправели [29].

К востоковедной работе К. М. Базили больше не возвращался, если не считать написанных им нескольких брошюр [30]. В последние годы жизни он занялся «приведением в порядок своих рукописей и мемуаров», о судьбе которых, к сожалению, ничего неизвестно.

Скончался Базили 10 февраля 1884 г.

Консульская деятельность К. М. Базили в Сирии. Прежде чем перейти к рассмотрению исторических взглядов Базили и к оценке его научного наследия, необходимо остановиться на его консульской деятельности. Это важно для определения идейных и политических истоков его книги, которая была плодом труда не кабинетного ученого, а, в известном смысле, участника описываемых событий.

Острый международный конфликт 1839—1840 гг. (он известен под названием «второго египетского кризиса»), в котором вопрос о Сирии был центральным, свидетельствовал о возросшем интересе европейских держав к этой части Османской империи. Этот интерес вызывался географическим положением Сирии, связывающей Средиземноморье со Средним Востоком, а через Курдистан — с Арменией и Закавказьем. Планы использования территории Сирии для создания водного или железнодорожного пути к Персидскому заливу возникли уже в первой половине XIX в. Со времени превращения Индии в ры-

[29] Эти изменения отразились в политических статьях Базили: «Беседа о конституции и о применении представительных начал в государственном управлении» и «Записка по еврейскому вопросу» (Одесса, 1881).

[30] «L'Empire Ottoman 1839—1877. L'Angleterre et la Russie dans la question d'Orient. Par un ancien diplomate», Paris, 1877.

нок сбыта и источник сырья возросла заинтересованность Великобритании в более коротком и удобном пути в Индию. В 30-х годах XIX в. в английских кругах возник проект прорытия канала между Оронтом и Евфратом. Для изучения условий судоходства по Евфрату было предпринято путешествие английского капитана Чеснея. Несколько позже появился план проведения железной дороги через Сирию к Персидскому заливу; ревностным сторонником и пропагандистом этого плана был английский консул в Алеппо Скин [31].

Сирия, Ливан и Палестина представляли собой обширный рынок сбыта промышленной продукции западноевропейских держав. Еще в XVIII столетии между Англией и Францией шла борьба за преобладание на этом рынке. В 20—30-х годах XIX в. в Сирию устремился поток английских и французских товаров фабричного производства [32]. Активизировалось и политическое проникновение Франции и Англии в Сирию. Англия и особенно Франция имели там разветвленную сеть консулов, агентов и резидентов, как правило, обладавших большим опытом службы в Сирии, прочными (иногда родственными) связями с местным населением Османской империи [33]. Консулы весьма активно вмешивались во внутренние дела провинции [34]. Каждая из этих держав сумела к 40-м годам XIX в. создать в Сирии и Ливане политическую опору: Франция опиралась на

---

[31] «Reports received from Her Majesty's consuls relating to the conditons of Christians in Turkey», London, 1861.

[32] Результаты наплыва европейских товаров на сирийский рынок проявились уже к началу 40-х годов XIX в. В 1841 г. Базили на основании убедительных данных констатировал разорение мануфактурного и ремесленного производства в Сирии (АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 718, л. 99, 100; см. также: «Московские ведомости», 1841, № 93—96).

[33] Французские консульские посты в разных городах Сирии иногда занимали члены одной семьи, несколько поколений которой служили здесь. Такова семья Гисов: Анри Гис, автор очень интересных сочинений о Сирии и Ливане, был в 30-х годах консулом в Бейруте, его брат Шарль — вице-консулом в Триполи, их отец, Альфонс также служил в Сирии (он умер в Триполи в 1812 г.). В Алеппо и Латакии служили два брата Жофруа и т. д. Полковник Черчилль (Черчилль-бей), поселившийся в Ливане в 1841 г., являлся английским резидентом; он был женат на представительнице ливанского дома эмиров Шахабов.

[34] До 30-х годов XIX в. в Сирии преобладало французское влияние, но затем положение начало изменяться. Французский журналист Б. Пужуля не без горечи отмечал, что «до 1830 г. англичане могли приезжать в Ливан только с паспортом, выданным консулом Франции. С 1840 г. Англия завоевала в этих районах с помощью друзов влияние невыносимое для будущего католиков этой страны» (B. Poujoulat, *La verité sur la Syrie et l'expedition française*, Paris, 1861, p. XXIV).

маронитское духовенство и маронитских феодалов, Англия — на друзских[35].

Политическому проникновению способствовала деятельность различного рода религиозных миссий. Еще в XVII в. в Сирию устремились иезуиты, за ними последовали францисканцы, лазаристы. Эти миссии получали крупные субсидии от правительства Франции и римского папы. Англия поддерживала деятельность протестантов, направляемых из США.

Растущая активность западноевропейских держав в Сирии не могла остаться незамеченной в России, не могла не беспокоить русские правительственные круги. Хотя основное внимание царского правительства было обращено на европейскую Турцию и проливы, азиатские владения турок в перспективе также могли представить интерес для русской торговли. Кроме того, усиление влияния той или другой державы в любой части Османской империи осложняло восточный вопрос — один из центральных во внешней политике Николая I. Поэтому русская дипломатия была заинтересована в противодействии растущему влиянию Англии и Франции в Сирии.

Как известно, Россия претендовала на покровительство православным Османской империи[36], так же как Франция — католикам. Вследствие активизации католической, униатской и протестантской религиозной пропаганды и политической деятельности французских, американских и английских агентов в Сирии, Ливане и Палестине число православных там начало неуклонно сокращаться. Это беспокоило русское правительство. Не случайно центральное место в инструкции, переданной Базили при назначении в Бейрут, занимают наставления «по вопросу об интересах религии и восточной церкви, который не перестает интересовать императорский двор»[37].

Создание первой русской духовной миссии в Иерусалиме в 1847 г. и предварительная поездка Порфирия Успенского в 1843 г. в Палестину были вызваны стремлением организовать противодействие французской и английской религиозной политике.

Таким образом, задачи Базили были трудны, а политическая обстановка в Сирии — очень сложна. Она усугублялась резким обострением антифеодальной борьбы в Ливане. Из сказанного становится ясным, сколько ума, дипломатического такта, дальновидности и познаний требовалось от русского пред-

---

35 Это не исключало стремления каждой из держав привлечь на свою сторону шейхов бедуинских племен и влиятельных откупщиков-мусульман.

36 Во внутренней Сирии, Ливане и Палестине православные составляли почти третью часть всех христиан.

37 АВПР, ф. «Главный архив», 1820, д. 4, л. 50.

ставителя, чтобы правильно оценить обстановку и успешно действовать.

Российская консульская служба в Сирии, Ливане и Палестине ко времени назначения Базили насчитывала около двух десятилетий своего существования, она была слаба и малоэффективна. Первый консульский пост был создан только в 1820 г. в Яффе, куда был направлен консулом предшественник Базили — Мострас. Назначение консула в Яффу, тогда еще незначительный административный пункт, объяснялось тем, что через этот приморский городок следовало в Иерусалим большинство российских паломников, защита интересов которых и составляла основную обязанность консульства. В 30-х годах XIX столетия в Сирии существовали, помимо консульства, несколько российских консульских агентств: в Алеппо, Латакии, Бейруте и Сайде [38].

Консульские агенты, вербовавшиеся преимущественно из местных торговцев, жалованья не получали. Служба создавала для них известный почет и выгоды, связанные с использованием торговых и политических привилегий, распространявшихся на российских подданных. Свои обязанности они исполняли плохо. В сентябре 1839 г. генеральный консул в Александрии Медем жаловался послу в Константинополе Бутеневу на то, что агенты, занятые коммерческой деятельностью, боятся обострить отношения с турецкими чиновниками и в связи с этим слабо защищают интересы российских подданных [39]. Столь же неудовлетворительно информировали агенты российского генерального консула о внутриполитическом положении Сирии, а между тем эта последняя сторона их деятельности была не менее важна, так как до 50-х годов XIX в. в Сирии отсутствовала какая-либо периодическая пресса и информация о стране поступала лишь от очевидцев.

Познакомившись в самых общих чертах с организацией консульской службы в Сирии, Базили по приезде в Александрию предложил консулу Медему реорганизовать сирийское консуль-

---

[38] В Алеппо агентом был итальянец Пиччиото; в Сайде—левантинец Катафаго; в Бейруте — француз Шассо, одновременно консул Пруссии и вице-консул США; в Латакии — итальянец Мазулье. Агентства в Бейруте и Латакии организовал российский генеральный консул в Александрии А. Дюгамель, человек энергичный, немало потрудившийся над организацией русской консульской службы в арабских странах. Следует отметить, что со времени завоевания Сирии, Ливана и Палестины Мухаммедом Али русские агенты этой части Османской империи стали непосредственно зависеть не от посла в Константинополе, а от генерального консула в Александрии, именовавшегося в связи с этим «генеральным консулом Египта, Сирии и зависящих областей».

[39] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 680, л. 142.

ство[40]. Базили считал необходимым перенести консульский пост в Бейрут, оставив в Яффе лишь опытного драгомана. Он предлагал распространить юрисдикцию консульства на всю Сирию и Палестину, назвав его российским консульством Сирии и Палестины.

Целесообразность этого плана очевидна. Бейрут за два десятилетия (1820-е и 1830-е гг.) превратился в политический и торговый центр, в нем сосредоточилась основная экспортно-импортная торговля Сирии. В Бейруте находились консульства европейских держав, а после восстановления турецкой власти туда была перенесена резиденция паши Сайдского пашалыка.

Предложения Базили были приняты[41], однако с ограничением районов, подведомственных консульству. Бейрутом и Палестиной. В 1843 г. проект Базили был осуществлен полностью, консульские агентства Сирии перешли под его управление, а бейрутское консульство было преобразовано в генеральное.

Таким образом, организация русской консульской службы в Сирии в той форме, как она просуществовала затем около полустолетия, связывается с именем Базили.

Деятельность Базили в Сирии в качестве консула была многосторонней и разнообразной, начиная от участия в обсуждении и выработке административного статута Ливана и кончая нередко улаживанием ссор православных. О своей работе Базили писал: «Пятнадцать лет прожил я в Сирии и Палестине, с 1839 по 1853 г. Это были лучшие годы моей жизни. Служебная деятельность оставила во мне воспоминания утешительные. В бытность мою в Бейруте, на Ливане и в Иерусалиме, равно и в поездки мои в Дамаск, в Антиливан и во внутренние округи представлялись случаи облегчать судьбу христиан, бороться против тиранских властей, против фанатизма мусульманского и укрощать феодальные насилия и бесчинства. Не раз посчастливилось мне быть примирителем между враждующими племенами и спасать села и города. Считаю себя в праве упоминать об этом, потому что заслуги агента великой державы на Востоке должны быть приписаны не личности его, но званию, которым он облечен. Звание это сопряжено, правда, с тяжким трудом, с лишениями всякого рода, с опасностями»[42].

---

[40] Реорганизация консульства, судя по инструкции, предполагалась еще до назначения Базили, но срок ее не был определен.

[41] 3 декабря 1839 г. Базили сообщил графу Медему: «20 ноября павильон русского консульства торжественно открылся в Бейруте, салютируемый 21 залпом из пушек» (АВПР, ф. «Генеральное консульство в Египте», д. 56, оп. 820, л. 68).

[42] К. Базили, *Сирия и Палестина...*, ч. I, стр. V—VI.

5 Заказ 1441

Как уже упоминалось, Базили внимательно наблюдал за брожением, охватившим народные массы Сирии в 40-х годах прошлого века. В августе 1841 г. в донесении в Константинополь Базили писал: «Еще невозможно оценить характер моральной революции, мощно охватившей страну, ее старые патриархальные институты пали в руинах... в стране, однако, нет еще сильного влияния или ясных принципов, которые могли бы занять место старых институтов, полмиллионное население Ливана не отдает отчета в своих желаниях и надеждах»[43].

Нельзя не признать, что подобная оценка событий говорит о глубине взглядов Базили на процессы, происходившие в те годы в сознании ливанского народа, еще только пробудившегося к борьбе против феодального гнета. Не укрылась от вдумчивого наблюдателя и слабая сторона этого процесса — стихийность.

Как известно, спустя два месяца после этой записи Базили, Ливан был потрясен друзско-маронитскими столкновениями. Поскольку друзско-маронитский конфликт был использован западноевропейскими державами для вмешательства во внутренние дела Сирии, он уже в начале 40-х годов превратился в вопрос большой политики. Им занималась не только Порта, но и правительства Англии и Франции. Французские и английские дипломаты вырабатывали проекты, предусматривавшие преобразование административного устройства Ливана.

Друзско-маронитский вопрос оживленно дебатировался в западноевропейской прессе и в многочисленных английских и французских публицистических работах. Все эти проекты и литература были призваны замаскировать политические расчеты западных правительств и поэтому носили на себе печать ярко выраженной политической тенденциозности.

Россия была непричастна ни к английским, ни к французским интригам в Ливане, ее политика в ливанском вопросе решительно отличалась от английской и французской, поэтому именно в русской литературе ливанские события нашли объективное освещение, которое создалось в значительной степени благодаря трудам Базили.

Противопоставляя свою точку зрения на причины друзско-маронитского антагонизма «преобладающим в Европе ложным и пристрастным мнениям», Базили писал: «Религиозная вражда между двумя племенами была не поводом к войне, но ее последствием». Далее он подчеркивал, что друзы и марониты прежде «никогда не обнаруживали чувств взаимных ненавистей религиозных»[44].

---

[43] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 718, л. 158.

[44] К. Базили, *Сирия и Палестина...*, ч. II, стр. 41, 52.

В чем же видел он причину друзско-маронитского конфликта?

Спустя две недели после начала столкновений Базили сообщал послу в Константинополе: «Сильные потрясения прошлого года, неумение, а может быть даже коварство турецких властей, интриги французских агентов среди маронитов и их фанатического духовенства, перевес, данный Портой главе этого духовенства, суммы, посылаемые Францией и Австрией в виде милосердия, неспособность и упрямство принца гор и надежда друзов на поддержку Англии» [45], — вот что повлекло за собой «гражданскую войну».

Здесь, в этой самой первой своей оценке событий, Базили раскрывает роль Франции, Англии и турецкого правительства в провоцировании столкновений. Здесь же содержится намек, хотя еще и неясный, на социальные корни событий: «Сильные потрясения прошлого года» (восстание против египтян и эмира Бешира) были как раз причинами «моральной революции».

По мере того как развертывались события, у Базили выкристаллизовывалось более ясное представление об их причинах. Об этом свидетельствует предложенный им в начале 1842 г. проект «умиротворения Ливана», о котором речь будет позже. В дальнейшем, летом 1845 г., в одном из донесений Базили уже совершенно четко формулирует свою мысль: «Борьба между общинами и феодалитетом, которой различия рас и религий в смешанных районах придали характер гражданской войны, охватила все население Ливана» [46].

Взгляды Базили на причины друзско-маронитских столкновений изложены в его книге «Сирия и Палестина». Там он, в частности, пишет: «И само междоусобие 1841 г. было последствием попытки христианского народонаселения к свержению ига шейхов» [47]. Вместе с тем он обосновывает мысль об ответственности Турции и Англии и разоблачает агрессивную политику западных держав в Сирии и Ливане.

Базили выступил с проектами внутренних преобразований в Ливане. В противовес своим коллегам (английскому и французскому) он полагал, что вопрос о верховной власти не является в Ливане самым важным и что «умиротворения» страны можно достигнуть только ограничением произвола властей и достижением «безопасности трудящихся» [48].

В январе 1842 г. сераскир Мустафа-паша, присланный Портою в Бейрут для урегулирования положения в Ливане (Порта

[45] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 718, л. 184.
[46] Там же, д. 799, л. 234.
[47] К. Базили, *Сирия и Палестина...*, ч. II, стр. 80.
[48] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 736, л. 8.

была обеспокоена тем резонансом, который имел друзско-маронитский вопрос), конфиденциально обратился к Базили с просьбой представить «план действий» в умиротворении Ливана. Базили выполнил эту просьбу. По его мнению, надежным средством «успокоения» страны были «разоружение масс и *отмена противозаконной власти шейхов и эмиров*». Он полагал, что население должно найти у турецкого правительства поддержку и защиту «от домогательств шейхов» и считал возможным поставить во главе Ливана мусульманина-неливанца [49], а при нем создать советы представителей всех религиозных групп, которые рассматривали бы дела своих общин. План Базили предусматривал ограничение власти мукатаджиев [50] и разрешение им собирать «налог на неизменной основе» (т. е. без злоупотреблений).

Наконец, Базили выдвинул и такой тезис: «Собственность крестьянина может быть продана только крестьянину, собственность шейха или эмира — шейху или эмиру, собственность монастыря или церкви — монастырю или церкви» [51]. Таким образом Базили предложил план, в котором главное внимание было обращено на ограничение произвола феодалов, создание более централизованной системы управления страной и предотвращение дальнейшего обезземеливания крестьянства. В условиях Ливана, где еще в полной мере господствовали феодальные отношения, предложения Базили были прогрессивными. В противоположность русскому консулу английский консул стоял за полную неприкосновенность привилегий ливанских феодалов [52].

Предложения Базили не были приняты турецкими властями, интересам которых соответствовал лишь пункт о передаче

---

[49] Там же, л. 9, 12 (курсив наш). — Базили еще питал иллюзии относительно реформаторской деятельности турок (это было начало эпохи танзимата). Предлагая поставить во главе Ливана мусульманина, турецкого подданного, он рассчитывал, по-видимому, что этот правитель будет проводить политику централизации управления Ливаном и вместе с тем не будет связан с ливанскими феодалами.

[50] Мукатаджии — владельцы крупных феодов, мукатаа.

[51] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 736, л. 12.

[52] По этому поводу Базили писал: «Его (английского генерального консула. — *И. С.*) предшествующее поведение, если только оно не обязано его личным чувствам, дает место для подозрений, более или менее обоснованных, о взглядах его правительства в отношении населения Сирии. Он является ревностным сторонником феодального принципа и в качестве тори он видит свой религиозный долг в поддержке принципа, особенно потому, что этот принцип, приложенный к современному моральному и политическому состоянию Сирии, представляет много шансов для успеха иностранных влияний» (АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 736, л. 8).

верховной власти в Ливане мусульманину неливанского происхождения [53].

Последствием представления этого проекта была жалоба английского и французского консулов своим послам в Константинополе, в которой они обвиняли Базили в поддержке Мустафы-паши вопреки интересам христиан. Базили получил от русского посла выговор за самостоятельные действия. В этот период Россия искала соглашения с Англией по турецкому вопросу и не желала ухудшать отношения с ней из-за Сирии [54].

В 1844 г., когда друзско-маронитский антагонизм вновь начал обостряться, Базили представил послу в Константинополе новый проект, на этот раз согласованный с английским и французским консулами. Основным тезисом этого проекта было предложение заменить власть мукатаджиев «властью муниципальной» (представительной). Отмена власти мукатаджиев, как полагал Базили, даст облегчение народу, который «часто протестует против этих людей, его истинных притеснителей» [55]. Базили вновь предлагал образовать представительные советы при каймакамах и передать функции мукатаджиев по сбору налогов каймакаму, лишить судебной власти феодалов-шейхов и создать специальные суды для каждой религиозной общины.

В дополнение к проекту Базили направил послу письмо, в котором изложил свои особые взгляды на управление Ливаном (по-видимому, как раз те, которые он не смог согласовать с консулами). Он писал, что было бы желательно поставить во главе Ливана не двух каймакамов (это лишь усиливало бы

---

[53] Во главе Ливана турецкое правительство поставило в 1842 г. Омар-пашу, мусульманина, поляка по происхождению. Восстание друзов (осенью 1842 г.) против турецких властей в Ливане и давление держав заставили турецкое правительство отказаться от назначения на этот пост мусульманина-турка. Страна была разделена на две каймакамии — друзскую и маронитскую — во главе с каймакамами (друзом и маронитом), назначенными из крупных феодалов. Этот раздел не ослабил друзско-маронитского антагонизма.

[54] В 1842 и 1844 гг. Базили получил еще несколько напоминаний о необходимости действий, совместных с консулами западноевропейских держав. Понимая, что позиции Англии, Франции и России в ливанском вопросе решительно расходятся, Базили настаивал на разрешении действовать самостоятельно, тем более что консулы Англии и Франции проводили собственную политическую линию. Он писал: «Осуществить свою политическую линию мне выгоднее, чем всякому из моих коллегов, потому что и с правительством в больших ладах, и мусульмане, и друзы, и христиане имеют много доверенности ко мне» (АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 736, л. 279).

[55] АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 780, л. 140.

друзско-маронитский антагонизм), а полновластного правителя, способного бороться с сепаратизмом феодалов [56].

План Базили 1844 г. оказал влияние на преобразования, осуществленные в Ливане Шекибом-эфенди, министром иностранных дел Турции, в начале 1846 г. после новой вспышки друзско-маронитских столкновений [57]. Однако лишь в 1861 г., после новых кровопролитий и французской оккупации Сирии, Турция и европейские державы пришли к согласованным решениям о более существенных реформах внутреннего устройства Ливана. Международная комиссия, заседавшая в Бейруте, приняла так называемый Органический статут, провозгласивший автономию Ливана. Статут отменил власть мукатаджиев, ликвидировал друзское и маронитское управления. Во главе Ливана стал губернатор-христианин (назначаемый Портой), при котором создавались советы, ведающие сбором налогов; вводилось налоговое обложение всех слоев населения. Таким образом основные идеи Органического статута Ливана совпадали с предложениями, высказанными Базили еще в начале 40-х годов XIX века.

Сейчас трудно судить, могли ли оказать влияние на составителей Органического статута идеи Базили. Но даже, если оставить в стороне этот, несомненно, интересный вопрос, безусловно то, что Базили глубже своих западных коллег понимал и сущность происходивших процессов, и требования исторического развития Ливана. Но Базили не только правильно понимал события, он, как русский дипломат, активно действовал, и этот образ действия не был исключительно его личной заслугой. Какое бы неудовольствие посла и директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел ни вызывали некоторые самостоятельные шаги Базили, он оставался проводником политики русского правительства. Как пишет Порфирий Успенский, директор Азиатского департамента Сенявин высказывался с неудовольствием о том, что Базили «берет на себя много лишнего, забывая, что он не министр, а второстепенный консул» [58]. Тем не менее вплоть до Крымской войны Базили оставался генеральным консулом. В 1848 г. М. А. Базили пи-

[56] «Что касается спокойствия жителей и бедных Ливана и взимания налогов, то необходимо действовать в распределении налогов справедливо, подвергая всех собственников равному обложению. Так как те, кому теперь поручен сбор налогов, являются сами себе хозяевами, население ничего не может сделать против их воли, в результате бедные платят бо́льшую часть налогов» (АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 780, л. 147).

[57] Шекиб-эфенди создал советы при каймакамах и ограничил власть мукатаджиев.

[58] П. Успенский, *Книга бытия моего*, ч. I, стр. 186.

сала Гоголю о том, что «Константина Михайловича приняли в Петербурге как нельзя лучше и что, надеюсь, утрата здоровья и ревность его в пользу службы не останутся без награды»[59]. Когда Успенский попробовал бросить тень на деятельность Базили, Министерство иностранных дел взяло его под защиту, а Успенскому было указано, что «духовной особе следует писать о предметах духовных, а в политические дела не вмешиваться»[60].

Все это свидетельствует о том, что действия Базили в Сирии согласовывались с внешнеполитическими задачами русского правительства. Поскольку Россия стремилась ослабить позиции Франции и Англии в Сирии, русская дипломатия была заинтересована в подрыве социальной базы английской и французской агентуры в стране—друзских и маронитских феодалов. Вместе с тем среди сирийского православного населения, на которое опиралось русское правительство в своей политике не было ни одной крупной феодальной светской фамилии; это были крестьяне, ремесленники и торговцы. Следовательно, для укрепления своей опоры в Сирии царское правительство в целом ряде вопросов должно было защищать через консула интересы этих слоев населения.

Однако в обстановке обострявшейся классовой борьбы решиться последовательно проводить подобную политику мог далеко не каждый дипломат, чиновник николаевской России. Базили же обладал широким политическим кругозором и питал искреннее сочувствие к страдавшему от произвола ливанскому населению. Мы едва ли встретим другого российского дипломата в Сирии, оставившего столь заметный след в истории дореволюционной дипломатической службы и внесшего столь важный вклад в укрепление русско-арабских связей. К сожалению, до сих пор ни в русской, ни в зарубежной исторической литературе эта сторона деятельности Базили не была оценена.

Исторические взгляды Базили. Базили начал изучать историю Сирии в чисто практических целях. В 1847 г. в предисловии к книге «Сирия и Палестина» он писал: «Пребывая в Сирии с 1839 года и следя собственным глазом все происшествия с Незибского сражения и прилежно изучая край и его племена, я, признаюсь, не прежде мог постигнуть происходившее перед моими глазами, как по обзоре предшествовавших событий и исторических фактов. Хотя предания старины не имеют, по-видимому, прямой связи с тем, что совершается или со-

59 В. И. Шенрок, *Материалы для биографии Гоголя.* т. IV, стр. 770.
60 П. Успенский, *Книга бытия моего,* ч. III, стр. 138.

вершилось на Востоке при нынешнем дипломатическом направлении Оттоманской империи, однако, служат они пояснением многих загадочных явлений, и в них таится, может быть, решение той великой задачи восточных дел, над которою неудоумевает и самый глубокомысленный политик»[61]. Несколькими страницами далее Базили продолжает: «Если книга моя будет включена в разряд материалов, изучение которых полезно при исследовании вопроса о судьбах Востока, то труд мой не потерян»[62].

Эти высказывания проливают свет на задачи, которые ставил перед собой Базили, приступая к работе над книгой: он полагал, что, исследуя историю Сирии, можно открыть тайну решения «великой задачи восточных дел».

Что же подразумевал Базили под «судьбами Востока», и в чем он видел разгадку «великой задачи восточных дел», ту разгадку, ради которой он предпринял свое исследование?

Базили принадлежат замечательные слова: «Давно прошли для Азии те времена, когда европейский гений тридцатью тысячами войска и тремя сражениями решал судьбу этого пространного материка. Народы азиатские таят сами в себе зародыш и гений своих грядущих судеб»[63]. Иными словами, не в европейском завоевании и разделе державами Османской империи видел он решение судеб ее народов, но во внутреннем развитии этих народов, которое, как он полагал, заключается в разрушении «феодального общества» и рождении «муниципального строя[64]; и в этой смене одного «устройства» другим он видел «закон естественного развития гражданских обществ».

Взгляды Базили на направление внутреннего развития Сирии наиболее четко выражены в конце книги: «Мы приступаем к окончанию нашего труда; мы обозрели сирийские события в три последние века и тщательно исследовали начало и развитие феодального общества горских племен, продливших политический быт арабского элемента в сем краю под турецким владычеством. Мы усмотрели также первые признаки муниципального направления народных масс и влияние правительствен-

---

[61] К. Базили, *Сирия и Палестина...*, ч. I, стр. XII—XIII.

[62] Там же, стр. XVIII.

[63] К. Базили, *Сирия и Палестина...*, ч. I, стр. 82.

[64] Оговоримся, что в понятие «феодального общества» Базили, как его современники и более поздние буржуазные историки, вкладывал не социально-экономическое, а политико-юридическое содержание. По его мнению, «феодальное устройство» представляет собой такую организацию общества, для которой характерны децентрализация государственного строя и наделение политической властью феодалов. Феодальному образу правления он противопоставлял «муниципальное устройство» с представительными органами власти.

ных преобразований Оттоманской империи на направление это, равно подчиненное повсюду законам естественного развития гражданских обществ. Мы видели борьбу этих двух начал и едва ли не последние торжества феодального права в ливанском обществе, предшествующем в гражданственности другим племенам огромной арабской семьи» [65].

Взгляд Базили на социальное развитие народов Османской империи тесно связан с воззрениями на их национальное развитие. Базили ярко обрисовал национальный гнет в Османской империи. «В Турции существуют племена, — писал он, — соприкованные в государство одною материальною силою. Посреди их племя самое грубое, отсталое и ленивое облечено правом владетельным» [66]. В XIX в. под влиянием идей Французской революции и внутриосманских событий 30—40-х годов угнетенные народы империи просыпаются к политической жизни, однако с провозглашением Гюльханейского Хатт-и шерифа «открылась новая эра преследования... противу народностей... С той поры более чем когда-либо разлучился в Турции правительственный интерес от общественного и, сделавшись исключительно принадлежностью владетельного племени и касты, обусловился антагонизмом, который по необходимости существует между господином и рабом. Подвластным племенам осталась надежда внутреннего развития вопреки враждебных умыслов власти» [67]. Базили уверен, что это развитие приведет народы к национальному освобождению. «Племенам сирийским, — утверждает он, — открывается теперь новая перспектива, а владычество турецкое, служащее препоною гражданственности, начинает уже колебаться в этой страдальческой стороне, подобно тому как колеблется оно в европейских областях империи» [68].

Таким образом, Базили полагал, что «судьбы» Сирии заключаются в национальном освобождении и социальном развитии в буржуазном направлении. Исходя из этого он считал необходимым осуществить в стране реформы, облегчающие это развитие, а именно: устранить феодальный произвол, отменить феодальные привилегии, создать «безопасность трудящихся», равенство всех слоев населения в вопросах религии, налогообложения и судопроизводства, по возможности отстранить турок от управления страной. В своей книге на материале исторического развития Сирии и Ливана Базили доказывал неизбежность подобных реформ.

---

[65] Там же, стр. 106.
[66] Там же, стр. 17.
[67] Там же, стр. 19.
[68] Там же, стр. 23.

Исторические воззрения Базили тесно связаны с его взглядами на политическое и социальное развитие Сирии и Ливана и, вероятно, в значительной степени ими определялись. Однако свое теоретическое оформление они получили под влиянием ряда направлений русской и западноевропейской буржуазных исторических школ.

Базили полностью разделял основное теоретическое положение буржуазной исторической мысли начала XIX в.: история является единым, закономерным процессом. В России этот взгляд на историю в 20—30-х годах (когда формировались исторические взгляды Базили) пропагандировали Эверс, Полевой и Погодин.

В историческом развитии общества Базили отмечал два периода: дикость (первоначальное состояние общества) и гражданственность [69]. Поскольку он пользовался принятыми в литературе того времени терминами, он не счел нужным раскрывать смысл этих понятий [70]. Базили отметил лишь одну, но характерную особенность периода «дикости», соответствующего в общих чертах доклассовому обществу — отсутствие частной собственности на землю [71]. В эпоху «гражданственности» историческое развитие, по представлению Базили, происходит в рамках феодального, а затем муниципального «устройства», для которого в общем характерны черты буржуазного строя.

Происхождение феодализма в Сирии Базили связывает с арабским завоеванием:« Арабское завоевание ввело в Сирию то феодальное устройство, которое и поныне существует» [72]. Здесь Базили заимствует историческую схему происхождения западноевропейского феодализма у французских историков эпохи реставрации (Гизо и Тьерри).

Смена феодального строя «муниципальным» происходит, как полагал Базили, в силу «законов естественного развития граж-

---

[69] Термин «гражданственность» соответствовал французскому la civilisation (цивилизация). Известно, что историей цивилизации в Европе занимался Гизо.

[70] Неопределенность терминологии, при помощи которой Базили определяет внутреннюю организацию общества, находящегося на стадии дикости, была присуща историческим работам того времени, в частности трудам русских кавказоведов. Родо-племенную организацию русские кавказоведы характеризовали как демократический строй, выделение сильной племенной верхушки давало «основание» называть строй аристократическим и т. п. Базили писал о бедуинских племенах: «Дедовские обычаи служат законами; а в патриархальном правлении племен сливаются воедино права монархические, аристократические и демократические» («*Сирия и Палестина..*», ч. II, стр. 128).

[71] Базили сообщает: «Нет понятия о поземельной собственности, этой основы гражданского быта» («*Сирия и Палестина*», ч. II, стр. 127).

[72] К. Базили, *Сирия и Палестина...*, ч. I, стр. 2.

данских обществ» и сопровождается «потрясениями, которым подвергаются обыкновенно народы, вскормленные феодальным началом»[73]. Эти идеи являются едва ли не самой сильной стороной исторической концепции Базили.

Важной чертой взглядов Базили было представление о том, что историческое развитие есть всемирно-исторический процесс. Он полагал, что направление развития Ливана характерно для «многих восточных обществ». Очень интересны его высказывания об общности развития Сирии, Закавказья и Западной Европы: «Лучшая школа для пояснения темной и загадочной истории среднего века Европы есть, по моему мнению, Закавказский край и Сирия. Много исторических предрассудков о средних веках будут разрушены до основания, если при исследовании событий Западного мира от IX до XVI века будем иметь в виду современный нам общественный и частный быт племен Закавказья и Сирии. Каждое племя порознь может, по нынешней степени своего гражданского развития, служить отражением известной эпохи этого великого периода, в котором кроется начало новейшего западного общества»[74]. Базили видел «общность» развития не только политической жизни, но в «домашнем быту» и «семейных преданиях».

Однако во взглядах на историческое развитие, как на единый закономерный процесс, Базили был непоследователен: Россию и славянские народы он изолировал от развития европейских стран. Это отступление вызывалось политическими соображениями, стремлением доказать, что в силу особых черт своего развития Россия и славянские народы не могут быть подвержены тем социальным потрясениям, которые пережили и переживают неславянские страны. Здесь Базили целиком следовал за Погодиным[75]. Он писал: «...обнаруживается существенная разность политического развития славянских племен от всей остальной Европы. В самом деле феодальное право совершенно чуждо всем славянским племенам и лишь насильственно и ненадолго могло водворяться по временам у некоторых из них, как, например, в Польше. Никто не станет в русской истории смешивать княжеских уделов от Ярослава до Иоанна III, или водворившееся впоследствии крепостное право с феодальным устройством Западной Европы. Право общинное или муниципальное, которого коренное начало, хотя и искаженное с одной стороны введением рабства, с другой — непомерною адми-

[73] К. Базили, *Сирия и Палестина...*, ч. II, стр. 107.

[74] Там же.

[75] Эти взгляды, выдержанные в духе официальной «народности» и монархизма, Базили изложил в примечании, которое написал, по-видимому, накануне издания книги в 1861 г.

нистративною централизациею, сохранилось однакож в законодательстве нашем от волостного правления до дворянских выборов, пребывая в совершенной гармонии с народным чувством правительственного единодержавия. Начало это служит драгоценным достоянием всех славянских племен от Адриатики до Волги, от Балтики до Балканов, обеспечивая их в грядущем от тех потрясений, которым подвергаются обыкновенно народы, вскормленные феодальным правом» [76].

Базили разделял еще одно важнейшее положение передовой буржуазной исторической науки первой половины XIX в. о том, что субъектом исторического развития является народ. В своей книге он отводит народу активную роль; Базили не боится объяснить успехи эмира Фахра эд-Дина и шейха Дагера ибн-Омара в борьбе против турецкого правительства поддержкой народа, и в свою очередь одну из причин их поражения он видит в последующем недовольстве народа их политикой. Так, например, он считает заслугой народа, но не турецких войск и англо-австрийского флота изгнание войск Мухаммеда Али из Сирии.

Из этого понимания значения народных масс в истории вытекает взгляд Базили на роль личности в историческом процессе. Здесь в его воззрениях проступают контуры концепции, согласно которой деятельность личности оценивается с точки зрения ее исторической целесообразности. Так, Базили высоко оценивал деятельность султана Махмуда потому, что, по его мнению, Махмуд руководствовался в своих действиях требованиями эпохи. «Махмуд, уже испытанный в борьбе с собственным племенем, с греками и с сербами, стал лучше понимать значение эпохи и приданное внутренними и внешними обстоятельствами новое направление судьбам Оттоманской империи» [77]. Еще яснее высказывался Базили по этому вопросу при оценке деятельности Шекиба-эфенди: «Он не встретил больших препятствий ни в народных массах, ни в дворянстве, потому что предпринятое им преобразование было своевременно и соответствовало существенной потребности» [78].

Для русской исторической мысли 40—50-х годов XIX в. характерна переоценка роли государства в историческом процессе. Базили далек от этих воззрений. Государство в истории, по его представлению, не является самодовлеющей силой, как полагал, например, Соловьев. В центре внимания Базили стоит развитие общества, государственные формы которого он считал

---

76 К. Базили, *Сирия и Палестина..*, ч. II, стр. 107.
77 Там же, стр. 18.
78 Там же, стр. 108.

явлением производным. Базили допускал мысль о том, что общественные интересы могут вступать в противоречие с государственными и что тогда развитие общества происходит «вопреки умыслов власти»; в целом же в понимании государства он являлся буржуазным идеалистом.

В вопросе о том, что является движущей силой исторического развития, Базили остается на идеалистических позициях. В его представлении миром движут идеи. Так, он полагал, что причиной событий 1840-х годов в Ливане была «моральная революция», т. е. сдвиги, совершившиеся в сознании населения. Большую роль играют у него просветительные идеи: «Луч науки, истекший некогда с Востока на Запад и ныне отражаемый Западом на Восток, силен направить гражданское развитие обновляющегося Востока» [79], — писал он. Эти идеи у него эклектически соединялись с признанием влияния географического фактора. «Ни одна страна, может быть, не представляет столько разительных противоположностей, проистекающих от физического ее образования и отражающихся в гражданском и нравственном быту ея жителей» [80]. Он пытался связать происхождение феодализма в Сирии с ее географическими условиями, когда писал: «...феодальное образование сирийских племен было не случайным последствием завоевания или анархии, но, можно сказать, коренным законом физического образования края и духа его жителей» [81]. Однако при этом он впадал в противоречие с собственным положением о рождении и развитии феодализма. Так в общих чертах представляются общеисторические взгляды Базили.

Несколько слов об источниках, которыми пользовался Базили. Основными материалами для написания первых разделов книги явились арабские хроники и предания. Он использовал хроники Бустроса и Шахабов. Помимо этого Базили собирал устные свидетельства участников событий. Наконец, с 1839 по 1848 гг. он сам был наблюдательным и зорким свидетелем событий. Его связи с греками Сирии и Ливана, чему он был обязан своим происхождением, облегчили ему работу. В различных частях Сирии, Ливана и Палестины были у Базили информаторы, преимущественно греки, которые ставили его в известность о всех событиях.

---

79 К. Базили, *Сирия и Палестина...*, ч. I, стр. 82.

80 Как мы видим, Базили не создает оригинальных общеисторических концепций, он заимствует те философско-исторические представления, которые были распространены в буржуазной исторической науке того времени, причем делает это не всегда последовательно, временами эклектически сочетая различные исторические направления.

81 К. Базили, *Сирия и Палестина...*, ч. I, стр. 223—224.

Базили был знаком с сочинениями древних авторов — Страбона, Полибия, Флавия; он хорошо знал западноевропейскую литературу о Сирии. В предисловии к книге он сделал краткий, но содержательный обзор этой литературы.

Таким образом, труд Базили представляет собой своеобразный синтез арабской исторической традиции (в той части, где он заимствует материал из арабских хроник) и западноевропейской и русской передовой общественно-политической мысли. Этот труд явился первым в мировой арабистике сочинением по новой истории Сирии, написанным с прогрессивных для того времени позиций буржуазной исторической науки и до сих пор не утратившим своей научной ценности.

А. Г. ПЕРИХАНЯН

КАРЛ ГЕРМАНОВИЧ ЗАЛЕМАН

Карл Германович Залеман принадлежал к числу тех ученых-ориенталистов последней четверти XIX и начала XX в., которые завоевали для русского востоковедения одно из почетных мест в истории изучения Востока. Заслуги Карла Германовича не ограничиваются написанием ряда блестящих научных исследований и подготовкой нового поколения ориенталистов. Очень много энергии и времени было им затрачено на организаторскую работу: уже один факт двадцатишестилетнего пребывания на посту директора Азиатского музея и почти столь же длительного исполнения должности директора II отделения Библиотеки Российской Академии наук говорит об этом.

К. Г. Залеман[1] родился 29 декабря 1849 г. в г. Ревеле (Таллин) в немецкой дворянской семье, переселившейся из Померании еще в XVII в.[2]. В десятилетнем возрасте Залеман поступил в ревельскую школу, Ritter-und Domschule, которую окончил в 1867 г. В этой же школе, только классом старше, учился В. Р. Розен, с которым Залемана связала тесная дружба, продолжавшаяся в течение всей жизни. Еще в школьные годы Залеман проявлял лингвистические наклонности; он изучал наряду с преподававшимися в школе латынью и древнегре-

---

[1] Биобиблиографические сведения о К. Г. Залемане имеются в следующих изданиях: «Материалы для биографического словаря действительных членов Имп. Академии наук», ч. I, Пг., 1915, стр. 293—298; «Биографический словарь профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета за 1868—1894 гг.», т. I, СПб., 1896. Некрологи, написанные С. Ф. Ольденбургом («Известия ИАН», 1917, стр. 281—286) и В. В. Бартольдом (ЗВОРАО, т. 24, 1917, стр. 237—258), по существу являются обстоятельными очерками жизненного и творческого пути Залемана. Для данного очерка мною был использован архив Залемана (Архив Академии наук СССР, фонд 87; архивный фонд Залемана разобран С. А. Шахматовой-Каплан, и ею же составлена опись). Пользуюсь случаем выразить искреннюю признательность сотрудникам Архива АН СССР, особенно М. В. Крутиковой, за содействие моей работе.

[2] См.: M. Hilweg, *Nachrichten über die Familie Salemann in Pommern und Estland und ihr verwandte Familien,* Riga, 1911.

ческим языком санскрит и авестийский. Тогда же он выработал своеобразную систему орфографии, близкую к гриммовской, которой придерживался во всех написанных им по-немецки работах, за исключением изданных в Германии.

В 1867 г. Залеман поступил на арабско-персидско-турецко-татарский разряд факультета восточных языков Петербургского университета, где постановка преподавания востоковедных дисциплин в те годы оставляла желать лучшего. Деканом факультета и профессором кафедры персидской словесности был А. К. Казем-бек, выдвигавший на первый план задачи чисто практического усвоения языка и не придававший большого значения научно-филологической подготовке[3]. Многие важные для восточного факультета предметы не читались. Так, до утверждения нового устава в августе 1884 г. курс истории народов Востока возлагался на одного профессора, а так как такого универсального специалиста найти, разумеется, было невозможно, то курс фактически не читался[4]. Преподавание восточных языков велось преимущественно лицами восточного происхождения, обладавшими практическим знанием языка, но не имевшими филологической подготовки и подчас весьма слабо знавшими русский язык. Когда Залеман был студентом, лектором персидского языка был Мирза Шафи, прекрасный знаток языка и новоперсидской литературы, однако не имевший соответствующей научной подготовки[5].

Залеман был слушателем и санскритско-персидского разряда, на котором в то время читал лекции проф. К. А. Коссович. В 1870 г. в число предметов этого разряда был включен древнеармянский язык, и Залеман стал заниматься у проф. К. П. Патканова. В тот же период у него завязались дружественные отношения с иранистом П. И. Лерхом, работавшим библиотекарем в университете. Под непосредственным руководством Лерха Залеман начал заниматься иранской диалектологией, той областью, в которой русская иранистика XIX в. занимала ведущее положение. Из иранских языков Залемана в это время особенно интересовал осетинский[6].

---

3 См.: В. В. Бартольд, *Обзор деятельности факультета Восточных языков. 1855—1905* («Материалы для истории факультета Восточных языков», т. IV, СПб., 1909, стр. 148—149).

4 Структура факультета и постановка преподавания подробно освещены в упомянутой книге Бартольда.

5 Залеман в студенческих письмах к В. Р. Розену сообщает немало курьезов из педагогической практики Мирзы Шафи, который, например, утверждал, что «пехлеви — это курдский язык» (Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 172).

6 Среди бумаг Залемана того периода имеются словарные материалы (в 12 тетрадях, на 1034 листах) по тагаурскому (правильнее, восточно-

Когда весной 1871 г. Залеман окончил университет по двум разрядам, арабско-персидско-турецко-татарскому и санскритско-персидскому, им было подано прошение о назначении ему кандидатской стипендии. В качестве кандидатской диссертации Залеман представил работу «О составе флексии глаголов осетинского языка» [7], получившую похвальные отзывы Патканова и Коссовича. Переработанная первая ее часть была опубликована в 1874 г. [8] и получила высокую оценку Г. Хюбшмана, настаивавшего на издании и второй части, что так и не было осуществлено [9]. Хотя Залеман в дальнейшем отошел от осетинских штудий, интерес к этому языку у него не исчезал [10], а приобретенное в молодости основательное знакомство с осетинским оказалось весьма полезным при работе над восточно-иранскими языками, в частности ягнобским, и, по открытии турфанских текстов — согдийским.

Весной 1873 г. Залеман сдал магистерский экзамен, а 15 апреля 1875 г. защитил магистерскую диссертацию. Хотя его магистерская работа «Четверостишия Хакани» [11] и была посвящена творчеству одного поэта, диссертант во вступительном слове [12] при защите подчеркивал необходимость изучения «развития литературы и господствующих в ней идей в противовес распространенному увлечению отдельными, отрывочно-выбираемыми авторами» [13]. Залеман отметил важность изучения персидской поэзии с точки зрения языка, «так как в ней меньше

осетинскому) диалекту (см. «Glossarium Tagauricum», 1870 — Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 231), использование которого было одним из основных достоинств его кандидатской диссертации об осетинском глаголе. Там же (ф. 87, оп. 1, № 232) находится рукопись «Verzeichnis ossetischer Verba mit ihren Präfixen nach den Präsensstammaustauten geordnet von C. Salemann» (75 стр.), датированная осенью 1870 г., и ряд других материалов.

[7] Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 233.

[8] C. Salemann, *Versuch über die Conjugation im Ossetischen* (BVSf, Bd. VIII, Abt. I, 1874, S. 48—80).

[9] См. письмо Хюбшмана из Страсбурга от 23 декабря 1879 г. (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 130).

[10] Ср. его рецензию на книгу Вс. Миллера «Осетинские этюды», (т. I—II, М., 1881—1882), напечатанную в LOPh (I, 1883, S. 138—146), и образец текста на юго-осетинском диалекте с приложением перевода на немецкий язык, опубликованный в статье «Das Asiatische Museum im Jahre 1890» («Mél. asiat.», vol. X, 1, 1891, p. 283—286).

[11] «Четверостишия Хакани. Издал и перевел К. Залеман. Диссертация на степень магистра персидской словесности, представленная факультету Восточных языков», СПб., 1875.

[12] Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 111.

[13] Там же, стр. 7—8. — Во «Вступительном слове» (стр. 9—10) нашла выражение также нетерпимость Залемана к модернизации и антиисторизму, начинавшим входить в моду в XIX в. Он высказывается против «отыскивания в древности или в новейшей литературе шатких параллелей».

6 Заказ 1441

чем в других видах словесности сказалось влияние арабской культуры и языка и больше сохранилось чисто иранского, обстоятельство, признанное самими персами: авторы ферхенгов редко приводят цитаты из прозаиков и для раскрытия значения слова ссылаются большей частью на стихи известных поэтов». Одной из основных задач иранской филологии Залеман считал, «издание главнейших писателей, комментариев, вместе с подробным указанием слов и т. п.». Именно поэтому он взялся за издание четверостиший Хакани по трем рукописям «Дивана», хранившимся в петербургских библиотеках. С четвертой рукописью, из собрания графа Симонича, Залеман ознакомился слишком поздно, уже после напечатания диссертации [14]. Литографированное критическое издание «Четверостиший Хакани» по этим трем рукописям вместе с указателем слов и отрывками из тазкирэ с биографическими сведениями о Хакани было приложено Залеманом к диссертации, куда вошел также построчный перевод «Четверостиший» на русский язык.

После успешной защиты диссертации в августе 1875 г. Залеман, по совету Лерха [15], поступил помощником библиотекаря в университет, а через четыре года стал библиотекарем.

Осенью того же года Залеман прочел в университете три пробные лекции, а с января 1876 г. на санскритско-персидском разряде вел два курса (по Авесте и пехлеви), которые им читались до конца жизни [16]. За долгий период своей преподавательской деятельности Залеман подготовил целую плеяду иранистов. Его учениками были: Ф. А. Розенберг, А. А. Ромаскевич, Л. Ф. Богданов, М. С. Андреев, В. А. Иванов, И. И. Зарубин, А. А. Фрейман и др.

Уже в первой лекции «О причинах разнообразия в чтении и транскрипции пехлевийской азбуки» [17], им были высказаны мнения о среднеперсидском языке, получившие развитие в последующих его работах. В частности, отметив неправильность употребления терминов «зенд», «пехлеви», «узваришн», «пазенд» для обозначения языков, Залеман подчеркивал идеографическое значение семитического элемента пехлевийских текстов, которые должны читаться целиком по-ирански. К числу достоинств этой лекции следует отнести также обстоятельную критику работ М. Хаута, Э. Веста и их последователей.

---

[14] Там же, стр. 8.

[15] См. письмо Лерха из Петербурга в Ревель от 8 августа 1875 г. (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 223).

[16] См.: «Обзор преподавания по факультету Восточных языков с 1900—1917 г.», Пг., 1917.

[17] Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 16.

В августе 1876 г. в Петербурге состоялся III международный конгресс ориенталистов, на котором Залеман выступил с докладом о парсийской рукописи Публичной библиотеки (из собрания Долгорукого). В расширенном виде доклад был издан в «Трудах» конгресса [18]. Приобретенная князем Долгоруким в бытность его послом в Тегеране зороастрийская рукопись содержит тексты различного характера, в том числе два пехлевийских глоссария. Первый из них представляет вариант «Пехлеви-пазендского словаря», изданного в 1870 г. дастуром Х. Дж. Асой под редакцией и с введением М. Хауга [19]. По определению Залемана [20], польза публикации данного варианта фраханга состоит в том, что, во-первых, в ряде случаев он дает лучшее толкование слов; во-вторых, в нем содержатся слова и формы, отсутствующие в изданном фраханге; и, в-третьих, представляет точную публикацию глоссария, с указанием строк и порядка, с добавлением на полях важнейших расхождений или вариаций изданного фраханга.

Второй глоссарий не менее интересен. Слова в нем расположены в алфавитном порядке, тогда как в первом они сгруппированы по понятиям и частям речи [21].

Из других текстов этой рукописи можно указать еще Ормазд яшт. На стр. 30—50 своей публикации Залеман дал авестийский текст рукописи Долгорукого, транскрипцию, пехлевийский перевод этого яшта по неизданной еще бомбейской литографии вместе с пазендской парафразой его, имеющейся в данной рукописи. В главе, посвященной палеографическому анализу [22], Залеман решительно высказывается за происхождение авестийского письма из книжного пехлеви, показывая на примерах, что ряд авестийских букв восходит к пехлевийским лигатурам, другие же представляют графические вариации пехлевийских знаков. Он выступает против принятой в то время точки зрения Леви [23], считавшего, что книжное пехлеви и аве-

---

[18] C. Salemann, *Über eine Parsenhandschrift der K. Öffentlichen Bibliothek zu St. Petersburg* («Travaux de 3e session du Congrès international des orientalistes», vol II, Leiden, 1878, p. 3—101 (далее —C. Salemann, *Parsenhandschrift...*).

[19] H. J. Asa, M. Haug, *An old Pahlavi — Pazand glossary,* Bombay — London, 1870.

[20] C. Salemann, *Parsenhandschrift...,* S. 66.

[21] О подобном расположении слов в пехлевийских фрахангах см.: E. Ebeling, *Das aramäisch-mittelpersische Glossar Frahang-i pahlavīk im Lichte der assyriologischen Forschung* (MAOG, Bd. XIV, 1, 1941).

[22] C. Salemann, *Parsenhandschrift...,* p. 13—29.

[23] M. A. Levy, *Beiträge zur aramäischen Münzkunde Erans und zur Kunde der älteren Pehlewi — Schrift* (ZDMG, Bd. XXI, 1867, S. 421—465).

стийское письмо произошли независимо одно от другого из сасанидского эпиграфического письма. Точка зрения Залемана на происхождение авестийского письма из курсивного пехлеви VI в. в последнее время признается более близкой к истине и всецело принимается Бэйли и Хеннингом [24]. Не потерял своего значения в наши дни и вывод Залемана о создании авестийского письма и дошедшей до нас зороастрийской литературы в Юго-Западном Иране, в Йезде [25].

«Parsenhandschrift» положила начало научной известности Залемана. Э. Захау в письме к нему высказывал пожелание, чтобы все парсийские рукописи Европы были изданы с такой же основательностью.

В. Гейгер, ознакомившись с работой Залемана, написал ему о своем полном согласии с высказанными в ней интересными положениями. Восторженно встретили ее Т. Нельдеке и Г. Хюбшман [26].

В 1876—1878 гг. Залеман участвовал в составлении библиографического приложения «Wissenschaftliche Jahresbericht über die morgenländischen Studien», издававшегося Куном и Социном [27], печатал мелкие заметки в «Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft» [28] и написал «Очерки истории древнеперсидской или иранской литературы» для «Всеобщей истории литературы» под редакцией В. Ф. Корша [29], в которые вошли также приводимые для иллюстрации переводы отрывков из Авесты и «Арта-Вираф-намак».

---

[24] H. W. Bailey, *Zoroastrian Problems in the Ninth Century Books*, Oxford, 1943, p. 191; W. B. Henning, *Mitteliranisch* (*«Handbuch der Orientalistik»*, Bd. IV, 1, Leiden—Köln, 1958, S. 52).

[25] W. B. Henning, *Two Manichean Magical Texts with an Excursus on the Parthion Ending-ēndēh*(BSOAS, 1947, p. 39—66).—Противоположную точку зрения (о северном происхождении, Рей, Хорасан) см.: H. S. Nyberg, *Contribution à l'histoire de la flexion verbale en iranien* («Le Monde oriental», XXXI, 1937, p. 83).

[26] Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 94, 130, 155.

[27] Ему принадлежат разделы: «Central-Asien — Iran, Armenien und Kaukasusländer».

[28] C. Salemann, *Briefliches über eine Schale mit Pehlewi—Inschrift* (ZDMG, Bd XXXI, 1877, S. 541—542); C. Salemann, *Über eine pehlevisch-arabische Münze* (ZDMG, Bd. XXX, 1876, S. 511). О второй статье Т. Нельдеке в своем письме от 2 (14) марта 1886 г., адресованном Историко-филологическому отделению Академии наук, отзывается следующим образом: «Eine Kleinigkeit wie die in ZDMG, XXX, 511, ist mehr wert als ganze Abhandlungen anderer Gelehrten». Приводится в «Представлении К. Г. Залемана в адъюнкты Имп. Академии наук» («Протоколы Историко-филологического отделения», 1 апреля 1886 г.).

[29] В. Ф. Корш, *Всеобщая история литературы*, т. I, 1, СПб., 1880, стр. 157—190.

Вторая работа Залемана по среднеперсидскому языку «Mittelpersische Studien, I» вышла в 1887 г. Непосредственным поводом для ее написания послужил выход в свет в 1885 г. «Пехлевийских текстов» под редакцией дастура Пешотана Санджаны [30]. Эта небольшая по объему работа Залемана весьма значительна по содержанию, поскольку в ней впервые ставится вопрос о научной транскрипции среднеперсидских текстов.

Уже сразу после того, как стало известно сообщение Ибн-Мукаффы об «узваришне», сохранившееся в «Фихристе» Ибн-ан-Надима, некоторые иранисты (Вестергорд, Ольсхаузен, Нельдеке, Дарместетер) пришли к мысли, что пехлевийские тексты написаны на языке чисто иранском, а неиранский, семитический компонент их следует признать за идеограммы. Однако в области транскрипции пехлевийских текстов продолжала царить полная неразбериха. Старые, созданные парсийской традицией системы фонетической транскрипции «пазенд» и «парси» давно уже были оставлены самими парсами, к тому же они были весьма несовершенны, в большой степени проникнуты новоперсидскими формами и т. п. Возникшее же в среде парсов новое чтение текстов и основанная на нем транскрипция Хауга и Веста были уже и вовсе плохи: арамейские идеограммы не раскрывались, а читались и транскрибировались совершенно произвольно, причем многозначность пехлевийского письма открывала для такого произвола весьма широкие возможности, часто даже иранский элемент текста принимался за гетерограмму и транскрибировался самым фантастическим образом. Передача среднеперсидских слов и в тех случаях, когда они читались по-ирански, оставляла желать много лучшего. Нечего говорить уже о том, что транскрипция Хауга и Веста создавала совершенно искаженное представление о языке памятников пехлевийской письменности, поскольку семитический элемент, поданный к тому же в кривом зеркале, смешивался в нем с иранским без какой-либо органической связи и картина цельного языка, естественно, нарушалась.

Как уже отмечалось, необходимость создания научной транскрипции ощущалась многими виднейшими специалистами по иранской филологии, но до Залемана никто не решался выступить в роли реформатора. Показательно, что ученые, не же-

---

[30] P. Sanjana, *Pahlavi Texts. Ganjeshayagan, Andarze Atrepat Maraspandan. Madigane Chatrang and Andarze Khusroe Kavatan. The original Pahlavi text; the same transliterated in Zend character and translated into the Gujarati and English languages; a commentary and glossary of select words,* Bombay, 1885.

лавшие пользоваться системой Хауга — Веста, ограничивались переводами пехлевийского текста на европейский язык, затрудняясь дать свою транскрипцию (например, Нельдеке издал свой известный перевод сасанидского романа «Kārnāmak i Artāxšēr i Pāpakān», не прилагая среднеперсидского текста).

В качестве непременного условия научной транскрипции Залеман выдвинул раскрытие идеограмм иранскими эквивалентами. Фонетическая транскрипция должна отражать наличие двух основных ступеней в развитии среднеперсидской фонетики — «аршакидской» и «сасанидской», с характерными для последней звуковыми переходами (озвончением глухих взрывных). Слова, зафиксированные в пехлевийской письменности в историческом написании, как, например, или Залеман предлагал передавать в произношении, соответствующем тому времени — šahr, Mihr и т. д. Наряду с изложением общих принципов научной транскрипции, Залеман предложил систему транскрипционных знаков и их соответствий в звуковом составе среднеперсидского языка. В качестве приложения он дал транскрипцию и перевод (с комментарием) двух пехлевийских памятников: «Mātikān i čatrang» и «Andarz i Anōšakruvān Xusrav i Kavātān». Реконструируемая Залеманом фонетическая транскрипция среднеперсидских текстов фиксирует сасанидский период развития среднеперсидского языка. Выдвинутые им общие принципы сохраняют свое значение и по сей день.

Вслед за «Mittelpersische Studien, I» должны были последовать упомянутые уже в первой статье «Mittelpersische Studien, II», которые так и не были закончены [31].

«Mittelpersische Studien, I» были благожелательно встречены почти всеми иранистами (кроме Веста) [32] и утвердили за Залеманом славу лучшего знатока пехлеви. Когда возникла идея создания «Grundriss der iranischen Philologie», то именно ему было предложено написать очерк грамматики среднеперсидского языка. Очерк этот, «Mittelpersisch», представленный с большим опозданием (задержав выпуск первого тома «Grundriss»'а на

---

[31] В архиве Залемана имеется стенографическая черновая запись статьи «Mittelpersische Studien, II» (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 6). Статья эта была задумана в связи с выходом работы П. де Лагарда об авестийском письме [P. de Lagarde, *Bemerkungen zur Awestaschrift* (GGN, 1886 № 4, S. 158—168)].

[32] См.: Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 67 (письмо Веста), 95, 130, 281 и др.

пять лет)[33], явился серьезным вкладом в иранистику. По сути дела это — первое научное, систематическое изложение среднеперсидской грамматики, которой пользуются и сейчас, хотя она и составлена без учета турфанского материала[34], появившегося позднее. Сам Залеман старался всегда вносить исправления и дополнения в свою работу, когда ему удавалось установить или узнать какие-то новые факты. Примером такого отношения может послужить поправка к одному из параграфов его очерка в «Grundriss»'е, сделанная еще до выхода тома в свет, так как Залеман, работавший в то время над еврейско-персидскими текстами («Иезекииль»), нашел там формы, проливающие свет на среднеперсидский пассив[35].

Участие Залемана в «Grundriss»'е не ограничилось написанием очерка «Mittelpersisch». Отказавшись от предложения В. Гейгера дать для «Grundriss»'а краткий очерк о памирских диалектах, Залеман охотно предоставил в его распоряжение не только необходимые издания, но и свои рукописные материалы по шугнанскому и ягнобскому языкам. Известную помощь оказал Залеман и в выработке системы транскрипции в «Grundriss»'е[36].

Залеман, совместно с В. А. Жуковским, принял также участие в серии «Porta linguarum orientalium», для которой ими была составлена «Персидская грамматика»[37].

---

[33] Очерк «Mittelpersisch» был сдан Залеманом только в 1901 г., — тогда как все остальные части тома были отпечатаны уже в 1896 г. [«Gr. d. ir. Phil.», I, S. 247; см. также обширную пятилетнюю переписку с Залеманом В. Гейгера (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 94)]. — В архиве Залемана хранится сделанный в 1903 г. его учеником Л. Богдановым полный перевод «Mittelpersisch» на русский язык (там же, ф. 87, оп. 1, № 25).

[34] Обобщающая работа по турфанскому среднеперсидскому глаголу была издана В. Б. Хеннингом. В ней на стр 159 автор пишет: «Особенно много я почерпнул из грамматических работ Залемана, в расположении материала я систематически следую за ним». Недавно Хеннингом же был опубликован (см. прим. 24) очерк среднеиранских языков, который подводит итог всему новому в области изучения этих языков за истекшие пятьдесят лет, представляя тем самым долгожданное и необходимое дополнение к работе Залемана (W. B. Henning, *Das Verbum des Mittelpersischen der Turfanfragmente,* ZII, Bd IX, 1933).

[35] C. Salemann. *Zum mittelpersischen Passiv* («Известия ИАН», т. XIII, 1900, стр. 267—276).

[36] Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 94.

[37] C. Salemann und V. Shukovski, *Persische Grammatik mit Litteratur, Chrestomathie und Glossar,* Berlin, 1889 («Porta linguarum orientalium», XII). В 1947 г. «Персидская грамматика» была переиздана без каких-либо изменений. В русском издании она несколько переработана, но отсутствуют хрестоматия и глоссарий (см.: К. Г. Залеман, В. А. Жуковский, *Краткая грамматика новоперсидского языка с приложением метрики и библиографии,* СПб., 1890).

После «Mittelpersische Studien, I» Залеман, как известно, ничего не издавал из среднеперсидских текстов на пехлевийской письменности, и может создаться впечатление, что он целиком отошел от темы, разработка которой создала ему первый большой научный успех. Однако это не совсем так. Видимо, еще со времени выхода в свет «Parsenhandschrift» Залеман лелеял мысль об опубликовании «Библиографического обзора парсийских рукописей, хранящихся в Европе»[38]. С этой целью им был выписан в 1880 г. ряд рукописей копенгагенского собрания в Петербург, в университетскую библиотеку. Но для создания такого труда необходимо было на месте ознакомиться с важнейшими собраниями — мюнхенским, выросшим на базе коллекции Хауга, копенгагенским (коллекции Раска и Вестергорда) и парижским (коллекция Анкетиля). Первая командировка Залемана за границу (Галле) была в 1887 г. Летом 1889 г. он совершил поездку в Копенгаген, где тщательно сличил рукописный каталог с опубликованными Вестергордом, Вестом и другими описаниями копенгагенских рукописей[39], а с наиболее интересных из них сделал копии и колляции[40]. Последнее делалось уже не для описания, а для издания их в транскрипции и переводе, подобно двум ранее изданным пехлевийским памятникам.

В 1895 г. такая же работа была проделана Залеманом в Мюнхене. В его архиве имеется транскрипция среднеперсидского текста Artāy-Vīrāf Nāmak, датированная ноябрем 1895 г.[41]. На полях транскрипции (текст неполный, не достает одного листка) — пометки. К транскрипции приложен лист с надписью «Zum Arḑāi Vīrāb Nāmak», с выписанными отдельными словами и комментарием к ним (сравнения с армянскими заимствованиями, с новоперсидскими формами и т. п.); тут же имеется тетрадка выписанных слов по словарю Веста. Видимо, это один из текстов, которые Залеман собирался издать в серии «Mittelpersische Studien»[42].

---

[38] «Записки ИАН», 1899, стр. 92.

[39] См.: К. Г. Залеман, *О результатах поездки, совершенной летом 1889 г. в Копенгаген* («Записки ИАН», 1890, стр. 91—95).

[40] Копенгагенские рукописи № 7, 20, 20в, 21, 24, 29, 35, 41 и 43.

[41] Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 41.

[42] Среди текстов, скопированных Залеманом по копенгагенским рукописям, назван, например, «Zāt-spram», очевидно также намечавшийся к изданию. Залеман обработал текст этого сочинения, имеющийся в рукописи Азиатского музея, о чем свидетельствуют многочисленные словарные ссылки на петербургский текст в форме Zsp, III (рукопись Азиатского музея содержит третью часть) в подготовлявшемся им «Пехлевийском словаре». В этом же словаре в списке принятых сокращений ссылок под обозначе-

«Библиографический обзор парсийских рукописей, хранящихся в Европе» не был издан, но Залеман к нему вернулся после некоторого перерыва. В его архиве хранится рукопись, датированная 17/30 марта 1908 г. под названием «Catalogus librorum et tractatuum Pehlevicorum»[43]. В ней насчитывается 150 наименований пехлевийских сочинений с указанием их изданий, а также номеров их рукописных списков в различных библиотеках. Это уже нечто весьма близкое замыслу ученого.

В последний период своей жизни Залеман работал над составлением пехлевийского словаря, охватывающего все известные в его время тексты на пехлевийской письменности[44]. Словарь остался незаконченным: большая часть отраженных в нем слов не получила даже транскрипции, не говоря о переводе. Однако все слова имеют указания на контексты с точной ссылкой на них, а также указания на исследования, в которых эти слова рассматривались; имеется немало слов, снабженных подробным комментарием и этимологиями. Переводы слов часто даются по-английски, очевидно в тех случаях, когда заимствованы из английских изданий Хауга или Веста; собственный же перевод слов дается Залеманом по-немецки. По очень приблизительным подсчетам, этот словарь или, точнее, индекс охватывает около 20 тыс. слов.

В 80-х годах Залеман приступил к изучению иранских языков Средней Азии — ягнобского и шугнанского. В 1870 г. участник Искандеркульской экспедиции А. Л. Кун[45] обследовал в долине реки Ягноб, притока Зеравшана, население, говорившее на неизвестном дотоле иранском говоре. Ему помогал участвовавший в экспедиции самаркандский таджик Мирза Абдуррахман[46], который вел по поручению Куна дневник экспе-

---

нием Vsp. значится: «mein Index zum phl. Vispered»; издание среднеперсидского текста Vispered'a, по-видимому, также им предполагалось.

43 C. Salemann, *Catalogus librorum et tractatuum Pehlevicorum* (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 83/4, 151 лист).

44 «Glossarium Pehlevicum curante C. Salemanni» (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 72, 73). В трех томах: I том, 1200 стр. включает от [illegible] — [illegible], II том, 808 стр., от [illegible] — [illegible]; III том, 774 стр., от [illegible] — [illegible]. На стр. 4 v., 6 r., 7 v., и 8 r, первого тома имеется перечень сокращений, не отражающий, однако, всех, встречающихся в тексте. Рукопись датирована 1912—1913 гг.

45 См.: И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, М.—Л., 1950, стр. 190.

46 См.: Н. Д. Миклухо-Маклай, *Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения*, М.—Л., 1955, № 88, 90.

диции на таджикском языке. Записи Куна и Абдуррахмана под названием «Материалы для исследования ягнаубского языка» были переданы Лерху, который сообщил об их существовании участникам III конгресса ориенталистов в 1876 г. В 1880 г. Ш. Акимбетевым были собраны новые материалы по ягнобскому языку и опубликованы в 1881 г. в «Туркестанских ведомостях».

После смерти Лерха (1884) ягнобские материалы Куна попали в распоряжение Залемана. Когда спустя год Г. А. Арандаренко и Н. И. Веселовским были сделаны новые записи, то и они были переданы ему же для обработки. Залеман уже отпечатал эти материалы под названием «Ягнобские этюды», когда в 1887 г. он получил от выпускника факультета Восточных языков Е. Ф. Каля, занимавшего тогда административную должность в Ташкенте, телеграмму с извещением о предстоящей ему в июле—августе командировке в Ягноб и предложением своих услуг для сбора дополнительных сведений. Залеман в это время находился в научной командировке в Галле, и Е. Ф. Каль не успел своевременно получить от него нужных инструкций. Только по возвращении из Ягноба ему были переданы отпечатанные листы «Ягнобских этюдов» и письмо Залемана. Несмотря на это, работа, проделанная Калем, была весьма значительна: он составил «Ягнобский словарь», выяснил некоторые вопросы фонетики (состав согласных, ударение), собрал ряд топографических и статистических сведений, «служащих отчасти к дополнению и исправлению, отчасти к подтверждению известий прежних источников» [47].

Все свои записи Каль в мае 1888 г. послал Залеману. В результате выход в свет «Ягнобских этюдов» был задержан, так как предстояло к отпечатанным уже материалам Куна, Акимбетева, Арандаренко и Веселовского присоединить записи Каля. Кроме того, многое нуждалось в уточнении и в исправлении [48]. Залеман ждал случая поездки в Ягноб, чтобы на месте сличить все данные, особенно фонетические, полученные от Каля. Такая возможность представилась Залеману в 1897 г., когда Русское географическое общество предложило ему принять участие в экспедиции в верховья Аму-Дарьи. В мае Залеман выехал из Петербурга в Самарканд, оттуда через город Ош он должен был проехать верхом по Памирской военной до-

---

[47] См.: К. Г. Залеман, *Новые материалы по ягнобскому языку* (ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 128—129).

[48] В то время ни Залеману, ни собирателям этих материалов не было известно, что их информаторы говорили на разных говорах ягнобского языка.

роге в Рошан и Шугнан, где намеревался собрать шугнанские языковые материалы. Но поездка на Памир сорвалась из-за несчастного случая. Залеман сломал ногу и около месяца пролежал в Маргелане. Однако ему удалось и в Маргелане найти шугнанца и сделать кое-какие словарные записи и наблюдения [49]. По приезде в Ош Залеман около месяца работал с несколькими шугнанцами, со слов которых записал значительное количество текстов [50]. Он определил звуковой состав языка (обнаружил неизвестный прежним исследователям звук), собрал очень важные материалы для грамматики (например, формы женского рода у отдельных имен) и словаря [51]. В Оше же около десяти дней Залеман работал с ягнобцем по имени Шах Махмат и от него впервые узнал о наличии двух ягнобских говоров [52]. Ученый побывал также в Бухаре и возвратился в Петербург через Баку, Тифлис и Владикавказ. За время поездки по Средней Азии им было приобретено немало рукописей для Азиатского музея.

Однако «Ягнобские этюды» в свет все же не вышли. Видимо, требовательный к себе ученый не хотел их выпускать, не переработав основательно [53]. Начавшаяся же в начале XX в. публикация турфанской согдики выдвинула множество новых вопросов и фактов, которые должны были учитываться при издании ягнобского материала.

Собранный в «Ягнобских этюдах» ценный материал Залеман охотно предоставлял в распоряжение каждого, кто в нем

---

[49] Словарные шугнанские материалы, записанные Залеманом в Маргелане в пяти тетрадях — «Vocabula», I—V, 309 листов (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 214).

[50] «Записи на ягнобском, шугнанском и таджикском языках, произведенные летом 1897 г. в Самарканде и Оше» (5 тетрадей, 202 листа — Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 213).

[51] См.: К. Г. Залеман, *Отчет о поездке в Среднюю Азию в 1897 г.* («Известия ИАН», т. VIII, 1898, стр. VI—VIII). Ср. также письмо Залемана к А. А. Кунику из Оша от 13 августа 1897 г. (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 2, № 356).

[52] «Известия ИАН», т. VIII, 1898, стр. VIII.

[53] В последней редакции «Ягнобские этюды» (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 208, корректурные листы, 160 стр.) имеют следующую структуру: глава I — «Сведения о ягнаубском народе» А. Л. Куна (1870) и Ш. Акимбетева (1880); глава II — «Материалы для исследования ягнобского языка, собранные А. Л. Куном»; глава III — «Материалы, собранные Уйфальви, Ш. Акимбетевым, Г. А. Арандаренко и Н. И. Веселовским»; глава IV — «Материалы, собранные Е. Ф. Калем в 1887 г.»; глава V — «Словарь ягнобско-таджикско-русско-немецкий». Словарь в корректурных листах не окончен, доведен до буквы «к» включительно; ср. также «Ягнобские словарные материалы» (112 листов — Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 217).

нуждался. Так, в 1898 г. он передал В. Гейгеру, писавшему в то время очерки по новым иранским диалектам для «Grundriss»'а, корректурные листы «Ягнобских этюдов», а также ягнобские глагольные парадигмы, шугнанские материалы, ягнобский текст сказки «О Плохом и Хорошем» и др.[54]. Он сообщил также В. Гейгеру о своем наблюдении связи между ягнобским и осетинским, объединяя их тем самым в одну подгруппу внутри восточноиранских языков, что в ту пору было шагом вперед после сопоставления ягнобского языка с памирскими (В. Томашек)[55].

Потребность в материале «Ягнобских этюдов» стала остро ощущаться после открытия согдийских документов: для исследования согдийского языка ягнобские (новосогдийские) параллели были очень важны.

В 1907 г. Залеман послал рукопись «Ягнобских этюдов» в Геттинген Ф. Андреасу[56], а в 1912 г. в Париж — Р. Готьо[57], работавшему тогда над своим «Очерком согдийской грамматики».

Шугнанским языком Залеман начал заниматься еще задолго до экспедиции 1897 г. В области изучения этого памирского диалекта он был почти пионером; единственными шугнанскими материалами, известными тогда, были записи английского офицера Р. Шоу. В ноябре 1890 г. Русское географическое общество передало Залеману записи шугнанских слов, сделанные Д. Л. Ивановым во время Памирской экспедиции 1883 г. Записи Иванова были сырым полевым материалом, собранным не специалистом и записанным ненаучной транскрипцией. Залеман взялся за их обработку: он изменил порядок слов, используя примененный уже В. А. Жуковским метод расположения диалектных слов в виде алфавитного словаря с персидского, снабдил параллелями из Р. Шоу, Дж. Хейварда и В. Томашека, исправил транскрипцию и составил краткий очерк грамматики шугнанского языка. В 1895 г. «Словарь» был издан[58].

---

[54] См. «Gr. d. ir. Phil.», ч. I, 2, S 289, а также письмо Гейгера к Залеману из Эрлангена от 12 мая 1898 г (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 94). Материалы Залемана находились в руках Гейгера в течение трех месяцев.

[55] Близко к этому подошел уже Лерх, упоминавший (в беседе с Куном) ягнобский язык в одном ряду с хорезмийским и согдийским (см.: К. Г. Залеман, *Ягнобские этюды*).

[56] Письмо Ф. В. К. Андреаса от 12 января 1907 г. (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 9).

[57] Письмо Р. Готьо от 23 апреля и 17 мая 1912 г. (там же, № 115).

[58] К. Г Залеман, *Шугнанский словарь Д. Л. Иванова* («Восточные заметки», СПб., 1895, стр. 269—320).

В первую свою командировку в Среднюю Азию Залеман собрал богатый шугнанский материал, — текстовой и словарный, — а также уточнил на месте звуковой состав языка. Собранный материал не был им опубликован и хранится в архиве; также остались неопубликованными записи ягнобских и шугнанских текстов и слов, произведенные летом 1908 г. в Оше и Самарканде[59], во время второй командировки в Среднюю Азию, когда им были проверены также записи шугнанских слов, сделанные в 1897 г.[60].

Одними из наиболее важных работ Залемана по иранским диалектам являются его издания еврейско-персидских текстов.

В самом начале 80-х годов XIX в. стал проявляться известный интерес к еврейско-персидским переводам библейских текстов. В своей рецензии[61] на книгу П. де Лагарда «Persische Studien», во второй части которой автор приводит еврейско-персидские переводы Иеремии, Исайи и Иезекииля, Залеман подчеркнул важность для иранской филологии издания и изучения еврейско-персидских текстов, так как персидский язык их сохранил ряд архаических форм, которых уже не было в живой речи персов-современников этих памятников. В этой рецензии Залеман указывал на богатый материал русских собраний. Но первый труд Залемана по изданию еврейско-персидских текстов из русских собраний появился в печати только в 1897 г.[62], хотя работа над ним была начата осенью 1884 г.[63].

Первым выпуском задуманной серии «Judaeo-Persica» явилось упомянутое уже издание поэмы «Худайдат», составленной на еврейско-бухарской разновидности персидского языка,

---

[59] Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 216.

[60] Там же, № 220.

[61] LOPh, Bd II, 1884, S. 76—86.

[62] C. Salemann, *Judaeo-Persica nach St.Petersburger Handschriften. I. Chudaidat. Ein judisch-bucharisches Gedicht* («Записки ИАН», т. 42, 1897, № 14). — Поэма начала печататься уже в 1894 г. по прочтении на заседании Отделения 19 января 1894 г. Выход работы в свет был задержан, так как среди материалов Куна была обнаружена рукопись со стихами еврейско-бухарского поэта Ибрагима, сына Абулхейра, являвшегося, очевидно, также автором «Худайдата» (там же).

[63] В архиве Залемана имеется тетрадь (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 182, 37 стр.), озаглавленная «Glossarium Judaeo-Persicum. Petropoli, 1885». Словарь (неполный, от א до ג составлен главным образом по переводам книг пророков. Видимо к этому же периоду относятся сделанные им копии (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 2, № 189) еврейско-персидских текстов (из собрания Фирковича) Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге, за № 4607—4611. содержащих комментарии к книгам пророков.

более близкой, по мнению Залемана, не к персидскому, а к таджикскому языку. Издание выполнено с присущей Залеману тщательностью (наряду с квадратным еврейским письмом оригинала дается его подстрочная персидская транскрипция, немецкий перевод поэмы с приложением комментария, анализа метрики, указателя слов и т. п.) и получило высокую оценку [64]. В одном из примечаний Залеман дал свою расшифровку одного из древнейших еврейско-персидских памятников, дарственной грамоты IX в. со свидетельскими подписями — неудовлетворительно прочитанного Вестом [65].

Вторым выпуском этой серии должно было послужить издание стихотворений Ибрагима-бен-Абулхейра по рукописи Азиатского музея из собрания Куна [66]. В архиве Залемана имеется копия текста стихов; к ней приложены одиннадцать страниц немецкого перевода первого стиха («Zur Anrufung Gottes»), который был переведен, однако, только до 92-го полустишия [67].

В третий выпуск «Judaeo-Persica» должны были войти отрывки бытоописательных бухарско-еврейских текстов по фрагментам из собрания Куна, хранившимся в Азиатском музее [68], но работа над ним не была завершена.

---

[64] См. рецензию Т. Нельдеке (ZDMG, Bd LI, 1897, S. 548—553).

[65] JRAS, vol. IV, 1870, p. 390.

[66] Описание этой рукописи см. «Judaeo-Persica I» («Записки ИАН», 1897, стр. IV—V).

[67] На первых страницах копии текста имеются пометки, сделанные для наборщиков, — как видно, рукопись готовилась к сдаче в типографию (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 184).

[68] См.: C. Salemann, *Judaeo-Persica,* I, S. V. — Материалы этого выпуска (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 185) включают: 1) четыре странички (по-немецки) карандашом (запись частично стенографическая) чернового наброска начала «Введения», или общего очерка с описанием публикуемых рукописных отрывков (содержит только начало описания этих фрагментов); 2) текст A (Herkunft). Копия текста (27 строк подлинника) с приложением перевода на немецкий язык (в ряде мест перевода имеются пропуски) этого текста о происхождении евреев в Бухаре; 3) текст B (Gedenkfest); копия текста (16 строк подлинника), опиный немецкий перевод сохранившегося отрывка; 4) текст C (Geburt); копия текста (67 строк recto + 37 строк verso подлинника), описывающего роды и рождение ребенка и связанные с этим обряды, и перевод на немецкий язык (неполный — до 28-й строки recto); 5) текст D (Schulung); копия бытоописательного текста об обучении (31 строка подлинника), без перевода; 6) текст E (Verlobung und Hochzeit); копия текста (строк в подлиннике recto — 69, verso — 77), без перевода; 7) текст (Hochzeit); копия текста (строк в подлиннике: recto, правая половина — 34 строки, левая — 32; verso 19 строк), без перевода; 8) текст G (Tod); копия текста (строк в подлиннике: recto — 42, verso — 35), с описанием смерти и похоронных обрядов. Имеется начало перевода (1 строка).

Возможно, что для включения в эту же серию предназначался хранящийся в архиве карандашный набросок статьи[69], написанный по поводу публикации Д. Марголиусом[70] документа Bibl. Bodleianae Ms. Hebr. b. 12, fol. 24.

В 1901 г. было сверстано монументальное издание Залеманом «Малых пророков» по еврейско-персидским рукописям из собрания Фирковича за № 139, 140, 141, 142. Однако по неизвестным причинам оно не вышло в свет[71]. Та же участь постигла и публикацию рукописи № 1672 собрания Фирковича, содержащей комментарий на книгу Иезекииля[72]. Эта работа печаталась в 1901—1903 гг. под наблюдением В. Р. Розена.

Уже в упоминавшейся рецензии на «Persische Studien» де Лагарда проглядывает интерес Залемана к иранской лексикографии. Перечень всех известных в то время западным исследователям средневековых толковых словарей языка фарси с указанием на изданные каталоги, представленный в первой части книги де Лагарда, был дополнен и частично исправлен Залеманом на основании рукописных лексикографических фондов русских собраний. Тогда же у него возникла мысль подготовить обзор рукописей лексикографического содержания, имеющихся в России, тем более что многие из них не вошли в описания, изданные Б. Дорном. Просматривая все лексикографические рукописи, Залеман обнаружил среди них одну (под

---

[69] C. Salemann, *Ein j[udisch] — p[ersisches]fetwâ* (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 187). К наброску статьи приложены текст документа в чтении Марголиуса и текст документа в чтении Залемана. В статье (стр. 5—6 наброска) приводится перевод. Даты на рукописи нет, но, вероятно, она была написана в 1899 г. или в начале 1900 г.

[70] D. S. Margoliouth, *A Jewish-Persian law report* («Jewish Quart Rev.», vol. IX, 1899, p. 671—675).

[71] «Judaeo — Persica. Aus Firkowicz's Sammlung, mitgeteilt von C. Salemann, I. Die kleinen Propheten»,— 198 листов (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 190). Материалы к примечаниям — 48 листов (там же, № 191). Корректурные листы издания см. там же, № 192.

[72] «Ezechiel, I—XLIX». Чистые листы издания — 296 стр. (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 193). На стр. 289 в конце текста Иезекииля имеется приписка рукою Залемана: «Die Schlußcollation beendet. 22/I—4/II». Следовательно, вся авторская часть работы была сделана.

При подготовке этих изданий Залеман консультировался со своими коллегами-гебраистами, особенно с П. К. Коковцовым, по поводу правильности чтения того или иного сомнительного места. Так, в письме к Залеману от 15 октября 1903 г. (ф. 87, оп. 3, № 183) Коковцов подтверждает правильность чтения одного выражения (Ezech., 39, 2), которое хотя и не является переводом с еврейского оригинала, но точно передает Таргум. Коковцов считает необходимым иметь в виду, что переводчик Иезекииля, подобно Соломону-бен-Самуилу из Ургенча (автору еврейско-персидского словаря, изданного Бахером), в понимании библейского текста следовал, по-видимому, прежде всего Таргумам.

№ 477-аа коллекции Азиатского музея), представлявшую довольно поздний список, которая никем не была идентифицирована. Дорн, некогда ее просматривавший, не смог определить ее и обозначил как «старый персидский словарь». Более тщательное изучение ее и особенно наличие в ней нескольких стихов, принадлежавших Шемс-и Фахри (поскольку их цитировали поздние лексикографы), позволили Залеману установить, что рукопись является четвертой частью считавшегося до тех пор утерянным труда Шемс-и Фахри (XIV в.) под названием معیار جمالی — своеобразной энциклопедии поэтики и риторики.

В 1884—1885 гг. Залеман переписал эту рукопись и сличил ее с имевшимися в Петербурге рукописями более поздних лексикографов, у которых приводятся цитаты из Mi'jâr-i Ǐamâlî, взятые из других, не дошедших до нас списков этого труда Шемс-и Фахри. Подготовив, таким образом, критический текст рукописи, Залеман опубликовал его в Казани в 1887 г.[73]. Когда текст Mi'jâr-i Ǐamâlî был уже набран, Ольденбург обнаружил в каталогах Парижской Национальной библиотеки другую рукопись Шемс-и Фахри с полным текстом[74] ферхенга (вместе с предисловием автора к Mi'jâr-i Ǐamâlî.) Ольденбург сделал собственноручную копию с предисловия Шемс-и Фахри к Mi'jâr-i Ǐamâlî, и послал ее Залеману[75], который опубликовал ее вместе с несколькими поправками к тексту ферхенга в качестве «Приложения № 1» к своей работе, посвященной этому памятнику[76].

Эта работа, носящая скромное название «Сообщение об издании Mi'jâr-i Ǐamâlî» является ценным исследованием и вместе с тем публикацией. В ней рассматривается место Шемс-и Фахри в персидской лексикографии и показывается, как его труд был использован более поздними лексикографами: Ха-

[73] C. Salemann, *Shams i Fachrîi Ispahanensis lexicon Persicum id est libri Mi'jâr i Gamâlî pars quarta quam ad fidem codicis Petropolitani recognitam annotatione critica adhibitis ceteriorum lexicographorum testimoniis instructam indicibus locupletissimis auctam addito ejusdem ut videtur auctoris carmine Marghûb al Qulûb inscripto auspiciis Imperialis literarum universitatis Petropolitanae,* edidit... fasc. prior, textum et indices continens, Casani, 1887.

[74] «Bibl. Nat., Suppl. pers.», № 457.

[75] Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 155.

[76] C. Salemann, *Bericht über die Ausgabe des Mi'jâr-i Ǐamâlî* («Mél. asiat.», vol. IX, livr. 4, 1888, p. 417—594), Beilage I, p. 433—441.
Почти одновременно с парижской рукописью была найдена третья рукопись этого ферхенга в Королевской библиотеке в Берлине. Полную коллацию всех рукописей ферхенга вместе с поправками Залеман намеревался произвести во втором выпуске, но это не было осуществлено.

лими, Ауфи, Ниматуллой, Сурури, Инджу, Рашидом, Абдулкадиром Багдадским, Шу'ури. Залеман на основе тщательного изучения их рукописного наследства дал характеристику творческого метода каждого из этих лексикографов[77]. К работе приложена таблица, на которой графически изображено взаимоотношение ряда ферхенгов между собой.

Педантичное компилирование одним из лексикографов (Сурури) своих источников дало возможность Залеману определить в рукописи № 477 Азиатского музея известный до тех пор только по названию ферхенг نسخهٔ میرزا или رسالهٔ میرزا; описание этой рукописи составило «Приложение № 2» рассматриваемой работы.

В Mi'jâr-i Jamâlî Залеман поместил принадлежащий перу Шемс-и Фахри стихотворный трактат رسالهٔ مرغوب القلوب, потому что в нем упоминались имя поэта и дата. Венская рукопись[78], которая также была выписана им, содержит ещё несколько месневи Шемса. Эта рукопись получила подробное описание в «Приложении № 3»[79]. Тем же Сурури часто цитируется и сочинение رسالهٔ حسین وفائی; парижская рукопись Хосейна Вафа'и[80] описана в «Приложении № 4»[81] и там же приведены те отрывки из нее, в которых Вафа'и цитирует какой-нибудь свой источник, вместе с параллельными местами из других лексикографов (главным образом, Сурури), основанными на том же источнике. При сравнении это дает возможность составить представление об относительно высоком уровне использования Вафа'и своих источников. Залеман высказал предположение, что в недалеком будущем будет найден полный текст Вафа'и; этой надежде суждено было осуществиться необычайно скоро: текст «Приложения» находился в стадии печатания, когда Залеман обнаружил в каталоге персидских рукопи-

[77] В архиве Залемана хранятся, сделанные им собственноручно копии следующих ферхенгов: «Farhang-i Jehângîrî Injû» (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 145, 115 листов, 3/II—23/XII 1876 г.; вторая копия этого же ферхенга — там же, № 146); «Kitâb al-Sâmî fî-l Asâmî» al-Majdânî (там же, № 148, 23 листа, 24/IX—6/X 1884 г.); «Majma' al-Furs» Surûrî (там же, № 149, 48 листов, 1884 г.); «Tuḥfat al-ahbâb» и «Risâla-i Mîrzâ» (там же, № 151, 108+13 листов; 11/VII—23/VII 1885 г.); «Surma-ji Sulajmânî» Taķî Auḥadî (там же, № 153, 28 листов); «Risâla-i Vafâ'î» по Cod. Paris. Suppl. 1047 (там же, № 156, 11 листов, 1887 г.) и «Nisâr al-mulûk» Lutfûllâh al-Ḥ m по мюнхенской рукописи (Cod. Monac. pers. 301), сверенной с берлинской (там же, № 166, начало).

[78] Cod. Vindob. A. F. 358a.

[79] C. Salemann, *Bericht*..., S. 444—458.

[80] «Bibl. Nat., Suppl. pers.», № 1047.

[81] C. Salemann, *Bericht*..., S. 453—505.

сей Берлинской королевской библиотеки полный список ферхенга Вафа'и [82].

Наконец, последнюю часть работы составляет хронологический указатель ферхенгов («Приложение № 5»). Подобно другим работам Залемана, издание Шемс-и Фахри и «Bericht» получили высокую оценку современников [83].

В 1892 г. Залеман копирует рукопись Азиатского музея за № a473a, содержащую «Farhang-i Ibrahîmî» Ахмеда Мунейри [84], а через год приступает к подготовке издания словаря Абдулкадира Багдадского (XVII в.) к «Шах-намэ». Опубликование этого ферхенга было важно не только потому, что это единственный известный словарь подобного рода, но и потому, что в нем имеется более 1760 цитат из «Шах-намэ», многие из которых взяты из более древних списков, чем дошедшие до нас рукописи «Шах-намэ». В 1895 г. в Петербурге вышла первая часть первого тома этого издания, в которую вошел текст словаря [85] (по петербургской рукописи, — из собрания университетской библиотеки, — сличенной с венской). Вторую часть тома должен был составить комментарий Абдулкадира на персидско-турецкий словарь «Šaːḫ tuhfe-i Šâhidî», но она не была напечатана [86]. Второй том, также не изданный, предназначался под примечания и индексы [87].

Таким образом, начатая работа и на этот раз не была завершена. Однако уже самое издание «Словаря» Абдулкадира является достижением. Важность его для подготовки критического издания текста «Шах-намэ» подчеркивается в рецензии П. Хорна [88].

В начале настоящего очерка говорилось о том, что Залеман был компетентным судьей во многих филологических дисциплинах (в том числе и невостоковедных), не имеющих отношения к

---

[82] Ibid., p. 504.

[83] Таковы мнения Нельдеке (письмо от 27 июля 1888 г.; Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 281), А. Уилльямс-Джексона (там же, № 74), Бартольда (ЗВОРАО, т. 24, 1917, стр. 9) и др.

[84] Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 157.

[85] C. Salemann, *Abdulqâdiri Bagdadensis Lexicon Šâhnâmianum cui accedunt ejusdem auctoris in Lexicon Šâhidianum Commentariorum Turcici particula prima, Arabici excerpta,* Petropoli, 1895.

[86] Рукопись второй части с надписью «Представлено 1 февраля 1895 г.» хранится в архиве Залемана [ф. 87, оп. 1, № 160 (1)].

[87] См. «Предисловие» Залемана к словарю. В архиве Карла Германовича имеются «Im Lexicon Šâhnâmianum erklärte persische Wörter» (ф. 87, оп. 1, № 162; включает слова из глав I—XXVIII); «Index Turcicus in 'Abdul Qâdiri Lexicon Šâhnâmianum» (там же, № 164).

[88] P. Horn, *Salemann's Abdul Qâdiri Bagdadensis Lexicon* (ZDMG, Bd 49, 1895, S. 722—739).

его непосредственной специальности — иранистике. Несомненно, что это было обусловлено и его личными качествами, широтой его интересов и незаурядными лингвистическими способностями. Все же следует отметить, что этому также способствовал широкий профиль преподавания на факультете Восточных языков. Даже если бы Залеман ограничился прохождением курса по одному разряду, арабско-персидско-турецкому, уже и в этом случае им была бы приобретена специализация по трем совершенно различным отделам востоковедения, по языкам трех различных систем.

Из всех неиранистических дисциплин наибольшее внимание Залеманом было уделено тюркологии. Еще в 1871 г., в год окончания университета, им был составлен русско-кумыкский словарь [89].

В 70-х годах он усиленно занимался татарским языком, а в 1880 г. даже отправился в Казань в свою первую научную командировку для совершенствования в татарском языке. В то время Залеман получил предложение от Британского Библейского общества сделать перевод Евангелия на татарский язык. Он принял это предложение, и в 1882—1886 гг. в Казани был опубликован в его переводе татарский текст Евангелия от Матфея и от Марка [90]. Им был сделан также перевод Евангелия от Луки, но его печатание не было разрешено духовной цензурой. В 1889 г. Залеман опубликовал рецензию на «Тюркскую грамматику» А. Мюллера, вышедшую в серии Porta linguarum orientalium [91]. В этой рецензии он дал небольшой экскурс исторической орфографии и времени происхождения закона «аттракции гласных» в турецком языке, привлекая древнейшие из известных в то время тюркоязычных памятников: османский текст дошедшего до нас в греческой транскрипции перевода «Изложения» патриарха Геннадия Схолария, сельджукские стихи Султан-Валада, Codex Comanicus и уйгурские памятники. Вслед за этим, летом 1890 г., в процессе работы над каталогом Залеман обнаружил в рукописном фонде Азиатского музея (рукопись

[89] C. Salemann, *Kumykisches vocabularium* (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 316, стр. 228).

[90] متى يازغان مقدس انخيل (Казань, 1882; 2 изд. 1890); مرقس يازغان مقدس انجيل ' (Казань, 1886); см. также «Образцы переводов священного писания, изданных Британским и иностранным библейским обществом», Лондон, 1885(2 изд. 1893).

[91] К. Залеман (рец.), *A. Müller, H. Gies, Türkische Grammatik mit Paradigmen, Literatur, Chrestomathie und Glossar,* Berlin, 1889 (ЗВОРАО, т. III, 1889, стр. 391—394).

№ 192) «Ребаб-намэ» (Rabâbnâme) Султан-Валада[92]. Всем прежним исследователям «Ребаб-намэ» был известен только один полный список этого памятника — рукопись Венской Императорской библиотеки.

Рукопись Азиатского музея представляет более поздний список, чем венская, но в ней шестью стихами больше, и она дает в ряде случаев более правильное написание слов. Результатом работы над ней и сельджукскими стихами была статья «Еще раз о сельджукских стихах»[93], в которой были опубликованы текст петербургской рукописи, перевод на немецкий язык как персидской, так и тюркской ее части и обширные примечания. Поскольку в новонайденной рукописи было шесть новых стихов (кроме вариантов), то оказалось возможным и целесообразным сделать дополнение[94] к составленному В. В. Радловым «Указателю тюркских слов в сельджукских стихах»[95], привлекая сюда также лексику «Месневи» поэта Джелаледдина Руми (отца Султан-Валада) и словарь لطايف اللغات по рукописному списку Восточного института. В «Приложении» к этой работе содержалась также расшифровка греческих (иконийский диалект XIII—XIV вв.) стихов из «Ребаб-намэ», которые имеются в тюркской транскрипции в Будапештском списке этого памятника (в петербургской рукописи их нет). Стихи эти по венской рукописи (в ней на два стиха меньше, чем в будапештской) пытался расшифровать еще ее издатель Хаммер, но с гораздо меньшим успехом, чем Залеман, который пользовался консультациями известного знатока греческого языка проф. Г. Дестуниса.

К сельджукским стихам Залеман вернулся через двадцать пять лет, под конец своей жизни. Последняя написанная им работа «Новые сельджукские стихи» предназначалась для «Сборника Музея антропологии и этнографии»[96].

---

[92] Об этом памятнике см., например, W. Radloff, *Über die alttürkische Dialecte, I, Die seldschukischen Verse im Rebâb-Nâmeh* («Mél. asiat.», t. X, livr. 1, 1890, p. 17—77).

[93] C. Salemann, *Noch einmal die seldschukischen Verse* («Mél. asiat.», t. X, livr. 2, 1891, p. 173—245).

[94] Ibid., p. 222—237.

[95] «Verzeichnis der türkischen Wörter der seldschukischen Verse» («Mél. asiat.», t. X, livr. 1, 1890, p. 34—59).

[96] К. Г. Залеман, *Новые сельджукские стихи* (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 303, 12 листов). На рукописи имеется надпись, сделанная Э. Пекарским 7 октября 1916 г.: «В набор немедленно, так как по словам автора еще потребуется немало поправок. Для V т. «Сборника Музея антропологии и этнографии». В конце рукописи приписка: «продолжение будет».

Из тюркских рукописей Азиатского музея Залеманом был опубликован трактат о Хаким-Ата на джагатайском языке и дан его филологический разбор. Залеман издал также отрывки из тюркоязычных и персоязычных рукописей, содержащих библиографические сведения о шейхе Ахмаде Ясави, одним из преемников которого являлся Хаким-Ата [97].

Наряду с сельджукскими стихами XIII—XIV вв. и джагатайским трактатом Залеман серьезно изучал уйгурские памятники, например «Кудатку-Билик», и издал «Прибавления» к работе В. Радлова [98]. Когда в 90-х годах были найдены и опубликованы орхонские надписи, Залеман занялся и ими [99], что в дальнейшем весьма ему пригодилось при чтении и публикации турфанских тюркоязычных документов.

Тонкое знание памятника половецкого (кыпчакского языка) XIII в. — латино-персидско-куманского словаря, известного под названием Codex Comanicus, Залеман показал в своей острой полемической статье [100], написанной в связи с выходом в свет работ немецкого тюрколога В. Банга [101], допустившего резкие и необоснованные выпады против Радлова. Выступив с большой горячностью в защиту своего коллеги, Залеман показал как недопустимость использования Бангом приемов критики трудов своих предшественников путем искажения их точек зрения и грубой недооценки их научных заслуг, так и небезупречность некоторых положений самого Банга. Со свойственной ему объективностью Залеман не мог не отметить и положительного в работах Банга. В этой статье Залеман впервые проанализировал [102] всеми игнорировавшийся иранский элемент в Codex Comanicus, представлявший хорасанский народный говор XIII в. в фонетической передаче латинскими буквами.

В архиве Залемана хранятся сделанные им копии с турецких

---

[97] К. Г. Залеман, *Легенда про Хаким-Ата* («Известия ИАН», т. IX, 1898, № 2, стр. 105—149)

[98] W. Radloff, *Das Kudatku Bilik*, I, 1891. Прибавления Залемана: S. XIV—XXVIII — «Aus Rašîdeddin's Ta'rîch-i Ghâzânî», S. XLI—XLIX — «Aus Juvainî's Ta'rîch-i Jahângušâi»; S. XLIX — L — «Aus dem Majma' al-ansâb des Muhammad-i Šabângâraî».

[99] Ср. орхонские материалы в архиве Залемана (ф. 87, оп. 1, № 262—271).

[100] C. Salemann, *Zur Kritik des Codex Comanicus* («Известия ИАН», т. IV, 1910, стр. 943—957).

[101] W. Bang, *Beiträge zur Erklärung des komanischen Marienhymnus* (GGN. Phil.-hist. Kl., 1910. S. 61—78); W. Bang, *Über einen komanischen Kommunionshymnus* («Bull. Acad. belg., Cl. des lettres», 1910, № 5); W. Bang, *Zur Kritik des Codex Comanicus*, Louvain. 1910.

[102] «Известия ИАН», т. IV, 1910, стр. 951—957.

рукописей и транскрипции текстов[103]; среди его тюркологических материалов имеются начальные листы составлявшейся им «Грамматики алтайских языков»[104].

Таким образом, 80—90-е годы были временем большого подъема в научной деятельности Залемана. В эти же годы он был избран в Академию наук и много уделял времени организационной работе. 1 апреля 1886 г. он был представлен тремя крупнейшими русскими ориенталистами О. Бётлингом, В. Радловым и В. Васильевым[105] в адъюнкты Российской Академии наук. Т. Нельдеке прислал блестящую характеристику известных ему трудов Залемана и закончил свое письмо словами: «Я не знаю никого, кого можно было бы рядом с ним выставить кандидатом в адъюнкты Академии по иранским языкам»[106]. 29 апреля на заседании Историко-филологического отделения Залеман был единогласно избран в адъюнкты Академии по части литературы и истории азиатских народов[107].

Спустя три года, 4 ноября 1889 г., он был утвержден экстраординарным академиком, а 4 февраля 1895 г. избран ординарным академиком.

Сразу же после избрания в Академию Залеман стал принимать деятельное участие в ее жизни. Так, он работал над составлением русской лингвистической азбуки[108]. Тогда в Академии наук существовал обычай, введенный с целью гарантировать высокое качество изданий Академии: корректуры всех сложных для печатания трудов, особенно с транскрибированными текстами, читались членами Академии. Залеман при своей широкой лингвистической подготовке и большой тщательности в работе был одним из лучших корректоров среди академиков и наблюдал за печатанием в «Известиях» и «Записках» Академии наук статей по самым различным языкам[109].

---

[103] Например, Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 303—313.

[104] C. Salemann, *Grammatik der altaischen Sprachen* (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 1, № 304, 18 листов).

[105] См. «Протокол заседания Историко-филологического отделения», 1 апреля 1886 г.

[106] Письмо Нельдеке от 2 (14) марта 1886 г. приводится в тексте представления.

[107] См.: «Протокол заседания Историко-филологического отделения», 29 апреля 1886 г. Избрание на общем собрании Академии наук произошло 16 августа 1886 г.

[108] «О русской лингвистической азбуке». Доклад Историко-филологическому отделению АН В. Радлова, В. Васильева и К. Залемана («Известия ИАН», т. XXXII, 1888).

[109] Например, N. Anderson. *Wandlungen der anlautenden Dentalen spirans im Ostjakischen* («Записки ИАН», т. XI, 1894, № 2); С. Г. Рыбаков, *Музыка и песни уральских мусульман* («Записки ИАН», т. II,

Многие работы были Залеманом рекомендованы для издания, в частности «Материалы для изучения персидских наречий» В. А. Жуковского [110], «Kurdische Sammlungen» Прима и Социна, «Die Sprache der armenischen Zigeuner» Ф. Н. Финка [111], «Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского и др.

Опубликование ряда работ было осуществлено под непосредственным наблюдением Залемана [112]. Но известны также и факты, когда порученные ему для печатания материалы оставались неизданными. Это объяснялось, по-видимому, как чрезмерной загруженностью Залемана научной, административной и библиотекарской работой, так и не зависящими от него обстоятельствами.

Например, «Материалы для изучения персидских наречий» Жуковского предполагалось издать в пяти частях. Первая часть вышла быстро, в 1887 г., вторая и третья части были опубликованы лишь в 1922 г. «Курдские тексты» Г. Макаша также начали печататься под непосредственным наблюдением Залемана в 1897 г., а вышли в свет в 1924 г., уже под наблюдением И. А. Орбели [113].

1898, № 2); В. И. Иохельсон, *Образцы материалов по изучению юкагирского языка и фольклора* («Известия ИАН», т. IX, 1899); В. Богораз, *Образцы материалов по изучению чукотского языка и фольклора* («Известия ИАН», т. X, 1899); F. N. Finck, *Die Sprache der armenischen Zigeuner* («Записки ИАН», т. VIII, 1908, № 5); М. С. Андреев и А. А. Половцев, *Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан* («Сборник Музея антропологии и этнографии», IX, 1911).

[110] C. Salemann, *Bericht über des Mag. V. Zukovski Materialien zur persischen Dialektologie* («Mél. asiat.», t. IX, livr. 3, 1887, p. 255—259).

[111] «Известия ИАН», т. XXIII, 1907, стр. X.

[112] В. Жуковский, *Материалы для изучения персидских наречий*, 1, СПб., 1888; W. Miller, R. von Stackelberg, *Fünf ossetische Erzählungen in digorischem Dialekt*, SPb., 1891, В. Миллер, *Материалы для изучения еврейско-татарского языка*, СПб., 1892; F. Wiedemann, *Estnisch-deutsches Wörterbuch*, 2 Aufl., 1893; А. О. Ивановский, *Mandjurica*, 1, СПб., 894 S. Patkanov. *Die Irtysch-Ostjaken*, I—II, SPb., 1897—1900; S. Wiener, *Bibliographie der Oster-Haggadah*, SPb., 1902, предисловие Залемана; K. Barons, H. Wissendorf, *Latwju dainas*, II, 1903; III, 1, 1904; III, 2, 1906; III, 3 1909; IV, 1910; F. Rosenberg, *Le livre de Zoroastre (Zaratusht-Nâma) de Zartusht-i Bahrām ben Pajdū*, SPb., 1904; Э. К. Пекарский, *Словарь якутского языка*, вып. 1—3, СПб., 1907—1912 и др.

[113] К. Хаданк в обработанных и изданных им материалах О. Манна (O. Mann, *Kurdisch-Persische Forschungen*, Abt. III, Bd I, Berlin, 1926, S. XXVI—XXVII) затрагивает вопрос о том, почему отпечатанные выпуски «Материалов» Жуковского 30 лет не выходили в свет, и всю вину за это взваливает на Залемана, якобы намеренно задерживавшего издание работ своих коллег-иранистов, но не приводит ни одного довода. В. А. Иванов выступил в защиту своего учителя [W. Ivanow, *Pro C. Salemann* («Islamica», III, 1927, p. 271—272)], справедливо отметив, что тот,

В январе 1890 г. Карл Германович был избран директором Азиатского музея, заменив на этом посту Радлова. Название «Азиатский музей» было в это время уже чисто историческим; главное его богатство составляли коллекции восточных рукописей и библиотека по востоковедению.

Именно по этим двум линиям — по собиранию восточных рукописей и по расширению фондов библиотеки — и была направлена деятельность Залемана как директора. За период директорства Залемана годовой бюджет Азиатского музея увеличился вдесятеро [114].

Большое значение в громадном росте коллекций Музея имели жертвования частных лиц, однако немалым фактором была и активность директора Музея: им организовывались специальные экспедиции за рукописями и печатными изданиями, главным образом в Среднюю Азию, а также в Иран. Так, в Тегеране Л. Ф. Богданов, ученик Залемана, приобрел по его заданию для Азиатского музея 222 рукописи, а другой его ученик В. А. Иванов покупал рукописи и старинные издания в Средней Азии; одних только мусульманских рукописей было закуплено около тысячи томов [115].

Приобретались также и копии рукописей заграничных собраний (например, каирской рукописи уйгурской поэмы «Кудатку-Билик», мюнхенских и копенгагенских зороастоийских рукописей). Когда Залеман писал «Parsenhandschrift», рукопись

напротив, был «движущим началом» и данной работы Жуковского, которую он же представлял Академии, и многих других работ по иранистике. В ответе Иванову Хаданк («Islamica», III, p. 486—490) повторил свои обвинения, ссылаясь на предисловие С. Ф. Ольденбурга и И. А. Орбели к «Курдским текстам» Г. Макаша. Однако в предисловии нет никакого намека на отрицательную роль Залемана в издании работ по иранистике. Судя по письму Залемана к Радлову от 26 июня 1889 г. (Архив АН СССР, ф. 177, оп. 2, № 108), он, напротив, ускорял печатание второй и третьей частей «Материалов» Жуковского, а Бартольд (ЗВОРАО, т. 24, 1917, стр. 252) специально подчеркивает, что задержка их выхода в свет произошла «не по вине Карла Германовича». По устному сообщению И. А. Орбели, у Залемана были хорошие взаимоотношения с Жуковским; что же касается «Курдских текстов» Макаша, то Залеман сам читал все корректуры, и только последними листами, когда он почти ослеп, по его же просьбе занимался Орбели.

[114] См.: «Материалы для истории академических учреждений за 1889—1914 гг.», ч. 1. Пг., 1917, стр. 229; Д. И. Тихонов *Из истории Азиатского музея* («Очерки по истории русского востоковедения», вып. 2, М., 1956).

[115] «Материалы для истории академических учреждений...», ч. 1, стр. 231; А. А. Фрейман, *Список рукописей, приобретенных для Азиатского музея В. А. Ивановым в Бухаре в 1915 г.*, I—II («Известия РАН», 1918); см. также письма Иванова Залеману (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 157).

Долгорукого была единственной парсийской рукописью в России. В 1906 г. благодаря его энергии была приобретена часть библиотеки Э. Веста с ценными коллекциями и рукописями, среди которых самый полный в Европе список «Dēnkart»'а [116]. Немало рукописей было привезено самим Залеманом из его второй поездки в Туркестан; именно он явился создателем еврейско-персидской коллекции Азиатского музея и соответствующего отдела еврейско-персидских рукописей [117].

Большую помощь в пополнении коллекций Азиатского музея оказал организованный в 1903 г. Русский комитет по изучению Средней и Восточной Азии, членом которого был Залеман. Много внимания уделял Залеман увеличению книжных богатств музея, поддерживая тесную связь с европейскими книгоиздателями и библиотеками, следя за систематическим поступлением периодических изданий и стараясь не пропустить ни одного интересного частного собрания книг по Востоку. За период директорства Карла Германовича Азиатский музей превратился в одно из богатейших в мире хранилищ восточных рукописей и старинных печатных книг, в одну из лучших востоковедных библиотек.

Рост фондов Азиатского музея естественно требовал огромной работы по систематизации и каталогизации, равно как по хранению. Необходимо было также информировать научную общественность о новых поступлениях. При горсточке сотрудников, правда, первоклассных, это было весьма нелегкой задачей [118].

Не удивительно поэтому, что многое из того, за что брался Залеман, не доводилось им до конца. Например, работа над составлением сводного каталога мусульманских рукописей музея (так называемого Catalogus Catalogorum), так и не была им окончена [119].

---

[116] «Материалы для истории академических учреждений...», ч. 1, стр. 232.

[117] А. А. Фрейман, *Список рукописей, приобретенных для Азиатского музея В. А. Ивановым в Бухаре в 1915 г.*, стр. 1279—1282.

[118] С. Ф. Ольденбург, *К. Г. Залеман как библиотекарь* («Библиографические материалы, собранные в 1913—1914 гг.», под ред. Э. А. Вольтера, вып. 2, Пг., 1918, стр. 7—10).

[119] Залеман напечатал немало статей информационного характера о приобретениях Азиатского музея: C. Salemann, *Neue Erwerbungen des Asiatischen Museums* («Mél. asiat», t. IX, livr. 3, 1887, p. 321—402); C. Salemann, *Das Asiatische Museum im Jahre 1890. Nebst Nachträgen* («Mél. asiat.», t. X, 1893, p. 271—292); К. Г. Залеман, *Список персидских рукописей и книг, приобретенных от И. И. Десницкого* («Известия ИАН», т. I, 1907, стр. 43) и др. С 1902 г. Залеман издавал в «Известиях ИАН» информационный бюллетень о новых поступлениях с кратким описанием материалов («Notitiae Musei Asiatici Petropolitani»).

Для более полного представления о личных качествах Карла Германовича нужно остановиться на одной черте его характера, которая, по свидетельству лиц, хорошо его знавших, доминировала в нем во все периоды его жизни, — это огромная любовь к книге, доводившая его иной раз до того, что он интересы книги ставил выше интересов людей. С. Ф. Ольденбург, личный его друг, которого он сам рекомендовал в свои преемники по руководству Азиатским музеем, рассказывает, что однажды, обсуждая с Залеманом вопрос, касающийся внутреннего распорядка в библиотеке, решение которого Залеманом явно шло в ущерб удобству читателей, он в ходе спора сказал Залеману: «Но ведь не станете же Вы отрицать, что книга для человека, а не человек для книги». На что получил ответ: «Для меня это еще вопрос». Эта привязанность к книге приводила его к тому, что он, будучи директором Азиатского музея и II Отделения Библиотеки Академии наук, собственноручно писал библиотечные карточки и наклеивал номерные этикетки на переплеты. Залеман очень хорошо знал библиотечное дело. Когда он по окончании университета стал сначала помощником библиотекаря, а затем и библиотекарем университета, он много и серьезно занимался вопросами систематизации и каталогизации книг. Приобретенные тогда знания затем пополнялись и во время его многочисленных командировок за границу [120]. Для университетской библиотеки Залеманом было сделано очень много. Им были составлены «Инвентари» № I—VI за годы 1877—1884 и издан при участии В. Р. Розена «Список персидским, турецко-татарским и арабским рукописям Библиотеки СПб. Университета» [121]. Благодаря огромному труду Залемана и его учеников А. Р. Крейсберга и М. И. Кудряшева библиотека «занимала исключительное место среди столичных библиотек по состоянию своих каталогов и удобству пользования» [122].

В 1890 г. Залеман стал директором II Отделения Библиотеки Академии наук, проработав на этом посту более двадцати пяти лет. И тут он проявил себя неутомимым собирателем книг и прекрасным организатором.

Когда в связи с начавшейся мировой войной был нарушен

---

[120] Подробный перечень командировок Залемана приводится в его автобиографической заметке в «Материалах для биографического словаря действительных членов Имп. Акад. наук», ч. I, 1915, стр. 293—298.

[121] ЗВОРАО, т. II, 1887, стр. 241—262; т. III, 1888, стр. 197—222; особые оттиски имеют заглавие: «Indices alphabetici codicum manuscriptorum Persicorum, Turcicorum, Arabicorum qui in Bibliotheca imperialis literarum Universitatis Petropolitanae adservantur», Petropoli, 1888.

[122] С. Ф. Ольденбург, *К. Г. Залеман как библиотекарь*, стр. 8.

нормальный книгообмен, особенно с воюющей стороной, Академия наук командировала Залемана в нейтральную страну, в Швецию, с целью установления связей с шведскими книгопродавцами для восстановления возможности получать для академической библиотеки иностранные главным образом периодические издания[123]. Для этой же библиотеки им была издана система К. Ф. Бэра и введена карточная каталогизация[124]. Массу времени и энергии отнимали у Залемана хлопоты по утверждению проекта и строительству нового здания библиотеки. Он принимал активное участие в разработке проекта[125]. В 1909 г. он вместе с архитектором Р. Р. Марфельдом ездил в Лейпциг, Копенгаген, Берлин и Марбург для осмотра библиотек, а в 1912 г. с архитектором Р. А. Берзеном осматривал в Берлине строившуюся тогда Королевскую библиотеку. Как член строительной комиссии Залеман вникал во все детали, вплоть до распределения электроламп в новом здании и систем книжных полок, вел переговоры с директорами и представителями фирм, изготовлявших различные технические детали[126]. Залеману так и не пришлось дожить до перехода библиотеки в новое здание.

Залеман принимал активное участие в международных научно-организационных мероприятиях. Вместе с акад. А. С. Фаминцыным он представлял Российскую Академию на учредительном собрании Международной ассоциации академий (создана в 1899 г.) в Висбадене и вошел в его исполнительный орган — Комитет Международного Союза академий.

Он принимал деятельное участие во всех заседаниях Комитета и общих собраниях Союза за рубежом и провел большую организационную работу по созыву и проведению общего собрания Союза академий в Петербурге весной 1913 г.

В 1895 г. он был послан Академией на пятидесятилетний юбилей Deutsche Morgenländische Gesellschaft, а в 1909 г. — на празднование 500-летней годовщины основания Лейпцигского университета.

---

[123] «Протоколы заседания Историко-филологического отделения ИАН», 3 октября 1914 г.

[124] C. E. Baer, *Conspectus indicis systematici Bibliothecae Academiae Imperialis Petropolitanae... nunc recognitus.*, СПб., 1904. — Подробности о деятельности Залемана в Библиотеке АН см. в «Материалах для истории академических учреждений...», ч. 1, стр. 39—46.

[125] К. Г. Залеман, *Проект постройки нового здания для библиотеки Имп. Академии наук* («Труды I Всероссийского съезда по библиотечному делу», СПб., 1911, стр. 140—147).

[126] Яркий в этом отношении материал содержит письма (1899—1916) Залемана к А. А. Шахматову, который был директором I отделения Библиотеки (Архив АН СССР, ф. 134, оп. 3, № 545).

Залеман представлял русскую иранистику на международных конгрессах востоковедов [127].

В 1902 г. Гиссенский университет присудил Карлу Германовичу степень доктора философии honoris causa [128], а в 1904 г. он был избран членом-корреспондентом Венгерской академии и в 1908 г. — почетным членом Королевского Азиатского общества в Лондоне. В том же году Распорядительный комитет по изданию «Энциклопедии Ислама» избрал его в число своих членов в качестве представителя Российской Академии вместо скончавшегося Розена [129].

О политических взглядах и мировоззрении Залемана нам известно очень мало. Архивные материалы ученого не содержат данных об этом, а по свидетельству акад. Бартольда, Залеман в кругу своих друзей никогда не высказывал своего отношения к политическим событиям, происходившим в России и вне ее. Можно, однако, сказать, что он, подобно большинству русских востоковедов конца XIX—начала XX в., не принадлежал к числу лиц с прогрессивными, демократическими устремлениями. Хотя Залеман и не примыкал ни к одной из политических партий или группировок, но судя по тому, что он был среди подписавших немецкий текст октябрьского манифеста 1905 г., его политические симпатии можно определить как либерально-буржуазные.

Для него, типичного прибалтийского немца, который был, по выражению знавших его людей, «немцем в России и русским в Германии», Российская Академия наук была своего рода государством в государстве [130], и ей он был действительно предан.

Известно также, что Залеман был человеком религиозным. Он был и до конца своей жизни оставался членом духовного

---

[127] Он принимал участие в III международном конгрессе ориенталистов (Петербург, 1876), в XII (Рим, 1899) и XIII (Гамбург. 1902), международных съездах ориенталистов, где председательствовал в иранской секции, и в XIV международном съезде ориенталистов (Копенгаген, 1908).

[128] Кандидатура Залемана была предложена Х. Бартоломэ; см. его письмо от 4 февраля 1902 г. (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 22).

[129] «Протокол заседания Историко-филологического отделения», 15 октября 1908 г.

[130] Показательно в этом отношении письмо Залемана к акад. Шахматову от 17 (30) декабря 1914 г.: «...Наконец, считаю своим долгом заявить, что я по многим соображениям против исключения кого-либо из членов почетных и корреспондентов и от такого поступка вижу только вред для Академии уже потому, что, раз мы станем подчиняться посторонним решениям (речь идет, очевидно, о поступившем в Академию от государственных органов предложении исключить ее иностранных членов — подданных государств, входивших в Тройственный союз. — *А. П.*), мы утратим драгоценное право решать наши дела самостоятельно. Principiis obsto...» (Архив АН СССР, ф. 134, оп. 3, № 545).

совета лютеранской церкви Екатериненкирхе на Васильевском острове. Принятие им предложения Британского Библейского общества о переводе Евангелия на татарский язык и издание этих переводов не является поэтому случайным и преследовало, очевидно, миссионерские цели.

Уже по данному нами обзору деятельности Залемана можно составить представление о нем, как о весьма деятельном человеке, принимавшем близко к сердцу интересы науки и не жалевшем ни времени, ни энергии на создание в России необходимой базы для развития востоковедения. Неизбежной оборотной стороной этого было то, что многое из начатого Залеманом в его собственной научной работе оказалось незавершенным. Можно только удивляться тому, что при столь большой нагрузке он так быстро откликался на все новое в его области.

Конец XIX и начало XX в. ознаменовались выдающимся в истории востоковедения событием — открытием в Китайском Туркестане манихейских, буддийских и христианских документов на различных языках. Были обнаружены, в частности, тексты на двух западных среднеиранских языках: северном (парфянском, о котором до этого почти ничего не было известно) и южном (среднеперсидском), в фонетическом написании, без арамейских идеограмм, что блестяще подтверждало правильность той точки зрения, которую решительно отстаивал Залеман за четверть века до этого. Событием огромного интереса для иранистики явилось также открытие восточных среднеиранских языков — согдийского и сакского (так называемого хотано-сакского).

Пионером в деле публикации найденных материалов был Ф. В. К. Мюллер, издавший в 1904 г. в латинской транслитерации и с подстрочным переводом большое число турфанских документов, привезенных немецкой экспедицией Грюнведеля [131]. Он же первый определил принадлежность публикуемого им материала манихейским общинам.

Вслед за Мюллером в том же году Залеман издал хранившийся в Азиатском музее манихейский фрагмент на среднеперсидском языке, привезенный в 1898 г. из Турфанской экспедиции Роборовским и Козловым [132].

Текст фрагмента, интересного упоминанием ряда манихейских произведений, Залеман дал в транслитерации еврейским

[131] F. W. K. Müller, *Handschriften-Reste in Estrangelo-Schrift aus Chinesisch-Turkestan* (SbPAW, 1904, S. 348—352).

[132] C. Salemann, *Ein Bruchstück manichaischen Schrifttums im Asiatischen Museum* («Записки ИАН», т. VI, 1904, № 6, стр. 1—26 + 1 факсимиле).

квадратным шрифтом, что было серьезным преимуществом перед латинской транслитерацией Мюллера[133]. Залеман уточнил также фонетическое значение некоторых знаков, дал свое чтение трех из опубликованных Мюллером фрагментов и установил ряд черт, существенных для фонетического развития среднеперсидского языка.

Между прочим турфанская орфография подтвердила постулировавшуюся еще раньше[134] Залеманом этимологию среднеперсидского союза, принимавшегося за заимствование из арамейского, восходящего к древнеперсидскому utā Другим подтверждением результатов прежних его работ явились формы пассива в этих текстах. Залеман дал свою транскрипцию и перевод 16-й главы пехлевийского сочинения Škand gumānīk vičār. в которой говорится об учении Мани. К концу 1904 г. вышла вторая[135] публикация Мюллера, изданная по тому же принципу, что и первая. Залеман решил написать на нее обстоятельную рецензию. Однако, по мере работы над материалами Мюллера, он вынужден был отказаться от своего первоначального намерения. Прежде всего, чтобы придать текстам нормальный вид оригинала или, по его выражению, «избавиться от кошмара невозможных фонетических форм»[136], нужно было перевести тексты на семитическую транслитерацию. В процессе этого возникло множество сомнений как в правильности чтения отдельных знаков и восстановлений текста, так и в верности переводов. Для снятия многих вопросов требовалась сверка с оригиналом. С этой целью Залеман листы со своей транслитерацией и восполнениями отсылал Мюллеру для сверки[137], что дало возможность внести немалое число уточнений и исправлений в чтения, данные в editio princeps. Это последнее имело и другие существенные недостатки, как отсутствие словаря и индексов, а также грамматического очерка, обобщающего новые языковые факты, поставляемые турфанскими текстами. Чтобы устранить эти недостатки и дать филологам—иранистам полноценные вос-

[133] Еврейская транслитерация давала более точное воспроизведение оригинала. Так, по турфанским текстам не всегда можно установить, что выражается знаком ī или ē; равным образом и для передачи согласного состава латинская транслитерация навязчива, поскольку не отражает спирантного характера произношения их в известных позициях, что, видимо, отражает возникшее на сирийской основе турфанское письмо.

[134] Ср. C. Salemann, *Mittelpersisch*, S. 275, § 47, Anmer.

[135] F. W. K. Müller. *Handschriften-Reste...*, Teil II («Abhandl. d. PAW», 1904).

[136] «Записки ИАН», т. 8, 1908, № 10, стр. V.

[137] Там же. стр. VI. Ср. письма Ф. В. Мюллера Залеману, 1904—1906 гг. (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 271).

произведения текстов со всей необходимой сводкой, Залеман принялся за новое издание материалов Мюллера.

В мае 1905 г. тексты Мюллера в еврейской транслитерации, подготовленные Залеманом, поступили в типографию; они уже были отпечатаны, когда вышла в свет новая публикация Мюллера [138]. Входившие в нее материалы Залеман переиздал в качестве «Дополнения». Ценной частью издания является составленный им словарь-индекс [139]. Своих переводов текстов Залеман не дал, так как переводы Мюллера были в общем удовлетворительны, но в тех случаях, когда Залеман давал отличное от мюллеровского чтение или толкование слова он помещал свой перевод контекста (вместе со своим восполнением лакуны) именно в словаре.

Третью часть «Manichaeische Studien, I» составляет грамматический очерк, являющийся по существу дополнением к «Mittelpersisch», на что указывает также и расположение материала с отсылкой читателя к соответствующему параграфу в «Grundriss»'е. В нем подытожен, с точки зрения грамматики среднеперсидского языка, материал турфанских фрагментов, опубликованный к 1906 г.

Издавая мюллеровские материалы, Залеман обратил внимание на наличие в них по крайней мере двух среднеиранских диалектов (кроме согдийского) [140]. Ему удалось правильно выделить числительные двух диалектов, но от более четкой дифференциации этих диалектов и выявления их отличительных особенностей он тогда воздержался, главным образом потому, что часто оба диалекта выступают в одних и тех же фрагментах и имеются даже смешанные тексты [141]. В этом отношении больше преуспел его современник Ф. Андреас, который уже в сентябре 1904 г., сразу же по получении от Мюллера первых пяти-

---

[138] F. W. K. Müller, *Eine Hermas-Stelle in manichäischer Version* (SbPAW, 1905, S. 1077—1083).

[139] Многие слова подробно разъяснялись; привлекался разнообразный параллельный материал из пехлевийских текстов, сасанидских эпиграфических памятников, Авесты, сирийского, армянского и грузинского языков. В дополнение к словарю Залемач поместил «индекс окончаний слов» [C. Salemann, *Manichaeische Studien, I. Die Texte in revidierter Transcription, mit Glossar und grammatischen Bemerkungen* («Записки ИАН», т. VIII, 1908, № 10)]. Длительность печатания работы вызвана была задержками сначала из-за выхода в свет «Hermas-Stelle» Мюллера, а затем получения Залеманом от Бартоломэ корректурных листов работы последнего «Zum altiranischen Wörterbuch», использующей также и турфанский языковый материал, которая, естественно, не могла не быть учтена.

[140] «Manichaeische Studien, I», S. 160.

[141] Ibid., S. 149—150.

десяти шести страниц корректур второй части его «Handschriften- Reste», не только установил наличие в турфанских фрагментах трех среднеиранских диалектов, согдийского и двух западных, но и определил один из этих последних как аршакидский диалект, называя его также «северным», другой же — как сасанидский, или «юго-западный». Андреас сообщил Залеману об этих своих наблюдениях и выслал ему копенгагенскую газету «Berlingske Tidende» от 11 июля 1905 г., в которой была помещена статья А. Кристенсена, излагавшая наблюдения Ф. Андреаса [142]. Залеман, по-видимому, уже не успел или не счел возможным опубликовать содержание письма Андреаса в «Manichaeische Studien, I» [143].

К числу достижений «Manichaeische Studien, I» следует отнести и то, что Карл Германович выделил среди мюллеровских материалов тексты, написанные стихами [144]; правда, размер их определялся им не всегда правильно [145], что отчасти объясняется их фрагментарностью, а также большим разнообразием в их метрике. Корректурные листы «Manichaeische Studien, I» охотно предоставлялись Залеманом всем, кому они были необходимы в работе; так, они побывали у Г. Хюбшмана и у Х. Бартоломэ. В 1906 г. корректурные листы словаря были отправлены для ознакомления Ф. В. К. Мюллеру, продолжавшему работу над турфанским материалом. Мюллер, однако, весьма болезненно воспринял появление в свет этой работы и реагировал на нее с нескрываемым раздражением [146], но тут он явился единственным исключением.

---

[142] Письмо Андреаса к Залеману от 12 января 1907 г. (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 9).

[143] Ученику Андреаса О. Манну удалось (с помощью учителя) выявить шесть основных диалектальных дифференций в западноиранской турфанике и проследить их в современных диалектах в книге, опубликованной через год после выхода в свет «Manichaeische Studien, I» (O. Mann, *Die Tādjīk-Mundarten der Provinz Fars, Kurdisch-Persische Forschungen,* I, 1909).

[144] «Manichaeische Studien, I», S. 149, 153, 154; определение Залеманом размера стиха в примечаниях к соответствующим текстам. Важно указание Залемана на связь метрики манихейских отрывков с авестийской метрикой, с одной стороны, и старыми иранскими фольклорными размерами (рубаи и мутакариб) — с другой.

[145] Важный экскурс о метрике турфанских стихов вместе с исправлениями определений Залемана см.: E. Benveniste, *Le texte du Draxt Asurīk et la versification pehlevie* (JA, 1930, p. 205—225); иная точка зрения на среднеперсидское стихосложение у Хеннинга [W. B. Henning, *A Pahlavi poem* (BSOAS, vol. XIII, 3, 1950, p. 641—648)].

[146] F. W. K. Müller, *Ein iranisches Sprachdenkmal aus der nördlichen Mongolei* (SbPAW, 1909, S. 730).

А. Мейе, опубликовавший рецензию на этот труд [147], закончил ее пожеланием, чтобы «остальные иранские тексты Турфана были по возможности скорее опубликованы и чтобы после первого издателя, подобного Мюллеру, они были изучены еще таким мэтром, как г. Залеман».

Большая работа Залемана еще находилась в типографии, когда он приступил к подготовке публикации [148] четырех новых фрагментов из собрания Азиатского музея, из которых два оказались среднеперсидскими, один — согдийским и один — тюркским, наиболее интересным из них, обнаруживающим много аналогий с языком орхонских надписей.

В 1905—1907 гг., благодаря публикациям Э. Захау и Ф. В. К. Мюллера [149], стали известны согдийские фрагменты, написанные сирийским письмом с текстами христианского содержания. Над этим материалом Залеманом была проделана та же работа, что и над среднеперсидской манихаикой. В «Manichaica II» Залеман публикует тексты этих фрагментов в транслитерации квадратным шрифтом и с более точным чтением [150]. Вся встречающаяся в этих текстах лексика собрана в словаре, в котором формы, по возможности, определяются и объясняются с привлечением параллелей из манихейско-согдийского, среднеперсидского, осетинского, ягнобского [151], шугнанского и ваханского. Как и в «Manichaeische Studien, I», к словарю приложен алфавитный указатель окончаний слов. Залеман дает впервые очерк грамма-

---

[147] JA, 1909, p. 312—314. — Большое положительное значение издания Залемана подчеркивается также в рецензии А. А. Фреймана (ЗВОРАО, т. 19, 1909, стр. 84—91).

[148] C. Salemann, *Manichaica,* I («Известия ИАН», т. I, 1907, стр. 175—184).

[149] E. Sachau, *Literatur-Bruchstücke aus Chinesisch-Turkestan* (SbPAW, 1905, S. 964—978); F. W. K. Müller, *Neutestamentliche Bruchstücke in soghdischer Sprache* (SbPAW, 1907, S. 260—270).

[150] C. Salemann, *Manichaica,* II («Известия ИАН», т. I, 1907, стр. 531—558).

[151] На связь согдийского с ягнобским первым обратил внимание Андреас, написавший об этом Залеману (письмо Андреаса от 7 марта 1907 г., на которое ссылается Залеман в «Manichaica, II», среди писем Андреаса в архиве не оказалось; однако в письме от 12 января 1907 г., написанном после получения корректурных листов «Ягнобских этюдов», Андреас сообщает Залеману о сделанном им при помощи залемановских ягнобских материалов открытии близости согдийского и ягнобского языков и приводит в качестве примера согд. zāē, ягн. zāi «земля»). Впоследствии Андреас уточнил соотношение этих двух языков, охарактеризовав ягнобский язык как «новосогдийский», с особой диалектной основой; см. его: «Zwei soghdische Excurse zu W. Thomsens «Ein Blatt...», SbPAW, 1910, S. 307—314.

8 Заказ 1441

тики христианско-согдийского языка и определяет его место как среднеиранский язык восточной ветви.

Продолжая работу над согдийским материалом, Залеман в конце 1911 г. сдает в печать еще одну публикацию среднеперсидских турфанских документов, поступивших в Азиатский музей (37 фрагментов из собрания Н. Кроткова, русского консула в Урумчи, и двух фрагментов, привезенных экспедицией С. Ф. Ольденбурга в 1909 г.), вместе со словарем, дополняющим словарь в «Manichaeische Studien, I» [152].

За истекшее с момента выхода «Manichaica, III» пятилетие согдология обогатилась изданиями новых материалов, христианско-согдийских и буддийско-согдийских [153]. Были достигнуты некоторые успехи в чтении так называемых «Старых согдийских писем» (IV в.), найденных О. Стейном, и согдийских документов буддийского содержания. Особенно велика в этом доля молодого французского ученого Р. Готьо [154], который с 1911 г., вплоть до своей гибели в 1916 г., поддерживал тесную связь с Залеманом, относившимся к нему в высшей степени благожелательно. Он посылал Готьо фотографии петербургских фрагментов, написанных согдийским письмом [155]. Когда Готьо готовил к изданию свой «Очерк согдийской грамматики», Залеман предоставил в его распоряжение ягнобские материалы. Корректурные листы первой и второй частей «Vessantara Jātaka», присланные Готьо, Залеман тщательно прочел и письменно сообщил автору все свои соображения; он составил список глагольных форм по «Vessantara Jātaka», который послал Готьо для сверки. Залеман читал и корректуру первого тома «Очерка согдийской грамматики» [156].

При активном содействии Залемана летом 1913 г. Готьо вместе с учеником Бартоломэ Г. Юнкером (ныне профессором Берлинского университета им. Гумбольдта) получили возможность принять участие в Памирской экспедиции Русского комитета по

[152] C. Salemann, *Manichaica, III—IV* [«Известия ИАН», 1912, стр. 1—32 (III); 33—50 (IV)].

[153] F. W. K. Müller, *Soghdische Texte I* («Abhandl. d. PAW», 1912) (вышла в 1913 г.; на этот раз Мюллер изменил своей латинской транскрипции в пользу сирийской); R. Gauthiot, *Une version sogdienne du Vessantara Jātaka* (JA, 1912, p. 163—193, 429—510) (транскрипция и перевод); R. Gauthiot, *Le sūtra du Religieux Ongles-Longs*. Texte sogdien avec traduction et version chinoise (MSL, XVII, 1012).

[154] Статьи Р. Готьо в JRAS и JA за 1911 и 1912 г.

[155] Ср., например, письма Готьо к Залеману от 18 февраля и 10 октября 1912 г. (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 115), а также R. Gauthiot, *Essai de grammaire sogdienne*, I, Paris, 1914—1923, p. XVIII.

[156] «Известия ИАН», 1913, стр. 1126.

изучению Центральной Азии [157]. Судя по письму Готьо из Ягноба, он проверял на месте «Ягнобские этюды», очевидно, по просьбе Залемана [158].

В том же году, в дополнение и расширение очерка согдийской грамматики в «Manichaica II», вышел пятый выпуск «Manichaica» [159]. Как в первом очерке, так и в этом речь идет о грамматике христианско-согдийских текстов, но Залеман останавливается и на диалектальных различиях между христианско-согдийским и буддийско-согдийским, что стало возможным после публикаций Мюллера и Готьо. Главное значение этой работы — в открытии категории рода в согдийском языке.

Оба написанные Залеманом очерка согдийской грамматики были весьма существенным вкладом в согдологию. Уже по поводу первого очерка Р. Готьо писал Залеману: «Грамматический очерк («Essai de grammaire sogdienne»), который я сейчас составляю, по большей части совпадает с тем, который Вы набросали в «Manichaica, II», и даже подтверждает некоторые предположения, которые Вы тогда, естественно, делали и могли сделать только в виде гипотез» [160]. Последняя опубликованная работа Залемана вышла в 1914 г. [161].

30 ноября 1916 г. Залеман скончался. Он был похоронен на Смоленском лютеранском кладбище в Петрограде.

В его лице русская востоковедная наука имела одного из самых блестящих своих представителей и организаторов.

---

[157] Письма Бартоломэ от 22 мая 1913 г. (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 22) и Готьо от 8 мая 1913 г. и 23 мая 1913 г. О работе Готьо и Юнкера в Ягнобе см.: R. Gauthiot (CRAI, 1913, p. 671); H. Junker, *Yaghnōbī-Studien*, I («Abhandl. d. Sächs. AW, Phil.-hist. Kl»., XLI, 2, 1930).

[158] В 1955 г. Э. Бенвенист издал в «Journal asiatique» (р. 139—162) обнаруженную им среди бумаг Готьо копию словаря из «Ягнобских этюдов», которую Готьо сделал для себя с залемановского экземпляра. Вполне возможно, что заметки другими чернилами на оборотах листов, представляющие собой уточнения, на которые обратил внимание Э. Бенвенист (ibid., p. 142), относятся именно к этому времени. Несомненно, однако, что Готьо в Ягнобе имел под рукой полный текст «Ягнобских этюдов», так как он сверил и тексты Куна (см. письмо Готьо к Залеману от 2 июля 1913 г.; Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 115).

[159] C. Salemann, *Manichaica, V* («Известия ИАН», т. VII, 1913, стр. 1125—1144).

[160] Письмо Р. Готьо от 17 мая 1912 г. (Архив АН СССР, ф. 87, оп. 3, № 115). После выхода «Manichaica, V» Готьо писал Залеману: «Я надеюсь, что по моей грамматике будет ясно видно, что Вы — мой соавтор» [письмо от 8 (21) марта 1914 г.].

[161] C. Salemann, *Eranica* 1—4 («Известия ИАН», т. VIII, 1914, стр. 795—808).

П. П. БУШЕВ

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. А. ЖУКОВСКОГО

Оценка научной деятельности Валентина Алексеевича Жуковского дана в некрологах двумя его ближайшими соратниками по Петербургскому университету и Восточному отделению Русского археологического общества академиками В. В. Бартольдом и С. Ф. Ольденбургом [1]. Отмечая широкий диапазон научных интересов Жуковского, работавшего в области восточной лингвистики, филологии и истории, Бартольд указывал, что «его труды были крупным шагом вперед в науке». Характеризуя его место в русском востоковедении, Бартольд писал, что «среди его (Жуковского. — *П. Б.*) печатных работ нет ни одной, которая не была бы посвящена Ирану...». При этом, по словам Бартольда, работы Жуковского всегда отличались самобытностью. Хотя Валентин Алексеевич прошел на восточном факультете Петербургского университета «вполне европейскую научную школу и вполне овладел европейскими научными методами, но он до конца думал и писал только по-русски» [2].

Высоко ценил научную деятельность Жуковского и С. Ф. Ольденбург, который писал, что труд Жуковского «Али-Аухадэддин Энвери» [3] является «важным и ценным» и занимает «видное место в истории персидской литературы» [4].

Работы Жуковского в области диалектов персидского языка и фольклора, по словам Ольденбурга, имеют большое значение: «В истории изучения Персии, которому он (Жуковский. — *П. Б.*) посвятил свою жизнь, его имя навсегда сохра-

---

[1] В. В. Бартольд, *Памяти В. А. Жуковского* (ЗВОРАО, т. XXV, 1921, стр. 399—415); С. Ф. Ольденбург, *Валентин Алексеевич Жуковский, 1858—1918* («Известия Российской Академии наук», 1919, № 2, стр. 2039—2068).

[2] В. В. Бартольд, *Памяти В. А. Жуковского*, стр. 399—400.

[3] В. А. Жуковский, *Али-Аухадэддин Энвери. Материалы для его биографии и характеристики*, СПб., 1883.

[4] С. Ф. Ольденбург, *Валентин Алексеевич Жуковский, 1858—1918*, стр. 2054.

нит почетное и видное место; его работами еще долго будут пользоваться специалисты, по его книгам будут учиться его преемники»[5]. В этой статье внимание будет обращено на не освещенные Бартольдом и Ольденбургом стороны жизни и творчества Жуковского[6].

Жуковский родился 24 апреля (5 мая) 1858 г. в Воронеже. Его родители, Алексей Иванович и Наталья Ивановна, обладали достаточными средствами, чтобы дать высшее образование двум своим сыновьям — Валентину и Ивану[7]. Третий брат, Василий, и две сестры, Мария и Александра[8], получили среднее образование.

Валентин Алексеевич сначала учился в Москве, в частной гимназии Фр. Креймана, а затем в воронежской казенной гимназии, которую и окончил в 1876 г. Жуковский отличался большим прилежанием и «весьма удовлетворительной... любознательностью»[9]. Закончил он гимназию при девяти отличных и трех хороших отметках. Как это ни странно для будущего филолога, но лучшие отметки Жуковский имел не по языкам (греческому и латинскому)[10].

31 августа 1876 г. молодой Жуковский поступил на факультет восточных языков Петербургского университета, на арабско-персидско-турецко-татарский разряд[11].

Что определило выбор профессии Жуковским и почему он решил посвятить жизнь изучению Востока? На этот вопрос пытался ответить Ольденбург. Свои рассуждения он строил на расшифровке эпиграфа Жуковского к курсовому сочинению, написанному в 1879 г.: «Забытые явления далекого прошлого появляются снова, между тем как современники рассматривают их как новые, никогда не существовавшие ранее явления»[12].

---

[5] Там же, стр. 2068.

[6] Основные архивные фонды материалов о Жуковском хранятся в Ленинграде: в ГИАЛО, в Архиве Академии наук СССР и в Архиве востоковедов ЛО ИВАН.

[7] Иван Алексеевич окончил Военно-медицинскую академию в Петербурге.

[8] Мария Алексеевна была замужем за В. В. Бартольдом, а Александра Алексеевна — за Н. Я Марром.

[9] В аттестате зрелости Жуковского записано, что он имел отличное поведение, исправно посещал уроки и усердно приготовлял письменные домашние работы (ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 5, 6).

[10] Там же. — По латыни на выпускном экзамене Жуковский получил тройку, однако общая оценка в аттестате — четыре.

[11] ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 7.

[12] «Combien n'y a-t-il pas de choses, qui après avoir été en usage dans les siècles passés et être tombés dans l'oubli, ont ensuite paru de nouveauté! Et cependant ceux qui les ont vu commencer alors, les ont prises pour une nouveauté et ont cru qu'elles n'avaient jamais en lieu avant eux» (Архив востоковедов ЛО ИВАН, ф. 17, оп. 1, № 15, л. 2).

Ольденбург объяснял этот эпиграф так: Жуковский «чувствовал, что на Востоке (имеются. — *П. Б.*) корни многого такого, что составляет красу (сегодняшней. — *П. Б.*) западной цивилизации, и найти эти корни представлялось заманчивым молодому востоковеду» [13].

О справедливости такого объяснения трудно спорить с Ольденбургом, близко знавшим Жуковского. Здесь можно лишь добавить, что Жуковского действительно отличало от многих востоковедов, особенно западноевропейских, признание высоких культурных достижений народов Востока в те давние времена, когда современные западноевропейские страны находились на стадии варварства или на первых ступенях цивилизации. Это уважение к народам Востока и понимание ценности их культурного наследства всегда были присущи Жуковскому и поднимали его выше многих других буржуазных востоковедов.

Занимался Жуковский в университете весьма успешно. Он учился у В. Р. Розена, К. Г. Залемана, И. Н. Березина и других известных востоковедов. Жуковский работал над арабским, персидским, турецким и татарским языками. Он не сразу избрал своей специальностью персидский язык. Его первая самостоятельная студенческая работа была по турецкой филологии [14]. За это исследование в 1879 г. Жуковский получил золотую медаль университета [15]. При написании этой работы он проявил себя зрелым ученым, показал точность, безукоризненную правильность перевода и блеснул изяществом русской речи, как отмечал в своем отзыве доцент университета В. Смирнов. Некоторые из примечаний Жуковского, писал Смирнов, «по обширности своей суть как бы краткие монографии, в которых, собранные по какому-либо частному вопросу отрывочные данные

[13] С. Ф. Ольденбург, *Валентин Алексеевич Жуковский, 1858—1918*, стр. 2041.

[14] В. А. Жуковский, *О летописи османского писателя Али-эфенди «Кюнглу-ль-ахбар»*. — Работа начинается введением на 12-ти страницах под названием «Сведения Али-эфенди о славянах в сравнении с прочими турецкими историками (со времен Мурада I до Мухаммеда II включительно)»; далее идут «Извлечения из «Кюнглу-ль-ахбар» Али-эфенди. Текст и перевод по рукописям Лейденской, Венской и Константинопольской»; «Примечания к переводу Али-эфенди и сравнение его сказаний с сказаниями других османских писателей: Шукруллы, Дженнаби, Нешри, Идриса, Са'д-уд-дина, Солак-заде, Ферай-заде, Мухаммед-эфенди, Мунеджим-баши, Феридуна, Хезарфеина и Хаджи-Кальфы»; «Сказания Нешри. Царствование султана Мурада I, заимствовано из... и царствование султана Баязида I, из статьи...» (Архив востоковедов ЛО ИВАН, ф. 17, оп. 15, л. 1—179).

[15] ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 7933, л. 102.

так сгруппированы, что в совокупности своей представляют законченное целое»[16].

Весной 1880 г., после окончания университета, Жуковскому была присвоена степень кандидата[17]. По единогласному решению Совета факультета восточных языков от 30 мая 1880 г. он был оставлен при кафедре персидской словесности «для приготовления к магистерскому экзамену»[18].

Жуковский много и упорно готовился к защите магистерской диссертации[19]. К этому времени определилась не только специальность молодого ученого (персидская филология), но и сложились его политические взгляды.

Студенческие годы Жуковского протекали в период крайней реакции, наступившей во второй половине царствования Александра II, когда он окончательно отказался от своего показного либерализма. В университете Жуковский слыл за благонамеренного и несколько замкнутого студента, успешно занимавшегося науками, на которого большое влияние оказывал Розен, известный своими консервативными взглядами. Розен был для Жуковского не только учителем, но и наставником, советником, а впоследствии и лучшим другом. Наибольшее количество сохранившихся писем Жуковского адресовано Розену. Основными чертами характера Жуковского были практичность, рассудительность, целеустремленность, сдержанность, переходящая во внешнюю суровость, и некоторый консерватизм.

9 октября 1881 г. Жуковский женился на Варваре Ивановне Карлошевой[20]. В ней он нашел не только верную жену и друга, но и прилежную помощницу в научно-исследовательской работе. После сдачи в 1882 г. магистерского экзамена Жуковский успешно защитил 10 апреля 1883 г. диссертацию на степень магистра персидской словесности[21]. Его диссертация «Али Аухадэддин Энвери. Материлы для его биографии и характеристики» была опубликована в том же году. Это был первый печатный труд Жуковского.

---

[16] Там же, л. 82, 83.

[17] ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 7.

[18] Там же, л. 9.

[19] Даже во время каникул в Воронеже Жуковский каждое утро работал до обеда (Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 162, л. 9).

[20] О своей будущей жене Жуковский писал В. Р. Розену 1 июля 1881 г., что она оканчивает «курс в Надеждинском родовоспитательном заведении» — девушка из бедной семьи, которая «поехала в Петербург по нужде» (там же, л. 9, 14).

[21] ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 15. — Официальными оппонентами были доцент В. Р. Розен, приват-доцент К. Г. Залеман и преподаватель С. И. Черняев.

Об Али-Аухадэддине Анвери[22] западноевропейскими ориенталистами было написано много. Жуковский взялся за эту тему, чтобы исправить ошибки, которые были ими допущены. Для этого он проделал большую и кропотливую работу по сличению и сопоставлению текстов 22 рукописей. Некоторые из них ему пришлось получать из-за границы. С поставленной задачей Жуковский, как писал декан факультета восточных языков В. Васильев ректору университета, справился «удовлетворительно»[23].

Диссертация Жуковского получила хорошую оценку такого выдающегося ученого, как Залеман[24], который в своем отзыве предсказывал диссертанту «блестящее будущее на поприще научной деятельности».

Высокую оценку этого труда дали Бартольд и Ольденбург. Диссертация Жуковского нашла живой отклик и в западноевропейской ориенталистике. Иранисты Перч и Броун написали благожелательные отзывы о работе молодого русского ученого[25].

Еще до защиты Жуковским магистерской диссертации его учителя — В. Р. Розен, И. Н. Березин и В. Ф. Гиргас поставили в ноябре 1882 г. перед ректором университета вопрос о научной командировке Жуковского в Иран в целях совершенствования в языке. В своем представлении, характеризуя молодого ученого, они писали, что «при несомненном даровании, солидных познаниях и уже испытанной любви Жуковского к научному труду...»[26] они рассчитывают на отличные результаты и полагают, что, возвратясь из Ирана, Жуковский сможет занять кафедру персидской словесности, которая длительное время не имела постоянного руководителя[27].

В апреле 1883 г. командировка была оформлена, и 4 мая Жуковский выехал из Воронежа в Иран через Баку. Перед отъездом он получил инструкцию от кафедры персидской словес-

---

[22] После защиты диссертации Жуковский согласился с мнением своего оппонента Залемана, что правильнее писать не «Энвери», а «Анвери» (Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 162, л. 10, 11).

[23] ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 22.

[24] К. Залеман, рец. на кн.: В. А. Жуковский, *Али Аухадэддин Энвери. Материалы для его биографии и характеристики* (ЖМНП, ч. 230, 1883, стр. 160—176).

[25] См.: С. Ф. Ольденбург, *Валентин Алексеевич Жуковский, 1858—1918*, стр. 2054.

[26] ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 9.

[27] Кафедрой персидской словесности в те годы временно руководил Черняев. Последним постоянным руководителем ее был проф. Казем-бек (умер в 1870 г.).

ности, копии которой, к сожалению, в делах факультета восточных языков не сохранилось. Однако из опубликованных работ Жуковского, из его писем и отчетов и других косвенных данных можно полагать, что ему было предписано совершенствоваться в знании персидского языка и персидской классической литературы, собирать материалы по наречиям персидского языка[28] в районах Тегерана, Исфагана и Шираза. Кроме того, ему было поручено приобрести литературу и рукописи[29], а также составить списки книг и литографских изданий на персидском языке, имеющихся в частных библиотеках[30].

Отправляясь в Иран, Жуковский не очень верил в успех своих изысканий в области наречий персидского языка, потому что, как он писал, «масса трудов по персидской диалектологии, казалось, не оставила пяди неисследованной земли Ирана и мало сулила новинок новому исследователю».

19 июня Жуковский прибыл в Тегеран. Однако из-за рамазана он не мог сразу приступить к занятиям по изучению языка. Не желая тратить времени зря, молодой ученый задумал составить нечто вроде справочника-путеводителя по Ирану, в котором он хотел изложить «все то, что ведать надлежит человеку, путешествующему по Персии, и не знающему, несмотря ни на какие описания, как и за что взяться. Эти сведения, на мой взгляд, не бесполезны». По неизвестным причинам Жуковский свое намерение в жизнь не претворил. Не исключена возможность, что адресовавшись с таким проектом к Розену, он не получил с его стороны одобрения, так как такого рода «практицизм» в востоковедении явно противоречил духу старой школы ориентализма.

С первых дней пребывания в Иране Жуковский поражал окружающих хорошим знанием персидского языка[31]. Тем не

[28] В. А. Жуковский, *Материалы для изучения персидских наречий*, ч. I, СПб., 1888, стр. 1.

[29] Университетом были выделены небольшие средства для закупки рукописей и книг.

[30] Следует отметить, что в те времена европейцу попасть в частные библиотеки Тегерана (а других не имелось) было очень трудно.

[31] Секретарь консульства в Астрабаде И. С. Игнатьев писал факультету восточных языков, что Жуковский «в значительной степени» владеет персидским разговорным языком (ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 31). — Жуковский 4 декабря 1883 г. писал Розену, что «беседовал с ним (Наср-эд-дин шахом. — *П. Б.*) на персидском диалекте без всякой помощи Григоровича (драгомана. — *П. Б.*) и этим, вероятно, сильно подкупил в свою пользу; после аудиенции весь город уже знал, что шах долго разговаривал со мной, чего прежде с ним никогда не бывало» (Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, д. 162, л. 26). В том же письме Жуковский сообщал, что в Тегеране шли пересуды о том, что шах собирается пригласить его директором тегеран-

менее свои занятия он начал с изучения разговорного языка. «Первое полугодие моего пребывания в Персии было временем подготовительных работ, — писал Жуковский своему неизменному корреспонденту Розену. — Успешность моих занятий всецело зависит от свободы владения персидским разговорным языком, я счел для себя обязательным в первое время исключительное внимание обратить на этот предмет, насколько это от меня зависело и было в моих средствах» [32].

Насколько целеустремлен и упорен был Жуковской в достижении этой цели, видно из того, как он работал с иранским учителем. Он писал, что с «ученым туземцем проводил я ежедневно, начиная с октября м-ца, от трех до пяти часов в беседе по поводу читаемых под его руководством сочинений, стараясь время от времени касаться других вопросов, чтобы по возможности всесторонне обнимать разговорную речь...» [33].

После этого Жуковский перешел к изучению логики и грамматики. «И та и другая, — писал он, — была мною усвоена по учебникам, принятым во всех медресе персидских». «Покончив на время счеты с грамматикой, я вновь обратился к поэзии и взялся за диван Насири-Хосрови Алляви (+ 534 г.)» [34].

В Тегеране Жуковский прожил 15 месяцев, занимаясь чтением текстов из классической персидской литературы и выполняя задания университета по подбору и приобретению литературы на персидском языке. Им был составлен, в частности, «список изданным в разных городах Персии литографским способом книгам», списаны или приобретены разные материалы для изучения курдского наречия (перишан намэ), лурийского, бахтиярского и др. [35].

Нельзя не отметить научную добросовестность и старательность Жуковского при выполнении заданий университета; не имея достаточных средств для приобретения рукописей, некоторые из них он переписывал. Так, им скопирована курдская

ского университета Дарольфунун. Интересно отметить, что сам Жуковский к этой мысли относился положительно. «Мне не раз приходило в голову, что это было бы очень недурно, тогда не только в Исфагань и Шираз можно было бы прокатиться, но и в другие города» (там же, л. 26). В феврале 1884 г. Жуковский сообщает Розену о возможности поступить на службу к губернатору Исфагана и Шираза Зилли Султану, старшему сыну Наср-эд-дин шаха: «Мне кажется, что это было бы очень хорошо... так как можно хорошо узнать Персию» (там же, д. 163, л. 3). Однако дальше предположений дело не пошло.

[32] Архив востоковедов ЛО ИВАН, ф. 17, № 10-а/427, л. 86.

[33] Там же.

[34] Там же.

[35] ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 31.

рукопись из 600 стихов Мухаммеда Перишана и лурские четверостишия Баба Тамира Гамаданского [36].

Известен такой любопытный факт: просматривая библиотеку миссии, Жуковский обнаружил там рукопись на французском языке, «Записки Бартелеми Семино, французского инженерного офицера состоявшего на персидской службе и во время последней войны с Россией (1826—1828 гг. — *П. Б.*) находившегося в главной квартире Аббас Мирзы...». Рукопись эта, как он писал в письме к Розену, пропадала «на зубах грызунов». Поэтому, зная формализм чиновников миссии, он не остановился перед тем, чтобы забрать ее без разрешения и таким образом сохранить для науки [37].

27 января 1889 г. Жуковский сделал сообщение об этой рукописи на заседании Восточного отделения Археологического общества.

В начале сентября 1884 г. Жуковский с женой выехали в Исфаган. Они поселились в так называемой исфаганской Джульфе, пригороде Исфагана, выстроенном шахом Аббасом для переселенных армян. Жена Жуковского, успешно изучившая персидский разговорный язык, оказалась незаменимой помощницей мужа в собирании материалов по фольклору. Особенно велика ее помощь была в области изучения персидской семьи, семейных отношений и быта. «В женском вопросе, — писал Жуковский, — я был поставлен в исключительно благоприятные условия: мне сопутствовала моя жена» [38]. Как женщина, к тому же акушерка, она имела возможность проникать в «святая святых» иранской семьи — эндерун [39]. На основании собственных наблюдений она написала большую статью «Персидский эндерун», не потерявшую значения и сегодня [40].

[36] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 163, л. 2. — После смерти Жуковского эти рукописи были приобретены Азиатским музеем у его жены (Архив АН СССР, ф. 4, оп. 2, № 13, л. 11—12, 17—21, 24).

[37] «Рукопись, — пишет Жуковский 4 декабря 1883 г. Розену, — стыдно сказать, мною похищена; нужно было видеть, в каком положении я нашел все книги! Чтобы она не пропала бесследно... я счел не только законным, но даже своим долгом приобщить к своей библиотеке. Как бог на душу положит: может сообщу о ней Мельникову, а может и умолчу, — последнее вероятнее» (Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 162, л. 27).

[38] Жуковский писал, что его жена «могла входить в самые тесные сношения с персидскими женщинами; она настолько свободно владела персидским языком, что без затруднений записывала со слов женщин всякого рода сообщения» (В. А. Жуковский, *Образцы персидского народного творчества*, СПб., 1902, стр. IV).

[39] Эндерун — внутренняя женская половина персидского дома, закрытая для посещения посторонних мужчин, тем более иностранцев.

[40] [Д. К.]. *Персидский эндерун* («Вестник Европы», СПб., 1886, октябрь, стр. 501—549).

По словам Жуковского, его жена открыла существование у иранцев загадок, которые «составляют исключительное достояние персидских женщин. Слагаются они и стихами и прозой» [41]. О том, насколько энергично действовала в Исфагане жена Жуковского, видно из письма его к Розену: «Супруга моя, кажется не на шутку задумала удивить мир ориенталистов. Она, как разбойник при дороге, вооруженная карандашом и бумагой, при малейшем шорохе женского платья, спешит к дверям... и взимает с прекрасного пола оброк колыбельными, свадебными песнями...» [42].

Однако она собирала не только фольклорные, но и лингвистические материалы. Ольденбург писал, что они вошли в первую часть «Материалов для изучения персидских наречий», опубликованную Жуковским по возвращении из Ирана [43].

В Исфагане Жуковские пробыли около 18 месяцев [44]. Там Жуковский занимался главным образом сбором материалов о диалектах персидского языка, а также по народному творчеству. Так, из некоторых его писем можно узнать дополнительные данные о наречиях персидского языка, таких, как кешэ, кохрудское, рудештское, кяфронийское, зефрэ и др. В классификации этих материалов, в методах и способах их собирания Жуковский шел собственным путем. Он ввел новый способ собирания материалов о наречиях Ирана, деля районы на полосы и последовательно изучая их. В связи с этим он писал, что «поразительное обилие и многообразие (в частностях) персидских диалектов по полосам и в них по отдельным пунктам, городам, деревням и поселкам...» ставит «в настоящее время изучение наречий на иную несколько почву. Деление персидских языков и диалектов на группы, приводимые персидскими лексикологами... и на основании их показаний удерживаемые настойчиво и европейскими исследователями, должно быть оставлено, как вносящее в дело только одну путаницу... Поэтому, — писал далее Жуковский, — материалы, которые собраны мною, я разбил на четыре группы (полосы идут с севера на юг)» [45].

Для получения новых данных Жуковский, как правило, не выезжал в районы, где население говорило на изучаемом им

[41] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 165, л. 14.

[42] Там же.

[43] С. Ф. Ольденбург, *Валентин Алексеевич Жуковский, 1858—1918*, стр. 2056.

[44] Во время пребывания Жуковского в Исфагане с ним вели переписку относительно приглашения его в качестве переводчика для участия в поездке с пограничными комиссарами на афганскую границу в район Сарахса (Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 163, л. 15; № 161, л. 1).

[45] В. А. Жуковский, *Материалы...*, ч. I, стр. II и VI.

наречии. Он подбирал грамотных и разбирающихся в особенностях персидского языка и литературе людей, которые могли дать исчерпывающие ответы на вопросы о значении того или иного оттенка слова или понятия. Для поисков таких людей нужно было обладать умением подойти к человеку, внушить ему доверие к себе. Относясь с уважением к представителям чужого народа, Жуковский умел найти себе помощников. Так, он привлек к работе одного из своих учителей, о котором писал 20 декабря 1885 г. Розену: «Человек мой, который всегда рыщет по базару, в поисках за наречиями или песнями, каждый раз уверяет меня: валла сахиб, более нет в Исфагане такого чудного языка, которого бы Вы не знали, песни, которой бы Вы не записали» [46].

О своей напряженной работе в Исфагане Жуковский образно сообщает в одном из писем к Розену: «Работа сама в руки лезет, едва успеваешь разобраться в массе материала. Утром просыпаешься, в кухне уже сидит какое-нибудь наречие или песня. Возишься с ним до заката, делая самые незначительные передышки для завтрака и чая, а вечер посвящаешь на разборку написанного. И так каждый день. Я до того втянулся в этого рода занятия, что в дни, которые употребляю на прогулку, чтобы освежиться немножко, а также на «дидени» (визиты), положительно тоскую. Случается, что по две недели я не выхожу на воздух.. и никого не принимаю» [47].

О количестве записей, произведенных Жуковским только в области образцов народного творчества, можно судить с его же слов. 5 января 1885 г. он с удовлетворением сообщал Розену о результатах своей полуторагодичной работы в Исфагане: только по бахтиарскому диалекту им записано и переведено до тысячи стихов, а по рудештскому — около 900. «Можете себе представить, — писал он далее, — с какой гордостью и наслаждением смотрю я на свои материалы; как мечтаю о том времени, когда все это сырье появится на свет божий в совершенном виде и оправдает тот интерес, который оно возбудило» [48].

На основе изучения собранного материала Жуковский опроверг существовавшее до него в востоковедной науке представление о широком распространении среди населения Ирана персидского литературного языка в качестве разговорного. Он писал на основе детального изучения этого вопроса, что «чистый новоперсидский язык, известный большинству населения, дале-

---

[46] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 164, л. 26.
[47] Там же, л. 3, 4.
[48] Там же, л. 1, 3, 4, 15.

ко не пользуется такою общеупотребительностью и распространенностью в качестве разговорного языка, как мы о том привыкли думать: он язык государственный, деловой, язык больших городов и привилегированных классов, простой же народ, деревня в нем не нуждается, говоря на диалектах»[49].

Двухгодичный срок командировки сказался для Жуковского недостаточным. Согласно его просьбе Министерство народного просвещения продлило еще на год и 3 месяца срок его пребывания в Иране[50].

21 марта 1886 г. Жуковские выехали в Шираз, где они пробыли до конца мая[51]. За этот короткий промежуток времени много сделать было нельзя. Жуковский заканчивал там работу по бахтиарским диалектам, собирая материалы по наречиям чехарленгов и хефтленгов. Письма Жуковского из Шираза наполнены больше внешними впечатлениями о городе и трудностях дороги, чем о его исследовательской работе. Шираз произвел на Жуковского плохое впечатление: «Улицы узки до безобразия, воздух спертый и, главное, нет порядочной воды... плохо и с продуктами, которые втрое дороже чем в Исфагане»[52].

В ширазских письмах Жуковского к концу трехлетнего пребывания в Иране уже сквозит тоска по родине, желание скорее вернуться в Петербург. В письме от 5 января 1886 г. он жалуется на тяжесть здешней жизни и предвкушает радость возвращения в Россию[53]. Обратно он рассчитывал вернуться через Исфаган—Тегеран—Мазандеран[54], чтобы изучить по пути местные диалекты и собрать образцы народного творчества[55].

Во время пребывания в Иране, несмотря на тяжелые климатические условия, Жуковский работал исключительно напряженно. Именно там им был собран огромнейший и совершенно еще не изученный востоковедами материал по диалектам персидского языка. Как уже отмечалось, отправляясь в командировку, он не надеялся добиться больших результатов при исследовании диалектов Ирана. Однако он ошибся. Благодаря своему таланту, трудолюбию, настойчивости Жуковскому удалось обнаружить, изучить и описать ряд неизвестных науке диалектов персидского языка в районах Кашана, Исфагана, Шираза,

---

[49] В. А. Жуковский, *Материалы...*, ч. I, стр. II.
[50] ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 32, 33, 38, 48.
[51] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 165, л. 10, 16.
[52] Там же, л. 10.
[53] Там же, л. 1.
[54] Там же, л. 16.
[55] Нет документальных данных, говорящих о том, что Жуковский возвращался в Россию через Мазандеран. Очевидно, что-то помешало ему осуществить это намерение.

Семнана и других. Работая над диалектами персидского языка, Жуковский не мог не сталкиваться с произведениями народного творчества [56], изучая которые он пришел к выводу об его огромном литературно-художественном богатстве. «Мой сборник народных произведений, — писал Жуковский в 1886 г., — в последнее время сильно обогатившийся, очень интересен» [57]; по поводу же сивендских [58] образцов народного творчества Жуковский сообщал Розену: «Я еще раз повторяю, что подобных прелестных произведений я никогда не встречал; буду усердно искать их по дороге из Исфагана до Каспия» [59].

Несколько позже, в 1903 г., Жуковский увидел большой социально-политический смысл в произведениях народного творчества. Он нашел в них более правильное отображение политических событий дня, жизни и чаяний народа, чем в художественной литературе, которая, по его мнению, восхваляла каджарский строй: «Тут все благополучно: справедливость шаха, изобилие плодов земных... можно подумать, что в раю» [60]. Тогда как на самом деле «взяточничество, полный произвол разнузданного правительства...» [61] и т. д. И вот эти-то стороны действительной жизни правдиво, без всяких прикрас передают народные «литературные произведения, разнообразные по форме, в ответ на запросы действительности и злобы дня...» [62].

Жуковский пошел собственным путем в востоковедении, отказавшись от традиционного изучения только древней и средневековой истории. Он первый поднял до степени науки изучение народного творчества. Это наметилось уже в первую поездку Жуковского в Иран, сыгравшую огромную роль в его жизни как ученого-ираниста и во многом определившую дальнейшее направление его научной деятельности.

Интересно отметить отношение Жуковского к европейцам, живущим в Иране [63], которые вели себя в отношении местного населения как колонизаторы. Он писал Розену: «О колонии европейцев (купцы и английские телеграфисты) говорить не стоит — это жалкие подонки, которым не нашлось места в Европе». Некоторым исключением, по мнению Жуковского, в Исфагане был начальник английского телеграфа, который за

[56] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 164, л. 1.
[57] Там же, л. 20.
[58] Сивенд — селение в районе Шираза, куда выезжал Жуковский для сбора материалов по местному наречию.
[59] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 162, л. 24.
[60] Цит по В. В. Бартольду, *Памяти В. А. Жуковского*, стр. 414.
[61] Там же.
[62] Там же, стр. XVI.
[63] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 163, л. 2, 8.

20 лет жизни в Иране не потерял своего «европейского облика», тогда как «все прочие — невылазная грязь, от которой душу воротит свежему человеку» [64].

3 мая 1886 г. срок научной командировки Жуковского закончился, и он возвратился в Петербург. 11 июня того же года он был утвержден в должности приват-доцента с исполнением обязанностей руководителя кафедры персидской словесности, не имевшей, как уже говорилось, постоянного руководителя после смерти проф. Казем-бека.

10 октября 1886 г. Жуковский стал читать лекции на факультете восточных языков университета, где он работал до самой смерти (свыше 31 года).

Лекционная нагрузка Жуковского в первые годы его преподавания была невелика [65]. Это давало ему возможность много времени уделять научной работе и подготовке к изданию своих трудов.

С самого начала педагогической деятельности Жуковскому пришлось столкнуться с отсутствием в университете учебных пособий по персидскому языку. В 1887 г. вышел в свет составленный им текст «Сказок попугая» со словарем [66], по которому училось не одно поколение востоковедов, вплоть до нашего времени. В том же году совместно с Залеманом Жуковский издает в Берлине грамматику новоперсидского языка с хрестоматией и словарем [67]. Однако лишь через два года Жуковскому удалось опубликовать ее на русском языке [68]. О том, что грамматика Жуковского — Залемана не потеряла своего научного значения до настоящего времени, говорит факт ее переиздания в Лейпциге в 1947 г. (четвертое издание).

В 1887—1889 гг. Жуковский пишет капитальную работу на базе тех материалов о персидских наречиях, которые он собрал во время своей научной командировки в Иран. Публикация в 1888 г. этого труда и защита его 18 декабря того же года [69] в качестве докторской диссертации твердо закрепляют за Жуков-

---

[64] Там же, № 165, л. 1.

[65] Четыре часовых лекции в неделю в первом полугодии и шесть лекций по втором (ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 58).

[66] «Сказки попугая. Спор чашки с кальяном. Выбрал и словарем снабдил В. А. Жуковский», СПб., 1887, персидский текст 56 стр., словарь 64 стр. 2-е изд. 1901 г.

[67] «Persische Grammatik mit Litteratur. Chrestomathie und Glossar von Carl Salemann und Valentin Shukovski», Berlin, 1889, S. XII, 118, 140.

[68] «Краткая грамматика новоперсидского языка с приложением метрики и библиографии». Составили К. Г. Залеман и В. А. Жуковский, СПб., 1890, стр. 100.

[69] ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 76, 78.

ским кафедру персидской словесности и дают ему с 1 марта 1889 г. звание экстраординарного профессора, когда ему было только тридцать лет.

1889—1891 годы были для Жуковского наиболее плодотворными. В течение трех лет он опубликовал 21 работу, в том числе, кроме указанной грамматики, 11 статей, 5 рецензий и др.

Жуковский становится ведущим ученым-иранистом петербургской востоковедной школы. Когда в 1890 г. у Археологической комиссии возникла необходимость командировать крупного ученого «для ознакомления со следами персидской культуры» в Закаспийской области, выбор пал на Жуковского. Там он много и плодотворно поработал все лето. Жуковский выбрал время для поездки в августе в иранский Хорасан, в селение Тус, на могилу Фирдоуси, о которой написал специальную статью [70], высоко оцененную Бартольдом [71]. В этой статье Жуковский с огорчением противопоставляет запущенную могилу Фирдоуси блеску и великолепию гробницы имама Резы в Мешхеде, высказывая сожаление по поводу невнимания правителей Ирана к памяти величайшего поэта.

Результатом работы Жуковского в Закаспии была монография [72], которая свидетельствует о том, что Жуковский был не только специалистом в области персидского языка и литературы, но и большим знатоком истории Ирана и персидского искусства. Признанный знаток древней и средневековой истории среднеазиатских государств Бартольд писал, что ни один город в Средней Азии не имеет такого тщательного и хорошего исторического исследования, как Мерв, описанный Жуковским [73].

За эту работу он получил золотую медаль Русского археологического общества и был избран 20 февраля 1895 г. членом-корреспондентом Археологической комиссии. 4 декабря 1899 г. Жуковский стал членом-корреспондентом Российской Академии наук по востоковедению [74].

К этому времени начался постепенный отход Жуковского от исследовательской работы в области языка. В связи с этим нельзя согласиться с утверждением Бартольда о том, что Жу-

---

[70] В. А. Жуковский, *Могила Фирдоуси* (ЗВОРАО, т. VI, 1891, стр. 308—314).

[71] В. В. Бартольд, *Памяти В. А. Жуковского*, стр. 406.

[72] «Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва», СПб., 1894.

[73] В. В. Бартольд, *Памяти В. А. Жуковского*, стр. 405, 406; В. В. Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*, СПб., 1903, стр. 29.

[74] ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 106; Архив АН СССР, ф. 2, 1899, оп. 1, № 16.

9 Заказ 1441

ковский «оставался верен до конца жизни» тому кругу занятий по востоковедению [75], которые он наметил себе с первых лет своей научной деятельности. Действительно, начав работу в области персидской классической литературы и языка, он в дальнейшем значительно расширил круг своих научных интересов. Он занимался историей Ирана, фольклором и даже экономикой [76]. Под конец жизни Жуковский много времени отводил изучению персидских средневековых суфиев [77]. Наряду с этим он интересовался и современными ему религиозными сектами в Иране, в частности, парсами, бабидами и т. д. Изучая наречия и сталкиваясь все время с народом, Жуковский не мог не видеть произвола и гонений, которым подвергались различные слои населения Ирана и, в особенности, гебры. Не случайно свою первую печатную работу, опубликованную в 1885 г., Жуковский посвятил вопросу о положении гебров [78].

С 80-х годов Жуковский все более и более занимается административными делами. В течение 11 лет (с 1892 по 1902 г.) он — ученый секретарь факультета [79]. 1 августа его избрали деканом вместо вышедшего в отставку Розена [80].

Насколько велика была загруженность административными делами Жуковского, видно из его письма к Розену, в котором он объяснял ему свое молчание бесконечным числом утренних и вечерних заседаний.

28 ноября 1889 г. Жуковскому было присвоено звание ординарного профессора; 1 января 1901 г. он был произведен в чин действительного статского советника. Он получает ордена русские, бухарский, персидский [81].

Летом 1896 г. Жуковский, по поручению Археологической комиссии, вторично выезжает в Закаспийский край «для историко-филологических изысканий с целью подготовки к изданию персидского сочинения по истории русских закаспийских

---

[75] В. В. Бартольд, *Памяти В. А. Жуковского*, стр. 399.

[76] В Архиве востоковедов ЛО ИВАН, ф. 17, оп. 1, № 1 (13) хранится статья Жуковского «Роспись государственных доходов Персии», в которой сравниваются доходы Ирана за 1836, 1851 и 1885 гг.

[77] Первым учителем в Тегеране был суфий. Жуковский писал Розену 15 февраля 1884 г., что учится «у муллы, самого ярого поклонника Джелдаледдина, суфия, по своему существу» (Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 163, л. 1).

[78] В. А. Жуковский, *О положении гебров в Персии* (ЖМНП, ч. 237, 1885, январь, стр. 77—94).

[79] Жуковский переизбирался ученым секретарем в 1896 и 1900 гг. (там же, л. 114, 133).

[80] ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 145.

[81] Там же, л. 79, 90, 124, 144, 224.

владений»[82]. На этот раз он посещает развалины Нуса и его окрестности — Абиверд и Мейхене. Летом 1897 г. Жуковский сообщал Розену о замышляемом им труде, посвященном Закаспийскому краю, однако он его не написал.

1899 год был примечательным годом в жизни Жуковского: он выпускает в свет две публикации персидских текстов[83]. В том же году В. А. Жуковский с женой выехал на лето в научную командировку в Тегеран[84]. Перед Жуковским были поставлены задачи: пополнить и проверить собранные во время первой командировки материалы по персидскому народному творчеству; ознакомиться с новейшей персидской литературой, с состоянием народного образования, тегеранскими библиотеками и положением на книжном рынке; возобновить связи с местными научными силами.

Как выполнял эти поручения Жуковский, видно из его писем к Розену; 27 июня 1899 г. он писал: «Отдохнув с дороги, я принялся за дело: связался опять с диалектами, которыми здесь хоть пруд пруди, и записываю народные стишки...»[85]. Особенно много занимался он собиранием образцов народного творчества, в частности, у крестьян деревни Зергенде. В этом деле, как пишет сам Жуковский, ему деятельно помогала его жена[86]. Результатом этой поездки было издание Жуковским в 1902 г. замечательного труда «Образцы персидского народного творчества»[87], получившего высокую оценку в России и за границей. Известно, что за эту работу Жуковский получил золотую медаль Русского географического общества, третью золотую медаль за свои научные труды[88].

---

[82] Там же, л. 109, 110.

[83] В. А. Жуковский, *Жизнь и речи старца Абу Са'ида Мейхенейского*, СПб., 1899; «Тайны единения с богом в подвигах старца Абу Са'ида. Толкование на четверостишия Абу Са'ида», СПб., 1899.

[84] С 20 июня по 10 сентября 1899 г. (Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2 № 167, л. 11, 13).

[85] Там же, л. 14.

[86] Жуковский писал 14 августа 1899 г. Розену из Тегерана: «Жена по мере сил помогает мне, приходя в соприкосновение с дамским составом и извлекая из них песни и прибаутки» (там же, л. 11).

[87] «Образцы персидского народного творчества. Песни певцов-музыкантов, песни свадебные, песни колыбельные, загадки, образцы разного содержания. Собрал и перевел В. А. Жуковский», СПб., 1902 стр. IX, 281.

[88] Ольденбург сообщает, что в добавление к этой книге Жуковским были изданы на правах рукописи по цензурным соображениям три стихотворения (С. Ф. Ольденбург, *Валентин Алексеевич Жуковский, 1858—1918*, стр. 2056). — Высокую оценку этой работе дали В. Минорский и А. Крымский которые, по их словам, из нее много почерпнули (Архив востоковедов ЛО ИВАН, ф. 17, д. 10/427, л. 42).

Стремясь ознакомиться в Тегеране с книжным и рукописным богатством частных библиотек, Жуковский при посредстве членов русского посольства познакомился со многими влиятельными лицами, включая садр-азама, церемониймейстера и владельцев издательств. Однако результаты были более чем скромными. Например, осмотрев библиотеку церемониймейстера шахского двора, который был к тому же главой дервишского ордена Ниметаллахи, Жуковский ничего ценного в ней не обнаружил [89]. Во время своего второго пребывания в Тегеране Жуковский изучал «тайны дервишских орденов» и собирал о них документы [90].

Встречам и беседам с дервишами он отводил много времени. Именно в этот период у него наступает разочарование в современном ему иранском дервишизме. Розену он пишет о полном вырождении дервишизма, «превращении его в орден вроде франкмасонских с разного рода тайными собраниями и довольно диким ритуалом, которого никогда и не знали дервиши доброго старого времени» [91]. Более того, Жуковский увидел продажность дервишских святош, «хотя они всячески стараются скрыть это» [92]. Поэтому Жуковскому сначала казалось, что ему «не удастся поднять завесы над этой тайной, но потом убедился, что Аллах керим: надеюсь буду даже располагать тайными письменными документами, не одними словесными откровениями. Я составил маленькую коллекцию фотографий дервишей, и Вы узрите ее в одно из заседаний Археологического общества, если разрешите сделать сообщение по поводу моих летних наблюдений» [93]. Это сообщение Жуковский сделал 18 ноября 1899 г.

---

[89] Во время этой поездки Жуковский был награжден шахом орденом Льва и Солнца второй степени (ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 124).

[90] 14 августа 1899 г. Жуковский писал Розену: «Тайны дервишей мало-помалу раскрываются, и я уже владею некоторыми документами и надеюсь получить еще больше, паутину распустил большую и по самым разным направлениям» (Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 163, л. 11).— В то же время, лично наблюдая за гонениями бабидов, Жуковский пишет об этом небольшую статью, а через два года дополняет ее. Обе статьи проникнуты явным сочувствием к страстотерпцам-мученикам за идею Беха Уллы [В. А. Жуковский, *Недавние казни бабидов в городе Езде* (ЗВОРАО, т. VI, 1891, стр. 321—327)]; В. В. Жуковский, *Разъяснения к заметке «Недавние казни в городе Езде»* (ЗВОРАО, т. VII, 1891, стр. 327).

[91] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 167, л. 17.

[92] Там же.

[93] Там же. — О коллекции фотографий дервишей нам ничего не известно, хотя Софья Михайловна Марр (жена Ю. Н. Марра, ученика и родственника Жуковского) подарила в мае 1958 г. Архиву востоковедов ЛО ИВАН одну из тегеранских фотографий Жуковского в мусульманской одежде.

на заседании Восточного отделения Археологического общества, но письменного документа в развитие своего доклада так и не оставил. Критика Жуковским современного ему иранского дервишизма основана на лично виденном и пережитом им. В ней проскальзывает разочарование тем, во что он верил и что так опошлили современные ему последователи суфизма.

Очевидно, в какой-то степени именно этим объясняется увлечение Жуковского средневековым суфизмом [94].

Жуковский интересовался фольклором и другими видами народного творчества в Иране. Не случайно, в числе первых работ, опубликованных им в 1885—1892 гг., была небольшая статья «Образчик персидского юмора», в которой высмеивалось хвастовство, приписываемое Аббасу Мирзе [95].

В 1889 г. Жуковский пишет большую статью об иранских колыбельных песнях и причитаниях [96]. Однако свою основную работу об образцах народного творчества он издал позднее.

В 1880—1892 гг. Жуковский печатает несколько небольших статей в петербургских газетах и журналах на темы востоковедного характера. В эти же годы он публикует восемь рецензий на русские, немецкие и персидские работы [97].

Несмотря на то что у Жуковского, по его словам, в 1899 г., после второй поездки в Тегеран, было много материалов для издания, он их не опубликовал, если не считать его последней работы «Образцы народного творчества» (1902).

* *
*

Жуковский отрицательно относился к русской революции 1905—1907 гг. [98]. Настроения части русской интеллигенции, впавшей после поражения революции в мистицизм и богоискательство, в какой-то мере были созвучны и Жуковскому.

Жуковский осуждает попытку студентов устроить сходку 11 апреля [99] и одобряет действия администрации университета,

---

[94] Об этом см.: В. В. Бартольд, *Памяти В. А. Жуковского*, стр. 408—409; В. А. Жуковский, *Образчик персидского юмора* (ЗВОРАО, т. I, 1886, стр. 316—318).

[95] Аббас Мирза — наследник Фатх Али-шаха. Под его командованием иранские войска неудачно воевали против русских войск в двух войнах: в 1804—1813 и 1826—1828 гг.

[96] В. А. Жуковский, *Колыбельные песни и причитания оседлого и кочевого населения* (ЖМНП, 1889, январь, стр. 93—126).

[97] См., список научных работ Жуковского, помещенный в ЗВОРАО, т. XXV, 1917—1920.

[98] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 168, л. 1—3.

[99] Там же.

в частности такую меру, как «дробление экзаменов», чтобы «не собирать в одном месте много народа». Отрицательно Жуковский относился и к произведениям Максима Горького.

Следует отметить, что в отличие от своих предшественников и учителей (Розена, Залемана, не говоря уже о Дорне и Френе), много и охотно печатавшихся за границей, главным образом на немецком языке, Жуковский, если не считать изданной вместе с Залеманом персидской грамматики на немецком языке, ничего не публиковал в иностранных журналах, как и не высказывал никогда желания побывать за границей, кроме Ирана. Он, по словам Бартольда, не совершил ни одного путешествия в Западную Европу и «не говорил ни на одном языке, кроме русского и персидского» [100].

10 апреля 1906 г., после 25-летней работы в университете, Жуковский сделал попытку уйти в «заштат», т. е. получить пенсию и преподавать в качестве внештатного профессора [101]. Совмещать две административные должности — декана факультета восточных языков и начальника Учебного отделения Министерства иностранных дел, было все труднее и труднее. К тому же, как старейший декан университета, В. А. Жуковский неоднократно должен был замещать ректора.

9 июля 1911 г. Жуковскому присвоили звание заслуженного профессора. 23 августа 1911 г. Жуковский вторично просит о переводе его на пенсию, ввиду того что он прослужил 30 лет в университете. При этом он давал согласие вести курс лекций внештатно. Наконец, 30 сентября он был освобожден от должности декана с назначением ему пенсии в 3 тыс. руб. в год [102]. В 1911 г. Жуковский закончил официальную службу в университете, продолжая читать лекции по персидскому языку.

Как уже говорилось выше, с 1903 г. и до конца жизни Жуковский почти не издавал своих работ. Были периоды, когда он даже не выступал с докладами или сообщениями; такими были годы: 1904, 1905, 1907—1908, 1910—1912, 1915—1916.

Причины этого весьма трудно объяснить. Во всяком случае даже Бартольд, близко знавший Жуковского, так же как и Ольденбург, уклонились от определенного ответа на этот вопрос, ограничившись туманными намеками на «разочарование», о котором Жуковский якобы «не раз говорил в кругу товарищей» [103].

Основываясь на фактах и документах, в порядке гипотезы можно отметить причины, которые в какой-то мере объясняют

---

[100] В. В. Бартольд, *Памяти В. А. Жуковского*, стр. 399.
[101] ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 222, 224, 225, 226 и 228.
[102] Там же, л. 242, 246, 258, 266, 280.
[103] В. В. Бартольд, *Памяти В. А. Жуковского*, стр. 412.

«молчание» (по выражению Бартольда) Жуковского. Как мы полагаем, главной причиной является большая административная работа Жуковского. По мере загруженности административной работой уменьшается научная деятельность Жуковского. Например, из 73 опубликованных им работ 39 он издал в 1880—1892 гг., т. е. в период, когда он занимался исключительно научной и педагогической деятельностью. В 1893—1902 гг.[104] вышло в свет 23 работы, а в 1903—1918 гг., когда Жуковский был деканом факультета восточных языков до сентября 1911 г., а с 1905 г. и начальником Учебного отделения Министерства иностранных дел, было напечатано только 11 работ.

Сам Жуковский понимал невозможность совмещения научной работы с административной. Он писал Розену: «Мне кажется, на эту должность (ректора Университета. — *П. Б.*) подходил бы И. А. Ивановский, человек уравновешенный... и для науки, по-видимому, уже погибший»[105]. В другом письме мы читаем: «...я выразил большое сомнение в возможности совмещения чиновничьей службы с серьезной научной работой, о чем я всегда с настойчивостью говорил...»[106].

Сын Жуковского, Сергей Валентинович, на заключительном заседании научной сессии, посвященной 100-летию со дня рождения Жуковского, 7 мая 1958 г. высказал свое мнение, что «молчание» Валентина Алексеевича объясняется тяжелой утратой самого близкого его друга Розена. Однако известно, что Розен умер в 1908 г., а Жуковский почти прекратил издание своих трудов гораздо раньше. Смерть Розена могла быть только дополнительной, но не основной причиной «молчания» Жуковского.

Хотя Жуковский почти ничего и не печатал в последние годы своей жизни, он тем не менее продолжал работать главным образом в области исследования суфийских текстов.

Скончался Жуковский от приступа грудной жабы вечером 4 января 1918 г. (старого стиля). Еще утром 4 января, как сообщал Ольденбург[107], Жуковский послал телеграмму декану факультета восточных языков университета, что не сможет прибыть на лекцию. До последней минуты своей жизни он за-

---

[104] Точнее говоря, с 1 декабря 1892 г. по 1 августа 1902 г., когда Жуковский был секретарем факультета восточных языков (ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, д. 8342, л. 145).

[105] Архив АН СССР, 777, оп. 2, № 168, л. 4.

[106] Архив АН СССР, ф. 777, оп. 2, № 167, л. 22.

[107] С. Ф. Ольденбург, *Валентин Алексеевич Жуковский, 1858—1918*, стр. 2039—2040.

нимался переводом дивана Баба Кухи Ширазского. По словам Бартольда, смерть застала Жуковского за переводом стиха из этого дивана. Погребен Жуковский на Ново-Девичьем кладбище.

* *
*

Лучшим заключением статьи о жизни и деятельности Валентина Алексеевича Жуковского могут быть слова Ольденбурга, ученика и сотоварища по работе в университете и по Археологическому обществу Академии наук, написанные им в 1928 г. по поводу предоставления персональной пенсии жене покойного ученого. В этом неопубликованном документе подводились итоги деятельности ученого: «Валентин Алексеевич Жуковский, — писал Ольденбург, — один из крупнейших востоковедов нашей страны, признанный во всем мире глубокий знаток персидской культуры, оставил ряд выдающихся трудов, которые до сих пор во многих областях востоковедения сохраняют руководящее значение. Он был [не] только книжный знаток своего предмета... и ... обладал обширнейшими сведениями, но он черпал свои знания из жизни, проведя несколько лет в Персии, в живом и постоянном общении с местным населением». Жуковский оставил после себя учеников, занявших почетное место в рядах востоковедов.

Жуковский оставил после себя учеников, занявших почетное место в рядах востоковедов.

В области изучения народного творчества Ирана Жуковский выступил новатором: он отрекся от традиций своих учителей, представителей «классической» школы русского востоковедения. Как подчеркивал его ученик А. А. Ромаскевич, Жуковский первый попытался «систематически собрать и обследовать народные произведения Персии, не только как вспомогательный материал (для иранской филологии. — *П. Б.*)... но как произведения народной словесности, в которых так или иначе отразились характерные черты быта и воззрений персидского народа, черты которых напрасно стали бы искать в произведениях художественной литературы Персии» [108].

В этом большая заслуга Жуковского, русского востоковеда-ираниста, отдавшего всю свою жизнь изучению наречий, быта, истории и литературы Ирана.

---

[108] А. А. Ромаскевич, *В. А. Жуковский и персидская народная поэзия* (ЗВОРАО, т. XXV, 1919—1920, стр. 415).

И. М. ОРАНСКИЙ

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ТАДЖИКСКОГО И ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКОВ В ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Основанный в 1819 г. Петербургский университет был не первым и не единственным в России центром изучения и преподавания иранских языков.

Сбор материалов по иранским языкам и подготовка лиц, практически владеющих этими языками (преимущественно персидским), начались еще в эпоху Петра I [1]. С 1804 г. преподавание восточных языков, в том числе и персидского, было введено в устав русских университетов и в течение нескольких десятилетий осуществлялось в Московском, Казанском и Харьковском университетах. Однако развитие иранского языкознания в Петербургском университете уже с первых десятилетий его существования имело некоторые важные особенности, сочетание которых сделало его важнейшим центром исследования и преподавания иранских языков. Прежде всего необходимо отметить непрерывность преподавания иранских языков на всем протяжении стосорокалетнего существования университета [2].

Основным предметом, преподававшимся в течение всего этого времени, был язык произведений богатейшей персидской и

---

[1] См.: С. К. Булич, *Очерк истории языкознания в России*, т. I, СПб., 1904; Н. И. Веселовский, *Сведения об официальном преподавании восточных языков в России*, СПб., 1879; «Материалы для истории Факультета восточных языков», т. IV, СПб., 1909.

[2] Непрерывность преподавания была важным преимуществом Петербургского университета по сравнению с другими университетами России. Преподавание персидского языка в Московском университете, начатое в 1811 г. А. В. Болдыревым, прекратилось в 1837 г. в связи с его отставкой; оно было возобновлено лишь в 1852 г., с восстановлением кафедры восточных языков и переходом на нее П. Я. Петрова, но опять прервалось с его смертью (1875). Еще более кратковременным было изучение персидского языка в Харьковском университете (1829—1836), прекратившееся в связи с переездом проф. Б. А. Дорна в Петербург. Преподавание персидского языка в Казанском университете и 1-й Казанской гимназии, в Ришельевском (Одесса) лицее (и гимназии при нем) было прекращено в 1855 г. в связи с учреждением факультета восточных языков в Петербурге. По указу об учреждении факультета восточных языков ему были переданы востоковедные библиотеки Казанского университета и Ришельевского лицея,

таджикской классической литературы (Рудаки, Фирдоуси, Саади, Хафиз, Джелаль эд-Дин Руми, Аттар, Хайям и др.), исторических и научных сочинений (Нершахи, Бейхаки, Рашид эд-Дин, Хондемир, Мирхонд и др.) [3].

Успешному развитию в Петербургском университете иранского языкознания, в том числе и науки об истории таджикского и персидского языков, благоприятствовало и то обстоятельство, что здесь изучались (в большей или меньшей степени) почти все современные («живые») и древние («мертвые») иранские языки. Профессора, преподаватели, сотрудники и воспитанники Университета вовлекли в круг изучения, а частично и преподавания курдский [4], осетинский [5], афганский [6], прикаспийские [7] и центральные [8] диалекты Ирана, ягнобский [9], памирские [10], белуджский и мунджанский [11] языки.

В 60-е годы прошлого века профессор Петербургского университета К. А. Коссович впервые в России начинает преподавание древних иранских языков: «зендского» (как назывался тогда язык Авесты) [12] и древнеперсидского. В 1875—1876 гг.

---

[3] Как известно, вплоть до последнего времени язык всей этой обширной литературы именовался персидским (новоперсидским). Однако он является прямым предшественником современного персидского языка в той же мере, как и современного таджикского. То же можно сказать и о предшествующих эпохах развития этого языка («среднеперсидский», представленный памятниками III—IX в. н. э.; «древнеперсидский», представленный памятниками VI—IV вв. до н. э.). В этом смысле и следует понимать в дальнейшем термины «новоперсидский», «среднеперсидский», «древнеперсидский».

[4] Начиная с известного труда П. И. Лерха «Исследование об иранских курдах и их предках северных халдеях» (т. I, II, III, СПб., 1856—1858).

[5] Начиная с работ П. И. Лерха и К. Г. Залемана.

[6] Начиная с трудов акад. Б. А. Дорна (40-е годы XIX в.).

[7] И. Н. Березин, Б. А. Дорн, Г. В. Мельгунов, Гештасп Мирза Шафи. Материалы русских исследователей прикаспийских диалектов Ирана также имели большое значение для развития иранского языкознания и через сорок лет после частичного их опубликования (1860—1863) были использованы в сводном международном труде по иранской филологии «Gr. d. ir. Phil.» (Bd I, Abt. 2).

[8] В. А. Жуковский, А. А. Ромаскевич.

[9] Начиная с трудов акад. К. Г. Залемана, использовавшего материалы по ягнобскому языку, собранные, главным образом, воспитанниками факультета, работавшими в Б. Туркестанском крае — А. Л. Куном (1870), Н. И. Веселовским (1885) и Е. Ф. Калем (1887).

[10] Также начиная с К. Г. Залемана, издавшего в 1895 г. «Шугнанский словарь Д. Л. Иванова». Основные работы по памирским языкам относятся уже к советской эпохе (И. И. Зарубин).

[11] Начало изучения последних относится уже к советской эпохе и связано с именем И. И. Зарубина.

[12] После К. А. Коссовича языком Авесты занимались в Петербургском университете акад. К. Г. Залеман и его ученики.

К. Г. Залеман присоединяет к ним «пехлевийский» (среднеперсидский) язык. Примерно в это же время (1868) П. И. Лерх зачитал на одном из заседаний Русского археологического общества доклад «Соображения о сходстве и отличиях древнего согдийского и хорезмского языка сравнительно с языками зендским, древне-парсским и пеглевийским» [13] — первое в отечественной науке исследование о древних иранских языках Средней Азии [14]. Меньшее внимание уделялось изучению саксо-тохарских диалектов, но и в эту область иранского языкознания ученые университета (А. А. Сталь-Гольштейн) внесли свой вклад, на сорок лет предвосхитив вывод западноевропейских языковедов о принадлежности тохарского языка к иранским [15].

Таким образом, наряду с основным предметом преподавания — языком персидской и таджикской классической литературы — в Петербургском—Ленинградском университете за время его существования были представлены почти все живые [16] и древние иранские языки, что создавало прочную базу для развертывания работ в области исторического иранского языкознания.

Во второй половине XIX в. на Факультете восточных языков твердо установился исторический подход к изучению языка. «Самое преподавание языков, — писали в 1876 г. профессора В. В. Григорьев и К. А. Коссович, — не ограничивается у нас обучением тому или другому из них в его современном фазисе: **нынешняя степень развития каждого языка объясняется развитием его в предыдущие эпохи, его наречиями и языками родственными»** [17]. Эти сказанные более 80 лет тому назад слова во многом отвечают нашим современным представлениям о задачах и методах языкознания. Сравни у Ф. Энгельса: «„материя и форма родного языка“ только тогда могут быть поняты, когда прослеживают его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его

[13] См.: «Известия ИРАО», т. VII, стр. 296—297.

[14] После П. И. Лерха согдийским занимались К. Г. Залеман и воспитанник Факультета Ф. А. Розенберг. Основные отечественные труды по согдийскому и хорезмийскому языкам относятся уже к советской эпохе и связаны с именем А. А. Фреймана.

[15] См.: А. А. Фрейман, *Тохарский вопрос и его разрешение в отечественной науке* («Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук», вып. 3, 1952, стр. 123—135).

[16] За исключением, пожалуй, только татского и талышского.

[17] Из записки профессоров Григорьева и Коссовича в Комиссию по пересмотру устава российских университетов 1863 г. («Журналы заседаний Комиссии по пересмотру университетского устава в 1876 году»; Приложение к журналу № 38) (Подчеркнуто нами. — *И. О.*).

собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки»[18].

Развитию исторического языкознания на Факультете способствовала и общая историко-филологическая направленность петербургского востоковедения. Язык изучался не только сам по себе, но и как средство познания истории народа, истории его духовной культуры. Показательна в этом отношении речь, произнесенная 31 марта 1833 г. первым в Петербургском университете профессором персидского языка Ф. Б. Шармуа[19]. Изложенные в этой речи принципы использования восточных языков для изучения истории вообще и истории народов России, в частности, осуществлялись (разумеется, на уровне своего времени) и в работах самого Шармуа[20], и в работах его учеников по языку — П. С. Савельева[21] и особенно В. В. Григорьева[22].

Глубокое понимание историко-филологических задач востоковедения особенно утвердилось после создания в 1855 г. Факультета восточных языков: «Предметы по части востоковедения, образующие в С.-Петербургском университете особый самостоятельный факультет, не состоят только из языков... Наш факультет объемлет, кроме всестороннего изучения языков Востока, и все предметы, раскрывающие и объясняющие полную совокупность явлений, характеризующих бытовую и государственную жизнь восточных народов во все эпохи ее развития»[23]. (Авторы «Записки» предлагали, между прочим, изменить название Факультета, переименовав его из «Факультета восточных языков» в «Восточный факультет» — предложение, осуществившееся лишь в 1944 г.). Горячим поборником историко-филологического направления в востоковедении был и В. Р. Розен, орга-

---

18 Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг* (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV). стр. 327.

19 «Sur l'utilité des langues orientales pour l'étude de l'histoire de Russie» (напечатано отдельно в 1834 г).

20 См. напр., его «Relation de Masoudy et d'autres auteurs musulmans sur les anciens slaves», «Expédition de Timoûr-i Lénk... contre Toqtamiche,... en 793 de l'hégire» («Mém. de l'Acad. des sciences», VI Sér..., t. II, p. 297—408; t. III, p. 69—505, 1833—1835).

21 См., напр., его удостоенный академической премии труд «Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории I. Топография кладов с восточными монетами и изделиями VII, VIII, IX, X, XI века...», СПб., 1846. — В приложении к этой работе «О пехлевийских надписях на монетах Табаристана» (стр. 129—143) автор делает попытку разобраться в пехлевийских легендах монет, что имеет уже непосредственное отношение к истории языка.

22 См., напр., *«История монголов от древнейших времен до Тамерлана»*. Пер. с персидского [В. В. Григорьева], СПб., 1834.

23 Из цит выше «Записки» профессоров В. В. Григорьева и К. А. Коссовича в Комиссию по пересмотру устава Российских университетов.

низатор и воспитатель целой школы петербургских востоковедов конца прошлого и начала нынешнего века. «Востоковедение есть только и исключительно одна из ветвей историко-филологической науки». «Нужна поэтому тесная связь ориенталистов с филологами»[24], — писал он в одной из своих статей. Следуя принципам комплексного историко-филологического изучения Востока, многие ученые университета, вписавшие блестящие страницы в историю изучения и преподавания иранских языков, были одновременно (и часто преимущественно) историками, археологами, нумизматами, этнографами, литературоведами, фольклористами и т. д. Достаточно назвать имена Лерха, Григорьева, Жуковского.

Совокупность всех этих условий — непрерывность преподавания иранских языков, широта кругозора профессорско-преподавательского состава и студентов-иранистов Петербургского университета, знакомство их с древними и современными иранскими языками, основательная историко-филологическая подготовка—создавала необходимые предпосылки для успешного развертывания работы по изучению истории иранских языков[25].

Научно-педагогическая практика Петербургского университета в наибольшей мере (по сравнению с другими учебными заведениями) удовлетворяла важнейшим требованиям, необходимым для развития исторического языкознания. Этим и объясняется, что именно Факультет восточных языков Петербургского университета явился крупнейшим в России центром изучения и преподавания истории иранских языков, в первую очередь истории персидского и таджикского[26].

---

[24] «О восточном факультете и восточных кафедрах» (ЖМНП, 1891, январь, стр. 163).

[25] Важную роль сыграла также доступность для ученых Петербургского университета богатейших востоковедных фондов Азиатского музея Академии наук (с 1930 г.—Институт востоковедения АН СССР), Эрмитажа, Публичной библиотеки (ныне Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), Учебного отделения восточных языков при Министерстве иностранных дел. По замечанию акад. В. В. Бартольда, «число восточных рукописей, находящихся в Ленинграде, настолько значительно, что Ленинграду в этом отношении принадлежит одно из первых, если не первое место среди европейских городов» (В. В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и России*, Л., 1925, стр. 286).

[26] Все работавшие в этой области сотрудники Азиатского музея Российской Академии наук были воспитанниками и почти все — преподавателями Университета. Из ученых, занимавшихся историей таджикского и персидского языков вне Петербургского университета, можно назвать академиков Ф. Е. Корша (1843—1915) и В. Ф. Миллера (1848—1913) и проф. Л. З. Мсерианца, оставивших несколько трудов по древнеиранским языкам. Существенно при этом отметить, что Корш и Миллер учились персидскому языку у известного востоковеда П. Я. Петрова (1814—1875),

* *
*

Определяющим моментом при построении истории языка является вопрос об изученности памятников данного языка, особенно древних, обычно малочисленных и представляющих наибольшие трудности для исследования.

История таджикского и персидского языков представляет в этом отношении особенно трудный, но и особенно благодарный материал, ибо она засвидетельствована подлинными письменными памятниками на протяжении двух с половиной тысячелетий начиная с VI в. до н. э. и до наших дней. Ученые Петербургского университета внесли в изучение истории таджикского и персидского языков (особенно в изучение среднего периода их развития) выдающийся общепризнанный вклад.

Интерес к раннему периоду развития персидского языка наблюдается уже в 40-е годы XIX в. Об этом можно судить, между прочим, по темам, предложенным слушателям Петербургского университета «для соискания наград медалями и почетными отзывами». Так, в 1845—1846 гг. по кафедре Восточной словесности была предложена тема: «Определить характер и дух персидского языка в период самобытного его развития при Сасанидах, на основании немногих сочинений, в коих сохранился первоначальный его вид, свойственный означенной эпохе, и показать перемены, происшедшие во внутреннем его составе от смешения с чужими ему формами арабского языка». В эти же годы ученик Ф. Б. Шармуа и О. И. Сенковского[27] — П. С. Савельев занимается разбором пехлевийских легенд на монетах Табаристана[28], пишет небольшие заметки об иранских древностях[29]. Материалы таджикского героического эпоса («Авеста», «Шах-намэ») были использованы также кандидатом Петербургского университета И. Зиновьевым, защитившим в 1855 г. диссертацию «Эпические сказания Ирана» на соискание ученой степени магистра восточной словесности.

Выбор подобных тем свидетельствует о знакомстве слушателей с памятниками таджикского и персидского языков средне-

---

изучавшего в 1834—1838 гг. персидский язык у профессоров Петербургского университета Ф. Б. Шармуа и Мирзы Джафара Топчибашева.

[27] Известный востоковед, писатель и журналист О. И. Сенковский (1800—1858) был принят профессором университета в 1821 г. после ухода в отставку Шармуа и Деманжа. Характеристику его деятельности см. в кн. «Очерки по истории русского востоковедения», М., 1953, стр. 12 и след.

[28] См. примечание 21. Разбор упомянутого здесь сочинения П. С. Савельева напечатан в журнале «Финский вестник» (1847, т. XVI, № 4, Библиографическая хроника, стр. 18—39).

[29] В различных энциклопедиях и периодических изданиях.

иранского языкового периода, отчасти с Авестой. Возможно в университете были живы еще в то время традиции Шармуа, возможно, и влияние О. И. Сенковского, роль которого в изучении истории таджикского языка еще недостаточно выяснена. Между тем Сенковский был первым ученым, обратившим внимание на особенности «персидского» языка среднеазиатских авторов (Le persan de Bukharie»), являясь в этом отношении предшественником В. В. Григорьева. Еще в 1824 г. в издании фрагментов из «Тезкире-и Муким-Хани» (XVIII в.) Сенковский отметил некоторые лексические и грамматические особенности в языке этого произведения (в частности, употребление причастий на-gí:istodagí, farmudagí), свойственные таджикскому языку в отличие от персидского [30].

Официальное преподавание древнеиранских языков было начато в 1863 г., уже после учреждения Факультета восточных языков. Однако работа по древнеиранским языкам сосредоточивалась не на кафедре персидской словесности [31], а на кафедре санскритской словесности; изучением их занимались студенты санскритско-персидского (с 1885 г. — санскритско-персидско-армянского) разряда. Этот разряд был открыт по представлению Факультета восточных языков с целью «сравнительного изучения языков арийского семейства». Главными предметами здесь были санскрит и персидский язык; в 1863 году к ним были присоединены «зендский» (как тогда неправильно назывался язык Авесты) и древнеперсидский, в 1870 г. — древ-

---

[30] См. его «Supplément à l'histoire générale des huns, des turks et des mogols, contenant un abrégé de l'histoire de la domination des uzbèks dans la Grande Bukharie...», SPb., 1824 (приложение к кн.: «Объявление публичного преподавания наук в Императорском Санктпетербургском университете на сей 1824 год от исправляющего должность ректора и Совета», СПб., 1824).

[31] Большинство представителей этой кафедры — Мирза Джафар Топчибашев (преподавал в университете в 1819—1849 гг.), сменивший его на кафедре А. К. Казем-бек (проф. кафедры персидской словесности Петербургского университета с 1849 по 1870 г.) и преемник последнего по кафедре С. И. Черняев—по характеру своих интересов были далеки от исторического языкознания. Среди многочисленных трудов самого выдающегося из них — проф. Казем-бека мы не находим почти ни одной работы языковедческого (тем более историко-языковедческого) характера. Преподавание здесь носило преимущественно практический характер, о чем писал (1864 г.) и сам Казем-бек: «Как лектор Мирза Шафи, так и проф. Казем-бек будут обращать усиленное внимание на основательное знание гг. слушателей (sic!) живого персидского языка, на правильное их произношение во время чтения и разговора и, наконец, на сознательный и наилучший способ передачи идей с одного языка на другой при словесных переводах, что необходимо для приготовления переводчиков...» (цит. по кн.: «Материалы...», т. IV, стр. 148—149).

неармянский, в 1876 г. — «пехлевийский» (т. е. среднеперсидский) С 1884 г. на третьем и четвертом семестрах читался также курс сравнительного языкознания.

Инициатива организации этого разряда и заслуга введения преподавания древнеиранских языков принадлежит К. А. Коссовичу (1815—1883). Окончив в 1836 г. Московский университет со степенью кандидата, К. А. Коссович долгое время был учителем греческого языка в различных гимназиях, а с 1858 г. безвозмездно преподавал санскрит в Петербургском университете. В 1860 г. Коссович был назначен «исправляющим должность» экстраординарного профессора по кафедре санскритской словесности, с 1864 г. он — доктор сравнительного языкознания и экстраординарный профессор, с 1866 г. — ординарный профессор по кафедре санскритской словесности. Коссович много внимания уделял организации преподавания, расширению лингвистического кругозора студентов-индологов. В составленную им программу занятий по санскритской словесности входил, между прочим, и следующий пункт: «Язык вед. его отношение к санскриту и сравнение с зендским». Отсюда становится понятным путь, которым пришел Коссович к изучению древнеиранских языков — авестийского и древнеперсидского: он отталкивался от близко им родственных древних индийских языков, главным образом от ведического санскрита. В приложении к составленной Коссовичем совместно с Григорьевым упоминавшейся выше «Записке» содержался проект плана распределения дисциплин на предлагавшемся ими «Восточном факультете». Этот план, высоко оцененный впоследствии акад. С. Ф. Ольденбургом, включал в числе прочих дисциплин и следующие: древнеиранская словесность (языки зендский и пехлевийский, ахеменидская клинопись); новоперсидская словесность (современный персидский язык и его литература; характеристика новоперсидских наречий: мазандеранского, гилянского и др.)[32].

Еще до начала преподавания древнеиранских языков в Университете Коссович издал первую в России работу по Авесте[33], за которой последовал вскоре ряд других[34], служивших отчасти учебными пособиями.

[32] Мазандеранский и гилянский языки считались в то время диалектами персидского языка.

[33] «Четыре статьи из Зенд-Авесты, с присовокуплением транскрипции, русского и латинского переводов, объяснений, критических примечаний, санскритского перевода и сравнительного глоссария», СПб., 1861.

[34] «Decem Sendavestae excerpta: latine vertit, sententiarum explicationem et criticos commentarios adjecit, textumque archetýpi, recensuit Dr. C. Kossowicz», Paris, 1865; «Gata ahunavaiti», СПб., 1867 и «Gata uštavaiti», СПб., 1869.

Язык Авесты не является, как известно, прямым предшественником таджикского и персидского языков. Однако, вследствие чрезвычайной близости его грамматического строя и словарного состава к грамматическому строю и словарному составу древнеперсидского языка, изучение Авесты крайне важно для исследований в области истории таджикского и персидского языков. Дешифровка памятников ахеменидской клинописи стала возможна лишь благодаря сравнению их с Авестой. Тесно связано с авестийскими материалами и изучение памятников таджикского и персидского языков среднеиранского языкового периода, состоящих в значительной мере из переводов Авесты или сюжетно связанных с ней произведений. Без привлечения материалов Авесты невозможна сколько-нибудь плодотворная работа в области изучения культурно-исторических условий жизни древних предков таджикского народа, в области истории таджикского и персидского языков и литературы[35].

Коссовичу принадлежит первое в отечественной науке издание древнейших памятников таджикского и персидского языков — клинообразных надписей VI—IV вв. до н. э.[36].

Заслуги Коссовича в изучении древнеиранских языков были полностью признаны его современниками. Посвящая ему свою монографию «О скифском народе саках», В. В. Григорьев писал: «Каэтану Андреевичу Коссовичу Первому в России исследователю арийской древности в ее старо-бактрийских и старо-персских памятниках посвящает автор как дань глубокого уважения к его учености, талантам и характеру настоящий труд свой об одном из арийских народов древнего Востока»[37].

В. В. Григорьев (1816—1881), известный, главным образом, своими историческими трудами, оставил след и в изучении истории таджикского языка. Опубликованная им в 1861 г. запись рассказа бухарского купца об исторических событиях середины XIX в.[38] представляет собой ценный материал для занимающихся исследованиями живой таджикской речи того времени.

Дальнейшее изучение древних иранских языков в универ-

---

[35] См., например, Б. Г. Гафуров, *История таджикского народа в кратком изложении*, т. I, изд. 2-е, М., 1952, стр. 23—30.

[36] «Inscriptiones Palaeo-Persicae Achaemenidarum quot hucusque repartae sunt... archetyporum typis primus edidit et explicavit», Petropoli, MDCCCLXXII.

[37] В. В. Григорьев, *О скифском народе саках*, СПб., 1871.

[38] «О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре. Записки Мирзы Шемса Бухари, изданные в тексте с переводом и примечаниями В. В. Григорьевым», Казань, 1861.

10 Заказ 1441

ситете связано с именем К. Г. Залемана (1849—1916). Во время прохождения университетского курса Залеман занимался санскритом и «зендским» языком под руководством Коссовича, но в еще большей мере его учителем был библиотекарь университета П. И. Лерх. С января 1876 г. Залеман приступил к чтению лекций в звании приват-доцента по зендской и пехлевийской словесности и с тех пор на протяжении 40 лет до самой кончины ежегодно объявлял в обозрениях преподавание курсов по языкам «зендскому»[39] и пехлевийскому.

Как явствует из протоколов заседаний Совета Петербургского университета Залеман уже в первые годы своей преподавательской деятельности (с 1876 г.) излагал студентам грамматику языка Авесты, читал и переводил «Decem Excerpta» Коссовича, толковал пехлевийский перевод Ясны, занимался разбором форм пехлевийского языка и (что для нас особенно важно) «объяснял грамматику пехлевийского языка в сравнении с новоперсидским».

В 80-е годы XIX в. иранистические дисциплины, читавшиеся в основном Залеманом, были представлены в учебных планах санскритско-персидского разряда с исчерпывающей для того времени полнотой:

«Зендский» язык. Грамматика и тексты по «Handbuch» Гейгера (третий семестр), толкование Вендидада (четвертый и пятый семестры), Яштов (шестой и седьмой семестры), Гат (восьмой семестр).

«Клинообразные надписи первой системы» (т. е. древнеперсидские клинообразные надписи ахеменидской эпохи).

«Пехлевийский» язык. Грамматика (пятый семестр), толкование «Арда-Вираф-намэ» (шестой и седьмой семестры), «Йошт-и Фриян» (седьмой семестр), «Бундахишн», «Менохирад» и другие памятники (восьмой семестр).

Персидский язык. Грамматика (третий семестр), чтение отрывков из хрестоматии Болдырева (четвертый семестр), «Гулистан» Саади, «Шахнамэ» Фирдоуси и «упражнения по древнейшим памятникам новоперсидской словесности» (пятый и шестой семестры), произведения Хафиза (седьмой семестр).

Таким образом преподавание охватывало все этапы развития иранских языков, с VI в. до н. э. по XIV—XV вв. включительно. В сравнении грамматического строя пехлевийского и новоперсидского языков можно видеть зачатки складывающегося курса истории таджикского и персидского языков.

---

[39] До 1907 г. включительно, когда термин «зендский» был заменен правильным «авестийский».

После введения устава 1884 г. от экзаменующихся по санскритской словесности требовались следующие познания в области иранских языков: «Полное знакомство с грамматическим строем зендского языка в сравнении с древнеперсидским и санскритским», переводы из Яштов и Вендидада «с этимологическим объяснением форм и слов», из древнеперсидских клинообразных надписей, из памятников среднеперсидской литературы; «полное знакомство с грамматикой ново-и среднеперсидского языка». При переводах древнеармянских текстов также требовался сравнительный анализ древнеармянского с иранскими языками. По положению от 4 января 1864 г. «зендский» язык был одним из главных предметов, по которым сдавались испытания на степень магистра санскритской словесности. С 1875 г. «зендский» язык входил также в программу испытаний на степень магистра армянской словесности.

Все это свидетельствует об исключительно высоком уровне преподавания иранистических дисциплин в Петербургском университете.

К. Г. Залеман оставил богатейшее научное наследство, охватывающее материалы и исследования по многочисленным живым и древним иранским языкам, в том числе по всем эпохам развития персидского и таджикского языков. По своим научным интересам Залеман был главным образом лингвистом, историком языка. В едва ли не единственной его литературоведческой работе («Четверостишия Хакани», магистерская диссертация, 1875) основное внимание уделяется не столько выводам историко-литературного характера, сколько вопросу о необходимости изучения языка таджикских и персидских поэтов для обогащения «имеющихся пока у нас грамматик и словарей»[40]. Вопросам лексикографии Залеман придавал очень большое значение и одной из важнейших задач иранской филологии считал изучение памятников средневековой лексикографии («ферхенгов»), отображающих лексический состав языка таджикской и персидской классической литературы[41].

Залеман предполагал издать целую серию важных лексикографических источников, в том числе полностью подготовленный им к опубликованию древнейший памятник таджикско-персидской лексикографической литературы — словарь Асади Туси, но

---

[40] «Четверостишия Хакани». Издал и перевел К. Залеман, СПб., 1875, особенно стр. 29—36.

[41] См., напр., его рец. на «Persische Studien» де Лагарда (LOPh, Bd. II, 1884, S. 74—86) и работу «Bericht über die Ausgabe des Mi'jâr i Jamâlî («Mél. asiat.», t. IX, 1888, p. 417—594+1 Tabl.).

в силу ряда обстоятельств этот замысел не был доведен до конца [42].

Изучение грамматического строя языка таджикской и персидской классической литературы дало материал для создания лучшей из существующих грамматик языка этого периода, написанной К. Г. Залеманом совместно с В. А. Жуковским [43]. Авесте и ахеменидским клинообразным надписям Залеман посвятил «Очерк истории древнеперсидской или иранской литературы», где дал, между прочим, первый перевод на русский язык Бехистунской надписи [44]. Очерк этот был составлен настолько удачно, что еще 30 лет спустя им смог воспользоваться для второго издания своей «Истории Древнего Востока» известный русский историк Б. А. Тураев.

Важнейшие научные работы Залемана посвящены изучению памятников таджикского и персидского языков среднеиранской языковой эпохи. Уже первые его работы в этой области, в частности, доклад на третьем Международном съезде ориенталистов в Петербурге (1876 г.) и статья «Über eine Parsenhandschrift der K. Öffentlichen Bibliothek zu St. Petersburg» [45], заставили в корне изменить взгляды на пехлевийскую лексикографию [46] и положили начало строго научному ее изучению.

Одной из важнейших задач при изучении языка этого периода Залеман считал установление текста и его произношения. Именно ему принадлежит заслуга окончательного определения идеограмматического характера письма пехлевийских текстов. Еще в 1880 г. в упомянутой работе [47] Залеман утверждал, что все арамейские слова, встречающиеся в пехлевийских текстах, являются только условными знаками, идеограммами для соот-

---

[42] Вышли в свет только один из древнейших ферхенгов معیار جمالی Шемс-и Фахри («Shams i Façhrîi Ispahânensis Lexicon Persicum», fascic. prior, Casani, 1887) и словарь Абдулкадира Багададского к «Шах-намэ» (Abdulqâdiri Bâgdadensis Lexicon Sahnâmianum, t. I, 1895).

[43] C. Salemann und V. Shukovsky, *Persische Grammatik mit Litteratur, Chrestomathie und Glossar*, Berlin, 1889. Годом позже вышло в свет в несколько переработанном виде русское издание («Краткая грамматика новоперсидского языка с приложением метрики и библиографии», СПб., 1890).

[44] Помещено в издании «Всеобщая история литературы», вып. I, СПб., 1880, стр. 157—190.

[45] Напечатано в кн.: «Труды третьего международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге 1876 г.», т. II, СПб., 1879, стр. 493—592.

[46] См., напр. H. Junker, *Frahang-i pahlavik*, Heidelberg, 1912, Introduktion, S. 1.

[47] См.: К. Г. Залеман, *Очерк истории древнеперсидской или иранской литературы*, стр. 187.

ветствующих иранских слов и что они никогда не читались и не произносились иначе как по-ирански. Дальнейшая работа над памятниками пехлевийского письма все более убеждала его в правильности такой точки зрения, и в 1886 г.[48] Залеман делает первую в истории науки попытку транскрибировать пехлевийские тексты (Maδiγān-i čatrang и др.) только по-ирански, т. е. заменяя арамейские слова иранскими эквивалентами. В своем знаменитом труде «Mittelpersisch»[49] Залеман категорически отвергает мнение о смешанном характере среднеперсидского языка и доказывает, что встречающиеся в текстах семитические (арамейские) слова существовали только в письменности и реально никогда не произносились. Основными доводами в пользу этой точки зрения Залеман считал чисто механическую трактовку семитских слов в пехлевийских текстах и присоединение к ним иранских флексий; отсутствие в последующие эпохи развития языка каких-либо следов арамейских слов; наличие специальных глоссариев (ферхенгов), толкующих по-ирански эти арамейские слова; взаимозаменяемость арамейских слов (идеограмм) и соответствующих иранских и, наконец, свидетельства ранних арабоязычных авторов.

Когда в начале XX в. в Турфанском оазисе (Китайский Туркестан) были обнаружены манихейские документы на том же языке, что и тексты, лежащие в основе предшествующих этим находкам работ Залемана, но написанные другой разновидностью письма и без единой идеограммы, весь ученый мир должен был признать его правоту.

Упомянутый труд Залемана «Mittelpersisch», основанный отчасти на изданных, отчасти на рукописных текстах пехлевийского письма («Bücher-Pehlevi»), явился первым научным очерком грамматики среднеперсидского языка и составил целую эпоху в развитии иранского языкознания. Лингвистический уровень этой работы настолько высок, что она справедливо считается украшением «Grundriss»'а и сохраняет свое значение до наших дней[50].

Столь же важное значение для истории таджикского и персидского языков имеет пехлевийский словарь-индекс, над составлением которого Залеман работал в течение 30 лет и который с исчерпывающей для того времени полнотой представлял лексику среднеперсидского языка. Этот замечательный труд не

[48] «Mittelpersische Studien» («Bulletin de l'Académie des Sciences...», t. XXXI, SPb., 1887, p. 417—450-«Mél. asiat.» vol. IX, 1888, p. 207—253).

[49] «Gr. d. ir. Phil.», Bd. 1, Abt. I, 1895—1901, стр. 249—332.

[50] В 1930 г. этот труд был переиздан в Бомбее.

был окончен автором. Материалы к нему хранятся в трех больших рукописных томах в Архиве Академии наук СССР [51]. Такие колоссальные по объему труды, как пехлевийский словарь, требуют от ученого десятилетий самозабвенного, самоотверженного труда, и нередко бывало так, что целой жизни не хватало для их завершения. Условия и стиль работы дореволюционных русских востоковедов, недостаточность и разобщенность научных сил, отсутствие широкой общественности, заинтересованной в их исследованиях, нередко приводили к тому, что такие незавершенные труды оказывались похороненными в архивах.

С начала XX в. и до самой смерти К. Г. Залеман занимался найденными в Китайском Туркестане документами на иранских языках. При переиздании [52] дешифрованных Ф. Мюллером манихейских текстов из Турфана Залеман исправил допущенные немецким ученым ошибки и неточности (что вызвало положительный отклик такого крупнейшего лингвиста, как А. Мейэ [53]), а приложенный к этой работе раздел «Zur Grammatik» явился блестящим дополнением к его прежней грамматике, основанной только на «Bücher-pehlevi». Материалам из Китайского Туркестана посвящены и все другие его работы последних лет жизни [54], за исключением статьи «Eranica» [55], в которой он опять возвращается к вопросам чтения Авесты, ахеменидской клинописи, пехлевийских текстов.

Большое значение для изучения истории таджикского языка, в частности его исторической фонетики, имели работы Залемана по так называемым еврейско-персидским текстам, лингвистическое значение которых было оценено им еще в 1884 г. [56] Эти написанные еврейским шрифтом на таджикском языке тексты позволили Залеману установить некоторые особенности

---

[51] Из других неопубликованных работ К. Г. Залемана, имеющих первостепенное значение для истории персидского и таджикского языка, назовем «Библиографический обзор парсийских рукописей, хранящихся в Европе», которым он занимался много лет и довел почти до полного завершения (см. его статью «О результатах поездки, совершенной летом 1889 г. в Копенгаген». — Донесение адъюнкта К. Г. Залемана, читанное в заседании Историко-филологического отделения 3 октября 1889 г.), а также второй и третий выпуски еврейско-персидских текстов (см. о них ниже) и др.

[52] «Manichaeische Studien» СПб., 1908.

[53] JA. 10 Sér, t. XIII, 1909, p. 312 sqq.

[54] Серия «Manichaica», I—V («Известия Академии наук», 1907—1913).

[55] «Известия Академии наук», т. VIII, 1914, стр. 795—808.

[56] В упомянутой выше рецензии на труд де Лагарда. См. примечание 41.

таджикской фонетики[57], отличающие ее от персидской, но скрытые от исследователя за оболочкой арабской графики. Как впервые выяснил Залеман, эти тексты могут дать материал для изучения не только нового, но и среднего периода в развитии таджикского и персидского языков[58].

Рядом с Залеманом стоит другой крупнейший деятель отечественной иранистики, его младший современник, проф. В. А. Жуковский. Не являясь историком языка, Жуковский тем не менее глубоко понимал необходимость ставить добываемые диалектографические материалы в связь с древними памятниками иранских языков[59]. Изданные им критические тексты средневековых памятников таджикского и персидского языков[60] имеют значение не только для изучения истории литературы и истории культуры, но и для истории языка. В обстоятельных предисловиях к этим изданиям В. А. Жуковский отмечает «особенности языка автора и орфографии переписчика», оказывая этим неоценимую помощь историку языка. Особенно подробный анализ такого рода сделан в отношении сочинения «Кяшф-аль-Махджуб»[61], относящегося к середине XI в. (древнейший список — XV в.).

Жуковским отмечены особенности встречающихся в этом сочинении грамматических форм и конструкций в именах существительных (например, употребление суффикса множественного числа *-ān* независимо от одушевленности или неодушевленности обозначенного именем предмета; употребление послелога *-rā* при именительном падеже и предложных сочетаниях; частое употребление *-rā* для выражения цели), в глаголах (свободное положение в предложении приставки *mī-*, сочетаемость ее с приставкой *bi-*, с неопределенным наклонением и причастием прошедшего времени, образование сложной формы будущего времени с пол-

[57] См.: C. Salemann, *Judaeo-Persica nach St.-Petersburger Handschriften. I. Chudâidât. Ein judisch-bucharisches Gedicht* («Записки ИАН», т. 42, 1897, № 14). — Второй и третий выпуски этой серии с большим интересом ожидались в ученом мире (см. напр. Th. Nöldecke в ZDMG, Bd. LI, 1897, S. 553), но так и остались не отпечатанными.

[58] См. его «Zum Mittelpersischen Passiv» («Известия Академии Наук», т. XIII, 1900, стр. 269—276).

[59] См.: В. А. Жуковский, *Материалы для изучения персидских наречий*, ч. I, СПб., 1888, стр. 111.

[60] «Жизнь и речи старца Абу-Са'ида Мейхенейского», СПб., 1899; «Тайны единения с богом в подвигах старца Абу-Са'ида», СПб., 1899; «Раскрытие скрытого за завесой» («Кяшф-аль-Махджуб»), Л., 1926. (Подготовка к изданию этого труда была закончена В. А. Жуковским в 1905 г. Труд издан посмертно его учеником А. А. Ромаскевичем) и др.

[61] «Раскрытие скрытого за завесой», Предисловие, стр. 40—53.

ной формой инфинитива и т. д.) и в других частях речи. Отмечен также ряд интересных синтаксических особенностей.

Составившие эпоху в развитии иранского языкознания труды Залемана и Жуковского получили широкое международное признание[62] и надолго упрочили приоритет отечественной науки в ряде областей иранистики. Деятельность этих ученых заложила прочную основу для дальнейшего развития иранского языкознания на Факультете.

Несмотря на высокий уровень постановки иранистических дисциплин на Факультете в конце прошлого — начале нынешнего столетия, на их преподавании отрицательно сказывался искусственный разрыв, выражавшийся в том, что одни из этих дисциплин (главным образом древние иранские языки) слушались только студентами санскритско-персидско-армянского разряда, а другие (преимущественно «новоперсидский» язык и литература) только студентами арабско-персидско-турецко-татарского разряда. Потребность в объединении всех иранистических дисциплин в составе одной кафедры осознавалась уже в первые годы XX в. В 1901 г. вопрос об организации кафедры иранской филологии (наряду с кафедрой персидской словесности) был поднят в подписанном В. Р. Розеном и В. А. Жуковским представлении ректору Университета. Но создана кафедра иранской филологии была лишь в последний год жизни К. Г. Залемана — в 1916 г. С этого времени изучение и преподавание истории персидского и таджикского языков стало стержнем всей научно-педагогической деятельности новой кафедры, возглавлявшейся с первых лет советской власти учеником акад. Залемана членом-корр. АН СССР, проф. А. А. Фрейманом. Однако деятельность кафедры в этот период уже выходит за рамки настоящей статьи.

---

[62] Их работы по изучению многочисленных иранских языков и диалектов были высоко оценены XII Международным съездом ориенталистов [см.: С. Ф. Ольденбург, *Индийская и Иранская секции на XII съезде ориенталистов в Риме* (ЗВОРАО, т. XII, 1899, стр. 068)].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПР	Архив внешней политики России
Архив востоковедов ЛО ИВАН	Архив востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР
ГИАЛО	Государственный исторический архив Ленинградской области
«Записки ИАН»	«Записки Императорской академии наук в Санкт-Петербурге»
ЖМНП	«Журнал Министерства народного просвещения»
ЗВОРАО	«Записки Восточного отделения русского археологического общества»
«Известия ИРАО»	«Известия Русского археологического общества»
«Известия ИАН»	«Известия Императорской академии наук в Санкт-Петербурге»
ЦГИАЛ	Центральный государственный исторический архив Ленинграда
«Abhandl. d. PAW»	«Abhandlungen der Pächsischen Akademie der Wissenschaften»
«Abhandl. d. sächs. AW»	«Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften».
BVSf	«Beiträge zur vergleichende Sprachforschung»
«Bibl. Nat., Suppl. pers.»	«Bibliothèque Nationale, Supplément persan»
BSOAS	«Bulletin of the British school of Oriental and African studies»
«Bull. Acad. Belg.»	«Bulletin de l'Académie royale de Belgique»
CRAI	«Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres»
GGN	«Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen»
«Gr. d. ir. Phil.»	«Grundriss der iranischen Philologie»
JA	«Journal asiatique»
«Jewish quart. rev.»	«Jewish quarterly review»
JRAS	«Journal of the Royal Asiatic society»
LOPh	«Literaturblatt für orientalische Philologie»
MAOG	«Mitteilungen der Altorientalischen Gesellschaft», Leipzig.
«Mél. asiat.»	«Mélanges asiatiques»
MSL	«Mémoires de la Société de linguistique de Paris»
SbPAW	«Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften in Berlin»
ZDMG	«Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft»
ZII	«Zeitschrift für Indologie und Iranistik»

СОДЕРЖАНИЕ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
РУССКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Сборник IV

*

*Утверждено к печати
Редакционным советом востоковедной литературы
при Отделении исторических наук
Академии наук СССР*

*

Редактор издательства *М. Д. Панасьянц*
Технический редактор *А. К. Красная*
Корректор *Е. Б. Полякова*

*

Сдано в набор 12/VI 1959 г. Подписано к печати 19/IX 1959 г
Т-10415. Формат 60×92$^1/_{16}$ Усл. п. л. 9,75. Печ. л. 9,75.
Уч.-изд. л. 10,06 Тираж 1300 экз. Зак. 1441 Цена 6 р.

*

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2

*

Типография Издательства восточной литературы
Москва, И-45, Б. Кисельный пер., 4

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
52	13 св.	о новой Сирии	по новой истории Сирии
119	21 сн	Варваре Ивановне	Варваре Александровне
123	3 св.	Баба Тамира Гамаданского	Баба Тагира Гамаданского
123	23 сн	Шак женщина	Как женщина
125	16 сн.	в Исфагане	в Иране
153	17 св.	Pächsischen	Preussichen

Зак. 2194

6 руб.